

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИККА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал «Корееведение» издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области корееведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
Научную электронную библиотеку eLibrary.ru

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Пак Чон Су (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Проткова Е.В., Тарасов С.Ю., Федюнина М.А., Шкатов Д.Е.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия

ISSN 2949-2025 печатная версия

DOI: 10.48647/ICCA.2023.14.93.001

© ИККА РАН

© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical “**Koreanology**” is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Tarasov S.Y., Fedyunina M.A., Shkatov D.E., Protkova E.V.

Branch of Science (in the Russian Federation):	OECD Fields of Science:
07.00.00 Historical sciences and archeology	5.02 Economics and business
08.00.00 Economic sciences	5.06 Political science
23.00.00 Political science	6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010
ISSN 2949-2025
DOI: 10.48647/ICCA.2023.14.93.001

© ICCA RAS
© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Абрамов С.А.* Охрана нематериального культурного наследия в Республике Корея 5
- Гришина Д.Е.* На передовой: создание и деятельность корейской дипломатической миссии в Токио, 1887—1894 гг. 19

Экономика

- Мурадянц В.А., Мосейчук Д.В.* Демографические изменения в Республике Корея и политика южнокорейского правительства в XXI в. 29
- Мосаки Н.З.* Политика Республики Корея в Иракском Курдистане 43

Политика

- Бабаев К.В.* Стратегический треугольник Россия—США—КНР и будущее Северо-Восточной Азии 66
- Новиков К.О.* Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: вызовы и перспективы 79

CONTENTS

History

- Abramov S.A.* The Principal Objectives for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in the Republic of Korea 5
- Grishina D.E.* On the Front Line: Establishment and Activities of the Choson Legation in Tokyo, 1887—1894 19

Economy

- Muradyants V.A., Moseichuk D.V.* Demographic Changes in the Republic of Korea and the Policy of the South Korean Government in the 21st Century 29
- Mossaki N.Z.* The Policy of the Republic of Korea in Iraqi Kurdistan 43

Politics

- Babaev K.V.* Strategic Triangle Russia—USA—China and the Future of Northeast Asia 66
- Novikov K.O.* Yoon Suk Yeol's Policy towards Japan: Challenges and Prospects 79

С.А. Абрамов

Охрана нематериального культурного наследия в Республике Корея

Аннотация. Цель данной статьи — рассмотреть влияние Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. (далее — Конвенция ЮНЕСКО 2003 г.), к которой Республика Корея (РК) присоединилась в 2005 г., на систему нематериального культурного наследия (НКН) Кореи и обозначить существующую проблематику.

В РК система НКН существует с момента принятия в 1962 г. Закона об охране культурного наследия. Впоследствии в данный закон были внесены существенные изменения, в результате чего в 2016 г. был принят новый закон «О сохранении и развитии нематериального культурного наследия». Он не только значительно расширил сферу НКН и управления им, но и привел к существенным изменениям в правовом и политическом аспектах регулирования нематериального культурного наследия в РК.

В частности, серьезным изменением в системе НКН стало открытие в 2013 г. Национального центра нематериального наследия (국립무형유산원) в г. Чонджу, РК, который будет заниматься исследованиями, продвижением и поддержкой нематериального культурного наследия.

Особое место в статье занимает оценка итогов и работы очередного всемирного форума, посвященного охране нематериального культурного наследия (2023 World Forum for Intangible Cultural Heritage), состоявшегося 1—2 сентября 2023 г. в г. Чонджу.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, интеллектуальная собственность, ЮНЕСКО, Республика Корея.

Автор: Абрамов Сергей Александрович, исследователь, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления, филиал, г. Орел, Россия. ORCID: 0000-0001-6968-033X. E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абрамов С.А. Охрана нематериального культурного наследия в Республике Корея // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 5—18.
DOI: 10.48647/ICCA.2023.29.85.002.

Abramov S.A.

The Principal Objectives for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in the Republic of Korea

Abstract. This article aims to examine the impact of the 2003 Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage, to which Korea acceded in 2005, on Korea's intangible cultural heritage system and to identify the extant challenges. Korea has maintained an Intangible Cultural Heritage (ICH) system since the enactment of the Cultural Heritage Protection Act in 1962. Subsequently, the 1962 Act underwent substantial amendments in 2016, resulting in the enactment of a new Act on the Safeguarding and Promotion of Intangible Cultural Heritage. The ICH Act of 2016 not only significantly broadened the scope of ICH and its management but also brought about noteworthy changes in the legal and policy aspects of ICH regulation in the Republic of Korea.

A significant transformation in the ICH system was the establishment of the National Intangible Heritage Centre in 2013. The National Intangible Heritage Centre (국립무형유산원), located in Jeonju City, Republic of Korea, is dedicated to researching, promoting, and supporting intangible cultural heritage.

This article allocates special attention to evaluating the outcomes and proceedings of the upcoming World Forum for Intangible Cultural Heritage (2023 World Forum for Intangible Cultural Heritage) held on 1–2 September 2023 in Jeonju, Republic of Korea.

Keywords: intangible cultural heritage, intellectual property, UNESCO, the Republic of Korea, DPRK.

Author: Sergey A. ABRAMOV, researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Central Russian Institute of Management. ORCID: 0000-0001-6968-033X. E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Abramov S. A. (2023). Ohrana nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Respublike Koreya [The Principal Objectives for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in the Republic Korea]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 5–18. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.29.85.002.

Прежде чем присоединиться к Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., страны Северо-Восточной Азии, такие как Южная Корея, Китай, Япония и Северная Корея, должны были соответствующим образом модифицировать существующие или создать новые институты охраны НКН. Эти изменения не были единообразными и сильно различались в зависимости от уровня понимания Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., этнического и политического контекста в каждой стране.

Становление и характерные черты системы охраны НКН в Республике Корея

Первоначально власти РК считали, что Конвенция ЮНЕСКО 2003 г. не отличается радикально от существующей системы НКН, которая действовала в стране с 1962 г. [Наhm, 2015, p. 41].

Утверждалось даже, что ЮНЕСКО переняла некоторые аспекты корейской системы НКН. Однако эти две системы существенно различаются по целям и критериям назначения.

До 2016 г. корейская система НКН основывалась на Законе о культурном наследии 1962 г., который был принят как прямой перевод японского Закона о защите культурных ценностей 1954 г. [Lee, 2009, p. 11] Однако корейская система отличалась от японской.

После японской оккупации (1910—1945), Корейской войны (1950—1953) и вестернизации под эгидой ООН РК обеспечила международную охрану НКН через структуры ЮНЕСКО в середине XX в. До оккупации Сеул и Токио связывала долгая история конфликтов, но попытка Японии колонизировать Корею окончательно изменила характер их взаимодействия.

Контроль японского генерал-губернаторства (ЯГГ) над сохранением корейской культуры и управлением наследием привел к созданию музеев корейских реликвий и развитию исторического туризма, а также к реформированию народной культуры [Atkins, 2010, p. 99]. В 1916 г. при ЯГГ было создано Управление по изучению корейских реликвий, в состав которого вошли представители бюрократического аппарата генерал-губернаторства [Malianghkaу, 2017, p. 30]. В Законе 1916 г., касающемся правил сохранения древних реликвий, основное внимание уделялось составлению отчетов о находках, а также обеспечению соответствующих методов консервации реликвий. ЯГГ взяло на себя контроль над археологической и охранной деятельностью в отношении объектов культурного наследия [Atkins, 2010, p. 101]. Контролируя сохранность исторических памятников и реликвий, ЯГГ определяло контуры корейской национальной идентичности. В 1933 г. был принят Закон о защите культурных ценностей (국가무형문화재보유자 в Корею [Malianghkaу, 2017, p. 31]. Поскольку в Законе 1916 г. не было дано правильного определения обладателей национального нематериального культурного наследия, а сам термин отсутствовал в корейском праве, несмотря на его использование в Японии в виде соответствующего термина «живое национальное сокровище» (яп. *нингэн кокухо*) [Atkins, 2010, p. 100], в Законе 1933 г. было расширено определение того, кто может претендовать на данный статус [Malianghkaу, 2017, p. 32].

Хотя в риторике Японии подчеркивалось, что ее политика направлена на благо корейских граждан, очевидно, что японцы руководствовались своими политическими соображениями [Malianghkaу, 2017, p. 33]. Интерпретация корейской истории, уничтожение национальных достопримечательностей, перестройка народной культуры отвечали интересам ЯГГ, рассматривавших корейцев как колониальных подданных. На протяжении десятилетий вплоть до 1945 г. Японская империя извлекала выгоду из корейских ресурсов и культуры в своих собственных интересах.

В 1954 г. Япония внесла поправки в Закон о защите культурных ценностей, отделив народные ремёсла от материального культурного наследия, создав категорию «народные ремёсла» (в 1975 г. она была переименована в «народное культурное наследие») отдельно от НКН [Lee, 2009, p. 13].

Закон о защите культурных ценностей (ЗЗКЦ) 1962 г. стал первым элементом правового регулирования культурного наследия, появившимся в РК в период после японской оккупации.

ЗЗКЦ по примеру Японии стал инструментом модернизации, а не сохранения традиций, которые мешали Сеулу добиваться научных, экономических и дипломатических успехов [Rossi, 2018, p. 89].

В то же время РК выделила только категорию НКН и не имела отдельной категории для нематериального «народного культурного наследия». Это различие свидетельствует о том, что взгляды двух стран на культурное наследие с самого начала расходились. В Японии основными объектами нематериального культурного наследия являются ремёсла и исполнительское искусство (кабуки, металлообработка, лакировка, крашение и т. д.). Нематериальное народное культурное наследие отнесено к региональным и специфическим для повседневной жизни культурным элементам, включая народные обычаи, ежегодные события и фестивали.

В РК, напротив, нематериальное народное культурное наследие не выделено в отдельную категорию, а лишь обозначены важные нематериальные культурные ценности, к которым относятся «театр, музыка, танцы, пьесы, ритуалы, ремесленные навыки и т. д.», оцениваемые как «национальное, этническое или мировое наследие, имеющее выдающуюся историческую, художественную, научную или живописную ценность» [Park, 2023, p. 30]. Данный подход характеризует местную народную культуру в качестве субъединицы в формировании национальной и этнической идентичности.

Как и Япония, РК определила НКН как «театр, музыку, ремесленные навыки и другое нематериальное культурное наследие, имеющее высокую историческую или художественную ценность для Кореи», а народное культурное наследие — как «культурные обычаи, народные представления, традиционные ремёсла и предметы, такие как одежда, орудия труда, дома и т. д., используемые в питании, одежде, жилище, ремеслах, религии, ежегодных праздниках и т. д., необходимые для передачи следующим поколениям корейских граждан» [Наhm, 2020, p. 107]. Однако, в отличие от Японии, в РК исторически сложилось так, что народным культурным наследием считается только материальное наследие.

Еще одним фактором, обуславливающим специфику правовой охраны НКН в РК, является напряженность на Корейском полуострове, выраженная, помимо прочего, в том, что две соседние страны были вынуждены делить, дублировать и бороться за общее НКН. Подобное положение дел может быть объяснено процессами деколонизации, проходившими в XX в. [Абрамов, 2023, с. 46] Это был непростой период для материального права, что же до нематериальных культурных ценностей, то они рассматривались как объекты права интеллектуальной собственности с присущими им ограничениями в виде исключительных прав, а также как форма копирайта. На практике это означало то, что у каждого объекта нематериальной культуры должен быть сингулярный правообладатель в рамках национальной юрисдикции. Международная защита нематериальной культуры велась, тем не менее, не в рамках Всемирной организации интеллектуальной

собственности (ВОИС), а ЮНЕСКО, что привело в отсутствие практики защиты права приоритета к существованию множества разных национальных деривативов культурных ценностей. Ввиду того, что юридическая конструкция подобной практики была несбалансированной, данный правовой механизм не принес ощутимых результатов.

Ревизия подобной политики началась уже в XXI в. В рамках постколониальной доктрины интеллектуальной собственности [Абрамов, 2023, с. 46] право стало более гибким и допускает коллективные взаимодействия между субъектами и объектами. Были оставлены попытки вписать традиционные сообщества в правовые рамки эпохи модерна, и вместе с тем вновь обращалось внимание на ценность традиционной культуры в развитом постиндустриальном обществе.

В качестве предвестника подобной трансформации может служить взаимодействие РК и КНДР в рамках их общего НКН — лирической народной песни «Ариран» (아리랑).

О том, что «Ариран» выражает чувства, общие для всех корейцев, и уважение между ними, свидетельствует тот факт, что спортсмены с севера и юга Кореи пели «Ариран», когда совместно выходили на церемонию открытия XXVII Олимпийских игр в Сиднее (Австралия) в 2000 г. В этом же ключе следует отметить, что на нескольких концертах, посвященных общенациональному воссоединению, народные музыканты и певцы с севера и юга Кореи, а также из-за рубежа исполняли «Ариран», отражая боль национального разделения и стремление к воссоединению. Другими словами, «Ариран» демонстрирует, что корейцы говорят на одном языке и имеют общую культуру.

Подобные трансграничные проявления НКН не были возможны в рамках национального законодательства стран Корейского полуострова и правового аппарата ЮНЕСКО конца XX в.

Номинация «живое национальное сокровище» (인간 문화재) (ЖНС) в РК была создана в 1962 г., когда в стране был принят ЗЗКЦ, что совпало с ростом корейского национализма во время правления Пак Чон Хи [Rossi, 2018, p. 73]. В то время многие традиционные ритуалы использовались в качестве протеста против подавления правительством традиционных и демократических устоев, для политических протестов против администрации Пака [Rossi, 2018, p. 74]. Курс на изоляцию народа от традиционной культуры может быть одной из характеристик корейского национализма 60—70-х годов XX в. Целью данной политики являлось замещение ценностей, сформированных местными сообществами, на общегосударственную идеологию, направленную на ускоренную модернизацию. Отказ от традиционных костюмов, деловая одежда, планирование семьи вели к дальнейшему подавлению религиозных и культурных традиций, которые были частью корейских общественных обычаев [Rossi, 2018, p. 74].

Присвоение номинации ЖНС отдельному лицу, а вместе с этим и исключительных прав на объекты НКН выполняло две важные функции. *Во-первых*, обеспечение контроля за традиционной культурой посредством сужения круга лиц, являющихся правообладателями. *Во-вторых*, ориентация на Запад, где ЖНС воспринималось в качестве персональных привилегий, существовавших в западной доктрине интеллектуальной собственности вплоть до конца XIX в.

Между тем регрессивный характер привилегий не соответствовал декларируемым ЮНЕСКО и ВОИС инициативам по борьбе с культурной апроприацией и за универсализм права интеллектуальной собственности [Абрамов, 2023, с. 48].

Тем не менее, в отличие от японской, корейская система ЖНС фокусируется на образовательном аспекте и практике передачи знаний. В корейской системе обозначены не только лица, но и группы лиц, не связанных кровным родством, которые могут обучать других практикам, хранителями которых они являются.

В соответствии с Законом 2015 г., корейская система ЖНС состоит из лиц трех категорий: сертифицированный обучающийся, преемник и непосредственно ЖНС.

Корейское общество, пропитанное «конфуцианскими ценностями», тем не менее установило определенные рамки в отношении старшего поколения в качестве ЖНС. С одной стороны, это звание дает его обладателям почет и чувство собственного достоинства. С другой стороны, если обладатель титула уходит из жизни, а его преемник не смог продолжить его ремесло, то объект НКН теряет охраноспособность.

Как правило, номинация ЖНС присваивается лицам, несмотря на их возраст или отсутствие активности. Однако с 1990-х годов в РК стали номинировать ЖНС более молодых кандидатов, поскольку некоторые виды деятельности НКН требуют сил и выносливости, например, театр и танцы.

Молодые номинанты не мешают пожилым кандидатам стать ЖНС; этот процесс символизирует тот факт, что определенные качества более полезны для сохранения НКН, чем возрастная опыт.

В последние двадцать лет с момента подписания Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. практика ЖНС была приведена в соответствие с постколониальными представлениями о праве интеллектуальной собственности: упразднение привилегий, универсальный и коллективный характер правообладания. В результате всеупотребительным стало понятие «живое наследие», обозначающее знания и навыки, которые используются людьми на практике и передаются молодым поколениям. Подобная формулировка отразила влияние РК на практики охраны НКН ЮНЕСКО.

В 2016 г. на основе ЗЗКЦ был принят Закон об охране и развитии нематериального культурного наследия. Если в ЗЗКЦ не упоминается защита и сохранение НКН, то в новом законе основное внимание уделяется сохранению НКН и важности нематериального наследия в РК [Rossi, 2018, p. 92]. Этот закон в некотором смысле отходит от японской правовой традиции, поскольку он опирается на Конвенцию ЮНЕСКО 2003 г., которую РК и Япония, а также другие государства-члены разработали совместно с этой организацией [Rossi, 2018, p. 92]. Закон 2016 г. контрастирует с ЗЗКЦ, который был ориентирован в большей степени на государство [Rossi, 2018, p. 94]. В преамбуле Закона 2016 г. говорится о стремлении граждан использовать традиционную культуру через сохранение и популяризацию НКН. Акцент на гражданах знаменует собой существенный сдвиг в риторике, которая ранее не учитывала состояние гражданского и местного сообщества, ставя на первое место интересы государства и страны. Менталитет, сформировавшийся у корейцев во время японской оккупации, а также

политическая напряженность на Корейском полуострове и необходимость ускоренной модернизации РК в XX в. препятствовали возможности должного возрождения национальной идентичности.

После вступления Закона 2016 г. в силу многие политические документы в области культурного наследия, принятые различными государственными органами, были пересмотрены. Ранее документы часто игнорировали НКН, однако в последние годы нематериальное культурное наследие приносит дополнительные инвестиции за счет развития ремесленной индустрии и туризма.

Корейская система НКН охватывала и нематериальное народное культурное наследие, включая ритуалы, которые подчеркивают региональные особенности, их социальный характер. Таким образом, сфера применения НКН в РК ранее не включала народную культуру, под которой понимаются репрезентативные элементы повседневной культуры народа. Южнокорейская трактовка НКН отличалась от трактовок Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., в которых акцент делается на живом наследии или, другими словами, на культурных элементах, участвующих в воспроизводстве культурной самобытности.

Более того, положение Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. о живом наследии не сводится к этнической культуре, а подразумевает культурную самобытность местных сообществ. Данная трактовка оказалась для РК более новой, чем для Японии, включившей понятие «живое наследие» в свое культурное наследие через систему нематериального народного культурного наследия.

Изменения, внесенные в концепцию нематериального культурного наследия с момента вступления в силу в Республике Корея Конвенции ЮНЕСКО 2003 г.

Поправка 2016 г. к закону «О культурном наследии» [Наhm, 2020, р. 106] внесла существенные изменения в существующую в РК концепцию нематериального культурного наследия.

Прежде всего, определение НКН было изменено на «нематериальное культурное наследие, которое передавалось на протяжении многих поколений, относящееся к тем, которые подпадают под любой из следующих пунктов». В частности, в законе говорится о семи категориях, включающих: 1) традиционные исполнительские виды искусства; 2) традиционные навыки, касающиеся ремесел, искусства и т. д.; 3) традиционные знания, касающиеся корейской медицины, сельского хозяйства, рыболовства и т. д.; 4) устные традиции и выражения; 5) традиционный образ жизни, касающийся еды, одежды, жилья и т. д.; 6) социальные ритуалы, такие как народная религия; 7) традиционные игры, фестивали, а также боевые искусства [Park, 2023, р. 33].

Закон о культурном наследии 2016 г. значительно расширил существующую категорию НКН, которая ограничивалась театром, музыкой, танцами, пьесами, ритуалами, ремесленными навыками и т. д. Данное изменение было внесено с учетом Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., в которой особое внимание уделяется взаимоотношениям с местными сообществами.

РК ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО 2003 г. в 2005 г. РК пользуется исключительными правами в отношении следующих объектов НКН: тхальчум (탈춤) — танцевальная драма в масках в РК 2022 г., эпические песнопения пхансори (판소리) 2003 г. и пр. Некоторые объекты НКН КНДР дублируют объекты НКН, номинированные РК, например, лирическая народная песня «Ариран» (아리랑) в 2012 г., кимчжан (김장) — процесс приготовления кимчи (김치) в 2013 г. Причиной этому служат правила приоритета, лежащие основе права интеллектуальной собственности.

В последние годы две страны составляют совместные заявки на регистрацию объектов НКН. Примером является номинация традиционной корейской борьбы ссирым (씨름), находящаяся в совместном ведении РК и КНДР.

С 2017 г. значительно увеличилось количество так называемых номинаций без назначения исключительных прав, в том числе ссирым (씨름), хэнь — женщины-ныряльщицы с о. Чечжу (제주해녀문화), изготовление кимчи (김치와 김장문화), Ёндынхве — фестиваль лotosовых фонарей (연등회), музыка нонак (농악), плетение моси (한산모시).

В случае прочих объектов НКН правообладателями являются общественные организации. Примером может служить древнее корейское боевое искусство тхэккён (태권/택견/托肩), традиционный корейский танец с масками «Тхальчум» (대한민국의 탈춤), традиционное корейское представление канатоходца «Чультахаги» (줄타기), традиционные песни (가곡), традиционная деревянная архитектура тэмокчан (대), представление «Намсадан Нори», буддийский ритуал Ёнсанчжэ (영산재, 靈山齋), шаманский ритуал Чхильморидад Ёндынгут на о. Чечжу (제주 칠머리당영등굿), танец «Чхоёнму».

В рамках охраны практик соколиной охоты (매사냥) РК обладает правами наряду с другими государствами, такими как: Объединенные Арабские Эмираты, Австрия, Бельгия, Хорватия, Чехия, Франция, Германия, Венгрия, Ирландия, Италия, Казахстан, Киргизия, Монголия, Марокко, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Катар, Саудовская Аравия, Словакия, Испания и Сирийская Арабская Республика.

Традиции перетягивания каната (줄다리기) охраняются совместно с Камбоджей, Филиппинами и Вьетнамом.

Только несколько из более чем двух десятков объектов подпадают под прежнее законодательное понятие «декоративно-прикладное искусство»: фестиваль Тано в Канныне, нонак, пхансори. Однако это не означает, что Закон о культурном наследии 2016 г. отходит от существующей концепции НКН и определяет совершенно новую концепцию.

Прежде всего, Закон 2016 г. определяет культурное наследие как искусственно или естественно сформированное национальное, этническое или мировое наследие, имеющее выдающуюся историческую, художественную, научную или художественную ценность, что по-прежнему определяет ценность обозначенного культурного наследия по отношению к нации и этносу [Наhm, 2020, p. 107]. Однако на практике объекты НКН, включенные в перечень с 2017 г., редко ограничиваются конкретным регионом или небольшим сообществом; в основном они состоят из культурных элементов, которые широко признаны как часть корейской культуры.

Кроме того, Закон о НКН 2016 г., предусматривающий положения о назначении, управлении и продвижении нематериального культурного наследия, в качестве основного принципа выделяет сохранение «архетипа», а не «оригинальной формы», и направлен на: 1) воспитание национальной идентичности; 2) передачу и развитие традиционной культуры; 3) осознание и повышение ценности нематериального культурного наследия. Закон определяет архетипы как «неотъемлемые черты, составляющие ценность конкретного нематериального культурного наследия» [Park, 2023, p. 36].

Однако указанная ценность НКН по-прежнему сосредоточена на этнической идентичности и традиционной культуре, что ставит под сомнение ее отличие от существующей концепции архетипов.

Пересмотренное в 2020 г. Положение об исследовании и экспертизе национального нематериального культурного наследия и признании специалистов-практиков (Постановление администрации по культурному наследию № 583) [Park, 2023, p. 38] демонстрирует усилия по отражению новой концепции в существующих объектах НКН. В 2020 г. к существующим критериям для объектов НКН была добавлена категория «знания и обычаи повседневной жизни» [Park, 2023, p. 36].

Эти изменения рассматриваются как попытка корейского правительства сблизить определение ЮНЕСКО НКН как живой культуры, которая продолжает участвовать в процессе воспроизводства знаний и опыта, с корейским определением НКН, которое изначально было призвано сохранить навыки, теряющие конкурентоспособность и исчезающие в процессе модернизации с 1962 г. в сфере национальной культуры.

Деятельность Национального центра нематериального наследия в Республике Корея

Еще одним важным изменением, произошедшим с принятием Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., стало создание в 2013 г. Национального центра нематериального наследия (далее — Центр) при Управлении культурного наследия (국립무형유산원) — первого комплексного административного института, занимающегося сохранением корейских объектов НКН. Центр является многопрофильной организацией, где размещаются галереи для выставок, залы для выступлений, архивы, учебные пространства. Одной из основных его задач является расширение рынка традиционных ремесел. Учреждение стало ядром международного сотрудничества в области НКН, а также площадкой для всемирного форума, посвященного охране НКН.

В качестве основной миссии руководством Центра поставлена задача сохранения корейской культурной самобытности и культурного разнообразия посредством творческого наследования нематериального наследия и расширения, связанных с ним ценностей. Центр обязуется охранять и развивать корейское нематериальное наследие как живую культуру посредством ее сохранения, передачи и взаимодействия, как культуру, которая идет в ногу со временем посредством

креативного осмысления и выражения НКН и которая ощущается в повседневной жизни.

Центр вносит свой вклад в расширение права на пользование объектами НКН, расширяя соответствующую осведомленность и участие общественности посредством широкого спектра рекламных мероприятий, касающихся распространения нематериального наследия. Также осуществляется поддержка традиционных ремёсел, продвигая их превосходство и предоставляя различную поддержку, включая консультации по дизайну и продвижение преемников традиционного мастерства. Центр создает возможности для расширения понимания нематериального наследия посредством организации тематических выставок. Им проводится огромная работа по созданию базы данных нематериального наследия посредством опросов и исследований.

Учреждение предлагает различные учебные курсы по нематериальному наследию, которые помогут заложить основу для последующих практиков, систематического сохранения и передачи нематериального наследия. Кроме того, Центр предоставляет возможности участия в образовательном процессе в области нематериального наследия.

Все это свидетельствует о признании политиками того факта, что подход к нематериальному культурному наследию должен отличаться от подхода, ориентированного на реставрацию и консервацию культурных ценностей. Созданный в 2013 г. Национальный центр нематериального наследия занимается исследованием, продвижением и поддержкой людей и сообществ, передающих нематериальную культуру.

С 2017 г. Центр проводит комплексное и с 2021 г. углубленное исследование нематериального наследия РК. В прошлом комплексное исследование народной культуры РК проводилось с 1968 по 1981 г., после вступления в силу ЗЗКЦ 1962 г. [Park, 2023, p. 40].

С тех пор исследовательские отчеты, как правило, были посвящены практикам декоративно-прикладного искусства или признанным объектам культурного наследия, в то время как комплексные исследования проводились редко, за исключением религиозных практик. После принятия в 2016 г. поправки к Закону о культурном наследии Национальный центр нематериального наследия с 2017 г. проводит комплексное исследование НКН РК. Так, «Комплексное исследование нематериального наследия Кореи 2017 г.: сельское хозяйство и рыболовство» стало первым общенациональным исследованием после «Комплексного исследования корейского фольклора» 1968 г. [Наhm, 2020, p. 107].

Однако оно подверглось критике за то, что не смогло выйти за рамки фрагментарных отчетов о техническом процессе и знаниях в области сельского хозяйства и рыболовства [Park, 2023, p. 42]. Несмотря на то что были предприняты попытки исследования сельского хозяйства и рыболовства, мало внимания уделялось тому, как конкретные навыки и знания функционируют в связи с обществом, природой, выходя за рамки традиционной перспективы, ориентированной на навыки. В ответ на эти критические замечания Центр выступил с инициативой проведения углубленного исследования по всестороннему изучению немате-

риального наследия РК. Целью исследования было изучение ценности знаний в области сельского хозяйства и рыболовства как нематериального культурного наследия, о котором ранее сообщалось лишь фрагментарно.

Всемирный форум нематериального культурного наследия

ЮНЕСКО уже давно подчеркивает роль НКН как движущей силы культурного разнообразия и способа гарантировать устойчивое развитие. В духе Рекомендации об охране традиционной культуры и фольклора 1989 г., Всеобщей декларации о культурном разнообразии 2001 г., принятой в целях преодоления межкультурных границ и достижения взаимного уважения, а также Стамбульской декларации 2002 г. ЮНЕСКО создала основу для разработки политики защиты НКН. Так, в 2003 г. была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия с целью обеспечить защиту и передачу НКН как жизненно важного элемента поддержания культурного разнообразия в условиях ускоренной интенсификации глобализированной среды [Lixinski, 2020, p. 140].

В 2023 г. исполняется 20 лет со дня принятия ЮНЕСКО Конвенции об охране нематериального культурного наследия. За этот период 180 государств — членов Организации и различные заинтересованные стороны предприняли на основе Конвенции различные усилия для защиты НКН стремясь обеспечить его устойчивое будущее. В честь круглой даты ЮНЕСКО предложила провести памятное мероприятие, посвященное ценностям Конвенции, а именно Всемирный форум нематериального культурного наследия, на что правительство РК выразило желание участвовать в данной инициативе.

Всемирный форум нематериального культурного наследия, прошедший 1—2 сентября 2023 г. в г. Чонджу, РК под знаком «Достижения в сохранении НКН за последние два десятилетия и дальнейшие перспективы», дал возможность высказаться политикам, общественным организациям и экспертам об их опыте и достижениях в области защиты НКН за последние 20 лет.

На заседаниях форума были рассмотрены дискурсы и тенденции в области охраны НКН путем изучения проблем деятельности ЮНЕСКО, образования, преодоления кризисов [Park, 2023, p. 33], которые возникли после принятия Конвенции 2003 г. [Ubertazzi, Richardson, 2023, p. 24]. Также обсуждались особенности охраны НКН с точки зрения взаимодействия регионов, окружающей среды и культуры [Oh, 2023, p. 107]. На одном из заседаний обсуждалось поддержание и развитие инклюзивного и устойчивого общества, опыт исследований и проектов, которые представили эффективные примеры инклюзивного социального развития посредством НКН и схемы сотрудничества в целях устойчивого развития. Важной темой стало будущее НКН в контексте городского планирования, постгуманизма, информационных технологий и творчества, которые, как ожидается, будут способствовать сохранению нематериального культурного наследия для будущих поколений.

Заключительная секция была посвящена различным проектам, реализуемым в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Также обсуждались характеристики и взаимосвязь охраны НКН с точки зрения региона, окружающей среды и культуры.

Заключение

Влияние, оказанное Японией на культурное наследие РК, в частности на ее НКН и национальную идентичность, отражалось в корейском праве на протяжении XX в. Правовое регулирование НКН было инспирировано японской правовой традицией, несмотря на заметные отличия права РК и отдельных институтов (ЖНС). Только в XXI в. Южная Корея смогла стать передовым примером в отношении правовой охраны НКН.

После присоединения к Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. в системе и политике РК в области НКН произошло множество изменений, но серьезным препятствием на их пути, пожалуй, стало общественное восприятие культурного наследия как национальной культуры, укрепившееся за последнее столетие. Классическим примером является приготовление кимчи, которое в 2013 г. было включено в список НКН ЮНЕСКО. Некоторые корейцы продолжают считать, что включение кимчи в список нематериального культурного наследия человечества отражает признание миром культуры кимчи как уникально корейской.

Мало кто понимает, что ценность кимчи заключается в том, что оно является важной частью корейской культурной самобытности и олицетворяет культуру совместного проживания и гармонии с природой. Представляется, что в РК как должностным лицам соответствующих организаций, так и рядовым гражданам необходимо больше задумываться о природе культурного наследия [Park, 2023, p. 43]. Конвенция ЮНЕСКО 2003 г. призывает обратить внимание на знания или мировоззрение, ориентированные на сообщество, а также на универсальные ценности, заложенные в них, обозначая интерес корейского народа к малым, но универсальным культурам, которые не сводятся к этнической принадлежности. Кроме того, этот инструмент может смягчить негативные аспекты модернизации и национализма, которые доминировали в корейском обществе последние полтора столетия.

Отношение к нематериальному культурному наследию человека как к исключительной собственности отдельных стран и народов заставляет задуматься о международных отношениях как таковых. Как и во многих других странах, большинство южнокорейцев продолжает считать, что этнические обычаи являются важной частью их национальной идентичности даже несмотря на то, что повседневная жизнь стала гораздо более вестернизированной. Многие корейцы огорчились, когда в 2009 г. танец корейского народа наконец был включен Китаем в список нематериального культурного наследия человечества, а многие китайцы, возможно, испытали аналогичные чувства, когда в 2005 г. фестиваль Тано в Каньине был включен РК в список нематериального культурного наследия человечества [Park, 2023, p. 40].

Эти случаи часто используются в качестве аргументов в пользу бесполезности политики ЮНЕСКО в области НКН. Однако данный феномен подчеркивает необходимость международного сотрудничества для достижения целей программы ЮНЕСКО в области НКН [Machado, 2021, p. 2]. В будущем органам культуры и соответствующим организациям будет необходимо не только обозначать и управлять собственным нематериальным культурным наследием, но и развивать

активное политическое сотрудничество в этой области со странами, где возникают конфликты по поводу нематериального культурного наследия человечества [Ubertazzi, 2020, p. 4]. Кроме того, ЮНЕСКО должна активно участвовать в международном политическом сотрудничестве, а не просто обозначать нематериальное культурное наследие и управлять им, чтобы реализовать свои основные ценности — мир и взаимопонимание в области культуры.

Библиографический список

Абрамов С.А. Постколониальная теория и исследование права интеллектуальной собственности // IP: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА, 2023, № 1(1). С. 46—56.

Atkins E. T. Primitive Selves: Koreana in the Japanese Colonial Gaze, 1910—1945. Colonialisms 5. Berkeley, CA: University of California Press, 2010.

Hahm Han-hee. A Cross-cultural Study of Safeguarding Activities of Intangible Cultural Heritage in East Asian Countries, Intangible Heritage Studies, Vol. 5, Issue 1. (Center for Intangible Culture Studies, Jeonbuk National University, 2020).

Hahm Han-hee. A Study of Construction of Intangible Cultural Heritage Discourse and Its Development // Journal of Intangible Heritage, Issue 1. (Center for Intangible Culture Studies, 2015).

Lee Sang-hyun, Placemaking and the Politics of Intangible Cultural Heritage, The Study of Practice Folkloristics, 2009, Vol. 13, p. 281.

Lixinski L. Religious heritage in international law: Nationalism, culture, and rights // Pravovedenie, 2020, Vol. 64, No. 1. Pp. 138—155. DOI: 10.21638/spbu25.2020.111.

Machado, Diogo. What is Heritage For? Law, Heritage, and Value // Routledge Handbook of Heritage and the Law.

Maliangkay, R., Lau F. Broken Voices: Postcolonial Entanglements and the Preservation of Korea's Central Folksong Traditions. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. URL: muse.jhu.edu/book/61286 (дата обращения: 14.10.2023).

Oh Changhyun. Implementation and Challenges of Korea's Accession to the UNESCO Intangible Cultural Heritage System // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea, 2023. Pp. 107—114.

Park Hyung-Bin. Peace in the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, and the Joint Inscription of Ssireum // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea, 2023. Pp. 32—42.

Rossi J. The 'Living Human Treasures' System in the Republic of Korea. Università Ca' Foscari Venezia, 2018. Pp. 1—154.

Ubertazzi B. Guest editor's note: Culture, sustainable development and UNESCO // Pravovedenie, 2020, Vol. 64, No. 1. Pp. 4—14.

Ubertazzi B. Safeguarding Intangible Cultural Heritage and the environment // Pravovedenie, 2020, Vol. 64, No. 1. Pp. 124—137. DOI: 10.21638/spbu25.2020.110.

Ubertazzi, B., Richardson T. The 2003 Convention and the Global Capacity Building Programme: Recent Experiences in Greece and Italy // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea, 2023. Pp. 23—27.

References

Abramov S.A. (2023). Postkolonial'naja teorija i issledovanie prava intellektual'noj sobstvennosti [Postcolonial theory and the study of intellectual property rights], *IP: TEORIJA I PRAKTIKA*. No (1): 46—56. (In Russian.).

Atkins E. T. (2010). *Primitive Selves: Koreana in the Japanese Colonial Gaze, 1910—1945*. Berkeley, CA: University of California Press.

Hahm Han-hee (2020). A Cross-cultural Study of Safeguarding Activities of Intangible Cultural Heritage in East Asian Countries, *Intangible Heritage Studies*, Vol. 5 (1).

Hahm Han-hee (2015). A Study of Construction of Intangible Cultural Heritage Discourse and Its Development, *Journal of Intangible Heritage*, Issue 1.

Lee Sang-hyun (2009). Placemaking and the Politics of Intangible Cultural Heritage, *The Study of Practice Folkloristics*, Vol. 13, 281 p.

Lixinski L. (2020). Religious heritage in international law: Nationalism, culture, and rights, *Pravovedenie*. Vol. 64, No. 1: 138—155. DOI: 10.21638/spbu25.2020.111.

Machado Diogo (2021). What is Heritage For? Law, Heritage, and Value, *Routledge Handbook of Heritage and the Law*.

Maliangkay, R., Lau F. (2017). *Broken Voices: Postcolonial Entanglements and the Preservation of Korea's Central Folksong Traditions*. Honolulu: University of Hawai'i Press. URL: muse.jhu.edu/book/61286 (accessed: 14.10.2023).

Oh Changhyu (2023). Implementation and Challenges of Korea's Accession to the UNESCO Intangible Cultural Heritage System. 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea: 107—114.

Park Hyung-Bin (2023). Peace in the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, and the Joint Inscription of Ssireum. 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea: 32—42.

Rossi, J. (2018). The 'Living Human Treasures' System in the Republic of Korea, *Università Ca' Foscari Venezia*: 1—154.

Ubertazzi, B. (2020). Guest editor's note: Culture, sustainable development and UNESCO, *Pravovedenie*. Vol. 64, No. 1: 4—14.

Ubertazzi, B. (2020). Safeguarding Intangible Cultural Heritage and the environment, *Pravovedenie*. Vol. 64, No. 1: 124—137. DOI: 10.21638/spbu25.2020.110.

Ubertazzi, B., Richardson T. (2023). The 2003 Convention and the Global Capacity Building Programme: Recent Experiences in Greece and Italy. 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea: 23—27.

Поступила в редакцию: 15.10.2023

Принята к публикации: 13.11.2023

Received: 15.10.2023

Accepted: 13.11.2023

Д.Е. Гришина

На передовой: создание и деятельность корейской дипломатической миссии в Токио, 1887—1894 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются причины и процесс создания, а также деятельность корейской дипломатической миссии в Токио в период с 1887 по 1894 г. Договор об установлении дипломатических и экономических отношений между государством на Корейском полуострове (Чосон) и Японией был подписан в 1876 г. Однако дипломатическое представительство Кореи в Японии было создано не сразу. Основанное в 1887 г., посольство Чосон в Токио просуществовало до 1905 г. Вплоть до начала первой Японо-китайской войны (1894—1895) оно играло ключевую роль в корейских дипломатических обменах не только с Японией, но и со странами Запада. Именно через дипломатов в Токио страна, находящаяся в вассальной зависимости от Китая, проводила независимую внешнеполитическую линию.

Ключевые слова: Чосон, Корейская империя, корейско-японские отношения, XIX в.

Автор: Гришина Дарья Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Государственный академический университет гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришина Д.Е. На передовой: создание и деятельность корейской дипломатической миссии в Токио, 1887—1894 гг. // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 19—28. DOI: 10.48647/ICCA.2023.35.38.003.

D.E. Grishina

On the Front Line:

Establishment and Activities of the Chosŏn¹ Legation in Tokyo, 1887—1894

Abstract. The article examines reasons behind the creation and the activities of the Korean diplomatic mission in Tokyo from 1887 to 1894. The Treaty of diplomatic and economic relations between the state on the Korean Peninsula (Chosŏn) and Japan was signed in 1876; however, Korean diplomatic representation in Japan was not established immediately. The Chosŏn Embassy in Tokyo, established in 1887, functioned until 1905. Until the First Sino-Japanese war (1894—1895) it played a key role in the country's diplomatic exchanges not only with Japan but also with Western powers.

¹ Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских слов на английский язык на усмотрение автора: по системе романизации Маккьюна—Райшауэра или по новой романизации корейского языка. (Прим. гл. ред.). Legation in Tokyo, 1887—1894.

Through its diplomats in Tokyo, Korea, a dependent from China state, pursued an independent foreign policy.

Keywords: Chosŏn, Korean empire, Korean-Japan relations, 19th century.

Author: Daria E. GRISHINA, Ph.D (Korean history), associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, State Academic University for the Humanities (GAUGN). ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Grishina D.E. (2023). Na peredovoj: sozдание i deyatel'nost' korejskoj diplomaticheskoi missii v Tokio, 1887—1894 gg. [On the Front Line: Establishment and Activities of the Chosŏn Legation in Tokyo, 1887—1894]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 19—28. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.35.38.003.

Подписание японско-корейского договора 26 февраля 1876 г. стало переломным моментом, ознаменовавшим включение государства на Корейском полуострове (Чосон) в глобальные дипломатические процессы. Договор предусматривал обмен посланниками и учреждение постоянных дипломатических представительств в Чосон и Японии. Несмотря на то, что первый полномочный японский посланник прибыл в Сеул уже в конце 1877 г., корейская сторона не сразу воспользовалась правом на создание дипломатического представительства в Токио. Ряд внутриполитических факторов (возросшие на фоне попыток японского правительства укрепить свое присутствие на Корейском полуострове антияпонские настроения, которые вылились в два вооружённых восстания — 1882 и 1884 гг.) обусловили незаинтересованность корейского правительства в дипломатической репрезентации в Токио в первой половине 1880-х годов.

Однако уже летом 1885 г. ситуация стала меняться. В середине 1880-х годов сложная геополитическая ситуация вокруг Чосон, спровоцированная обострением англо-русского соперничества на Ближнем Востоке, привела к британской оккупации островов Комуно (также известных как Порт Гамильтон) в южной акватории Корейского полуострова. Стремясь разрешить проблему с незаконным присутствием британского флота на территории Кореи, правитель государства Кочжон предпринял попытку по сближению с Россией. Пасы в сторону геополитических соперников (помимо конфликта на Ближнем Востоке между Англией и Российской империей, существовала также проблема территориального диспута в отношении Илийского края между правительствами в Пекине и Санкт-Петербурге) насторожили и Англию, и Китай. 26 июня 1885 г., стремясь сорвать российско-чосонское сближение, британский министр в Сеуле объявил о намерении своего правительства освободить захваченные им острова, если Кочжон откажется от переговоров с русскими [Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 1, the Initial Period, 1883—1886, p. 79]. Правитель Чосон поверил словам англичан и в самый последний момент денонсировал русско-корейское партнерство. Однако это не принесло мира на Корейский полуостров: несмотря на данное обеща-

ние, британский флот не покинул Комундо, а раздраженный мятежным поведением своего вассала Китай начал ужесточать контроль над Чосоном. Уже к весне 1886 г., на фоне всё возрастающего дипломатического и политического давления со стороны Китая и ослабленных позиций России, Кочжону не оставалось иного выбора, кроме как обратиться к Японии.

5 марта 1886 г. Кочжон заявил, что для надлежащего рассмотрения вопросов, касающихся двусторонних корейско-японских отношений необходимо создать постоянное представительство в Токио, и назначил первого временного поверенного в делах Ли Хонёна (李永) [조선왕조실록, том 23, 23.1.30 Капча]. К сожалению, на фоне оппозиции со стороны прокитайски настроенных сановников эта инициатива правителя провалилась: вступление Ли в должность затянулось до середины лета, затем, 3 июля 1886 г., было объявлено о том, что Ли Хонён и вовсе не сможет исполнять свои обязанности [한철호, с. 287]. Тем не менее Кочжон от идеи не отказался, но не стал торопить события, выбрав более осторожный подход. Только через год правитель Чосон попытался вернуться к этому вопросу снова.

6 июля 1887 г. он заявил, что отсутствие полномочного представителя Чосон в Японии наносит ущерб дружеским отношениям между соседними странами [조선왕조실록, том 24, 24.5.16 Имсин]. В тот же день Мин Ёнчжун (閔榮駿), племянник королевы Мин, и Ким Гачжин (金嘉鎭), доверенное лицо Кочжона, были назначены на должности полномочного посланника и его заместителя соответственно. Последовала активная подготовка к отправке дипломатов, и уже 3 августа 1887 г. Мин, Ким и группа сановников, назначенных, чтобы составить административный ресурс корейского посольства в Токио, отправились в Японию [한국외대외관계와 외교사 근대편, с. 351]. Очевидно, что кандидатуры на пост корейского посланника и его заместителя были стратегически выбраны, чтобы минимизировать возможное китайское вмешательство. На роль главы посольства Чосон был необходим сановник, чей политический авторитет был бы не зависим от прокитайской фракции в правительстве страны или непосредственно от Китая. При этом наличие навыков и опыта, необходимых для успешной дипломатической деятельности в Токио, были вторичны: до своего назначения Мин Ёнчжун был слабо вовлечен в политические перипетии правительства в Сеуле и вовсе не имел никакого дипломатического опыта. Однако все это не имело значения, потому Мин, благодаря своему происхождению, был идеальным кандидатом, который мог гарантировать, что делегация Чосон не только благополучно покинет полуостров, не встретив значимого сопротивления со стороны Китая и симпатизирующих ему корейских сановников, но и будет серьезно воспринята правительством в Токио.

Очевидно, однако, что Мин Ёнчжун не был доверенным лицом Кочжона, способным проводить необходимую правителю Кореи дипломатическую линию. Поэтому после завершения процедур, связанных с установлением полномочного представительства Чосон в Токио, Мин должен был покинуть Японию, передав управление посольством в руки Ким Гачжина. Никто из участников этого плана, несмотря на деликатность ситуации, не стремился держать его в секрете: уже 30 августа 1887 г. в интервью одной из японских газет Мин Ёнчжун открыто зая-

вил, что планирует вернуться в Чосон в ближайшее время. Параллельно с этим японские печатные СМИ опубликовали ряд статей, описывающих Ким Гачжина как доверенное лицо корейского правителя, реально управляющее вновь созданным посольством [한철호, с. 295]. Даже китайский посланник в Сеуле, отмечая полное отсутствие у Мин Ёнчжун таланта к дипломатии, раскрыл эту хитрую схему [이해인, 2019]. В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что, понимая реальную ситуацию, Мин Ёнчжун стремился как можно скорее завершить свои обязанности в Токио и вернуться на родину. Однако обстоятельства его отправки в Японию — спешные и, кроме того, продиктованные незнанием международного дипломатического протокола — сделали быстрый отъезд невозможным.

На следующий день после прибытия в Токио, 17 августа, Мин и Ким посетили МИД Японии, намереваясь вручить свои верительные грамоты. Вероятно, именно тогда в официальных документах корейских дипломатов было обнаружено несоответствие нормам дипломатического протокола, которое Мин Ёнчжун по факту назвал «формальной ошибкой» [한철호, с. 294]. О проблеме было незамедлительно сообщено в Сеул. Текст был переписан уже 28 августа, однако курьер доставил новые, исправленные документы только 15 сентября [한철호, с. 294]. Примерно месяц Мин и Ким пребывали в Токио в полуофициальном качестве. Это, тем не менее, не воспрепятствовало организации и проведению церемонии официального открытия корейского посольства, которая состоялась 7 сентября 1887 г. 20 сентября новые верительные грамоты были переданы в японский МИД, и уже на следующий день Мин Ёнчжун покинул Токио, возложив курирование деятельности корейского посольства на своего заместителя, Ким Гачжина [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.B18010362100, 6.1.8.4_17]. Как и планировал Кочжон, Мин Ёнчжун больше не вернулся в Японию в должности полномочного посланника Чосон.

Однако примечательно, что отъезд Мина не изменил формальный статус Ким Гачжина. По крайней мере не сразу. Официальный приказ о назначении Кима на должность корейского посла был отдан лишь в конце 1888 г. [조선왕조실록, том 25, 25.11.17 Имчжин] События, развернувшиеся в это время на Корейском полуострове, можно рассматривать как прямую причину для этой задержки.

После успешной отправки посланников в Японию, Кочжон объявил о своем намерении открыть дипломатические миссии в других трактатных державах Чосон, после чего назначил двух государственных чиновников представлять интересы страны в США и пяти европейских государствах (Англия, Германия, Россия, Италия и Франция) [조선왕조실록, том 24, 24.6.29 Ыльмё]. Это привлекло пристальное внимание Китая. Первые сообщения о мятежных действиях корейского правителя дошли до китайских властей в середине сентября 1887 г. [한국의 대외관계와 외교사 근대편, с. 352] Китайский посланник в Сеуле попытался убедить Кочжона отказаться от рискованной идеи [Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 2, the Period of Growing influence, 1886—1895, p. 102], но когда стало очевидно, что уговоры не возымели должного эффекта, перешел к более суровым методам: 24 сентября 1887 г. китайские военные преградили путь делегации корейских сановников,

назначенных представлять интересы Чосон в США [Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 2, the Period of Growing influence, 1886—1895, p. 101]. В результате переговоров между Китаем и Кореей, продолжавшихся вплоть до января 1888 г., Чосон были навязаны так называемые правила («Правила поведения», далее — «Правила»), обязательные для соблюдения всеми корейскими дипломатическими представителями.

Эти «Правила», по сути, сделали невозможным для Чосон проведение независимой дипломатической линии. Однако в них была лазейка: директивы Китая были ориентированы на государственных чиновников в ранге полномочного посланника и не содержали никаких указаний относительно более низких должностей, включая заместителей посла. Таким образом, поскольку Мин Ёнчжун, действующий полномочный министр, отсутствовал в Японии, а Ким Гачжин состоял в должности его заместителя, то действие «Правил» формально на Кима не распространялось, позволяя посольству в Токио сохранить видимость полноценно функционирующего дипломатического представительства. Этот статус-кво продлился до 17 ноября 1888 г., когда, очевидно, под давлением, Кочжон назначил Ким Гачжина полноправным министром в рамках навязанных Китаем «Правил».

Тем не менее, даже находясь в статусе заместителя полномочного посланника, Ким был активно вовлечен в дипломатическую деятельность. В декабре 1887 г. выяснилось, что японский гражданин незаконно срубил 71 дерево на Уллындо — острове, расположенном в 120 км к востоку от Корейского полуострова в Восточном (Японском) море. Этот кусок земли, зажатый между двумя странами, был традиционным источником напряженности, который Кочжон активно использовал в качестве козыря в переговорах с японцами. Следуя линии правителя, Ким Гачжину пришлось вести переговоры об инциденте от имени центрального правительства Чосон. В результате его консультаций с японскими чиновниками была внесена поправка в ст. 33 Правил торговли между двумя странами (1883), запрещающая незаконную деятельность. Кроме того, Киму удалось договориться о штрафе для нарушителя в размере 50 мунов [한철호, с. 306]. Примечательно, что в условиях дипломатической напряженности между Китаем и Чосон, которая к концу 1887 года была в самом разгаре, Ким Гачжину удавалось коммуницировать с японскими чиновниками с позиции равноправного дипломатического партнёра. В конце 1888 г. повышение по службе внесло коррективы в особенности его дипломатической коммуникации.

Вплоть до второй половины 1890 г. дипломатическая деятельность посольства Чосон в Токио практически свелась к нулю. Однако разворачивающаяся региональная нестабильность, вызванная российско-корейским сближением (отправка корейского посланника в Санкт-Петербург в конце 1889 г.) на фоне охлаждения китайско-японских и корейско-японских отношений, вновь вернула актуальность вопросу зависимости Чосон от Китая. Ожидалось, что, следуя «Правила», Ким Гачжин, оказавшийся в центре этого водоворота, приложит усилия для стабилизации ситуации. Однако публичная позиция Кима в данный период только подлила масла в огонь нарастающих японско-китайских противоречий.

С самого начала своей дипломатической деятельности в Японии Ким пытался дистанцироваться от влияния Китая, редко навещая китайского представителя в Токио [이해인, 2019]. Очевидно, что целью этого поведения было утверждение образа Чосон как полноправного участника дипломатических обменов в регионе. Однако во второй половине 1890 г. и Китай, и Япония подняли вопрос о суверенности государства на Корейском полуострове. Так, ранней осенью китайский посланник в Токио сообщил Ким Гачжину, что, по его мнению, среди азиатских стран только Китай и Япония пользуются полной независимостью [김위현, с. 144]. Позиция министра иностранных дел Японии, Аоки Сюдзо (青木 周蔵), оказалась схожей: встречаясь с Кимом в октябре, он предположил, что Чосон — это квази-суверенное государство [Японский стол, 493.896, лист 291 и оборот]. Оба раза Киму пришлось доказывать исторический суверенитет Кореи, причем на встрече с Сюдзо он даже пояснил, что дипломатические обмены с Китаем — это не более как следование традициям. Кульминация «крестового похода» Кима пришлась на середину июля следующего, 1891 г. и ознаменовалась его публичным заявлением, что Чосон входит в число трёх «восточных государств» и что его процветание «зависит от соседних стран». Заявление Кима достигло цели, вызвав недоумение у иностранных дипломатических представителей в Токио. Российский посол даже запросил разъяснений, какие именно государства призваны обеспечить процветание Чосон, а затем обсудил заявление Кима с министром иностранных дел Японии [Японский стол, 493.896, лист 291 и оборот]. Провокационное поведение корейского посланника в Токио вредило и без того простым японско-китайским отношениям. Стремясь сгладить назревающий корейско-китайский конфликт, в середине 1891 г. японское правительство даже планировало отправить специального посланника в Пекин, чтобы уговорить правительство срединного государства ободрить внешнедипломатическую деятельность своего вассала (создание дипломатической миссии в Европе) [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.B03030400100, 1-2-1-7_001].

Тем не менее в начале 1890-х годов Токио стал главным центром дипломатии Чосон. Япония находилась вне прямого влияния Китая, ее правительство поддерживало дипломатическую линию Кочжона, а в столице проживали дипломатические представители всех крупнейших стран Запада. Все это закрепило за корейским посольством в Токио статус основного официального дипломатического канала страны. В конце августа 1891 г. для помощи Киму Гачжину был назначен новый секретарь, Квон Чжэхён (權在衡). Можно с уверенностью предположить, что назначение Квона не являлось символическим жестом, а было направлено на усиление дипломатической репрезентации Чосон на фоне разворачивающихся переговоров о подписании договора с Австро-Венгрией.

Идея договора была предложена заместителем австрийского посла в Японии еще в конце 1889 г. [송정원일기, 1890.02.11] В середине сентября 1890 г. австрийские дипломатические представители посетили Сеул [Kneider, p. 13]. Однако сам переговорный процесс, несмотря на его открытость, проходил не на Корейском полуострове, а в месте, свободном от китайского политического влияния — в Токио. Эта предосторожность оказалась очень трудозатратной. Поскольку Киму Гачжину приходилось каждый раз лично докладывать правителю о предложен-

ных австрийской стороной формулировках и условиях договора, он часто отсутствовал в посольстве. Поэтому к концу ноября 1891 г. фактически переговоры с корейской стороны вел Квон Чжэхён. К началу 1892 г. текст договора был окончательно одобрен обоими правительствами [Японский стол, 493.896, лист 59—60] и, несмотря на все трудности, подписан в Токио 29 мая.

Дипломатический успех корейского посольства в Токио был признан другими западными державами, побуждая их вступить в трактатные отношения с государством на Корейском полуострове. В конце февраля 1892 г. испанскому посланнику в Токио было приказано вступить с Чосон в соответствующие переговоры [Японский стол, 493.896, лист 59—60]. В свою очередь, интерес со стороны западных держав положительно сказался на дипломатических позициях Чосон в регионе. Так, в июне того же года сообщалось, что Квон Чжэхён участвует в консультациях с представителями США, Великобритании, Германии, России и других трактатных держав [근대동아시아 외교문서 해제 6: 중국편, с. 185]. Судя по всему, целью этих встреч был пересмотр правил торговли. Хотя эти консультации ни к чему не привели, деятельность Квона в Токио была для Китая щелчком по носу: правительство в Пекине следило за ситуацией, но повлиять на нее не могло.

В этот же период активизировались дипломатические консультации с Японией. Их цель — закрыть о. Уллындо для японских мореплавателей в обмен на открытие Пхеньяна для международной торговли. Консультации проходили сложно и зашли к началу 1892 г. в тупик, что, как сообщается, способствовало охлаждению отношений между двумя странами [Японский стол, 493.896, лист 334—340]. Пытаясь сохранить свое политическое присутствие на Корейском полуострове, осенью того же года министерство иностранных дел Японии выступило с радикальным предложением «закрыть» Уллындо в обмен на разрешение японским гражданам селиться на островах вблизи Пусана [Японский стол, 493.897, лист 339—343]. Осознавая геополитические последствия этого предложения (оно вызвало шквал критики и недоумения со стороны других трактатных держав Чосон), в октябре 1892 г. японский министр иностранных дел Муцу Мунэмицу (陸奥 宗光) даже пообещал Квон Чжэхёну внести правки в ст. 10 договора Канхваский договор 1876 г., согласно которой японские граждане обладали правом экстратерриториальности на Корейском полуострове. Он заявил, что власти Чосон получают право осуществлять правосудие над японскими гражданами, если в стране будет принят уголовный кодекс, основанный на прецедентном праве. Эта инициатива японского правительства стала известна в Сеуле лишь в конце апреля 1893 г. Кочжон отнёсся к ней серьёзно: 14 мая Ким Гачжин был наконец освобожден от своих обязанностей, и на его место был назначен новый полномочный посланник — Ким Сачхоль (金思轍) [조선왕조실록, том 30, 30.3.29 Синхэ]. Интересно отметить, что дипломатический статус нового посланника не следовал «Правилам», навязанным Чосон Китаем в конце 1887 г. Сменили и секретаря посольства: вместо Квон Чжэхёна был назначен Ю Гихван (兪箕煥). Кочжон даже предложил публично объявить о приезде Кима в Токио [승정원일기, 1893.05.20] и приказал выплачивать ему зарплату ежедневно, а расходы на одежду покрывать за счет государства [승정원일기, 05.19.1893]. Все эти решения были беспрецедент-

ными для того времени и характеризовали повышенные надежды, которые корейский правитель возлагал на своих посланников.

Как уже отмечалось выше, после успешного заключения договора с Австрией у Чосон возникла перспектива сближения и с другими европейскими странами. Помимо Испании о желании вступить в трактатные отношения высказались и Нидерланды [송정원일기, 1893.06.17]. Оценивая перспективность сближения с этими державами, Кочжон приказал Ким Сачхолю составить один типовой проект договора, который обсуждался бы с представителями Испании и Нидерландов отдельно [송정원일기, 1893.06.17]. Интересно отметить, что правитель Чосон сознательно отказался от составления двух отдельных документов, очевидно намереваясь создать новый стандарт международных договоров для своей страны.

Получив эти указания, Ким должен был вскоре отправиться в Японию, однако его отъезд был отложен примерно на два месяца. Судя по всему, причиной этой задержки стало давление со стороны Китая: Ким Сачхоль покинул страну только в конце августа [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.V18010363100, 6.1.8.4_17], за несколько дней до этого его дипломатический статус был изменен в соответствии с «Правилами» [송정원일기, 1893.08.19]. Однако не только давление со стороны Китая нанесло отпечаток на деятельность нового руководства корейского посольства в Токио.

В начале 1894 г. в правительстве Чосон была разработана операция, направленная на физическое устранение основных зачинщиков мятежа года Капсин (1884) — Ким Оккюна (金玉均) и Пака Ёньхё (朴泳孝), нашедших укрытие в Японии. Если Ким Оккюна планировалось убить вне пределов японского архипелага, то убийство Пака Ёньхё предполагалось совершить в помещении школы, которую он недавно основал (親隣義塾, 1893). В конце марта два эмиссара, которым было поручено физически устранить Пака, прибыли в Токио. Один из них, так и не успев совершить запланированное, был арестован полицией, второму повезло больше — он успел скрыться на территории корейского посольства в Токио. Тем не менее вскоре и он был обнаружен японскими правоохранительными органами, которые обратились к Ю Гихвану, замещавшему в это время находящегося в отпуске Ким Сачхоля, с просьбой выдать подозреваемого для проведения допроса. Ю, указывая на экстерриториальность посольства (которую по договору 1876 г. корейская дипломатическая миссия в Токио не имела) отказался это сделать. Однако через несколько дней убийцу все-таки арестовали, выманив за пределы корейской миссии [한철호, с. 308]. В знак протеста против действий японской полиции, которые Ю Гихван счёл незаконными, на следующее же утро он уехал в Сеул, сообщив министру иностранных дел Японии и другим иностранным представителям в Токио, что покидает страну, чувствуя себя не способным защитить интересы своей родины [Японский стол, 493.899, лист 119—120]. Это вызвало дипломатический скандал, в ходе которого японское правительство, как сообщается, пригрозило отозвать своего представителя в Чосон и прервать дипломатические обмены между двумя странами. Опасаясь осложнений, Кочжон издал резолюцию, в которой действия Ю Гихвана описывались как самовольные, а сам он был немедленно уволен с поста секретаря посольства [한철호, с. 308].

На этом инцидент был исчерпан, однако дальнейшее развитие событий помешало Чосон и Японии восстановить подпорченные выходкой Ю Гихвана отношения. С начала апреля 1894 г. по Корейскому полуострову быстро распространялось крестьянское восстание Тонхак (동학 농민 운동). Повстанческая деятельность корейских крестьян предоставила Китаю и Японии возможность ввести свои войска на территорию полуострова. Однако правительство Чосон, кажется, не подозревало о сгущающихся тучах: Кочжон, заинтересованный в восстановлении реноме корейского представительства в Токио, планировал реставрацию пострадавшего при пожаре здания посольства и напутствовал Ким Сачхолю, готовящемуся вернуться в Японию для принятия участия в праздновании двадцать пятой годовщины правления императора Мейдзи, внимательно следить за международной реакцией на это событие [송정원일기, 1894.03.27].

В конце мая — начале июня 1894 г. Ким вернулся в Токио [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.B18010363400] только для того, чтобы узнать, что японский военный контингент высадился в районе Инчхона. Его переговоры с японскими властями, в рамках которых корейский посланник настаивал на выводе японских войск с Корейского полуострова [한철호, с. 307], не увенчались успехом, внеся разлад в корейско-японские отношения, а начавшаяся 25 июля 1894 г. первая Японо-китайская война поставила окончательный крест на активной фазе корейской дипломатии в Токио.

Библиографический список

- Архив Внешней Политики Российской Империи, фонд № 493 «Японский стол».
- Kneider, Hans-Alexander.* Korean Foreign Relations in Historical Perspective: Austro-Hungarian Ties with Korea. Central Europeans in Korea: Alice Schalek, Alma Karlin, Fritz Hansgirt, and Many Others. Vienna: Praesens, 2020, p. 13.
- McCune, George; Harrison, John.* Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 1, the Initial Period, 1883—1886. University of California Press, 1951, p. 79.
- Palmer, Spencer J.* Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 2, the Period of Growing influence, 1886—1895. University of California Press, 1963. Pp. 101—102.
- 김위현. 동농 김가진전 [Ким Вихён. История Тоннон Ким Гачжина]. 학민사, 2009, с. 144. (На кор.).
- 송정원일기 [Сынчжонвон Ильки], URL: <https://sjw.history.go.kr/search/inspectionList.do>. (дата обращения: 14.12.2023). (На кор.).
- 윤한택. 근대동아시아 외교문서 해제 6: 중국편 [Юн Хантхэк. Дипломатические Восточноазиатские документы нового времени, 6: Китай]. 선인, 2017, с.185. (На кор.).
- 이해인. «조선은 독립국이다» 동농 항의에 청나라·일본 외교관이 움찔했다 [Ли Хэин. «Чосон — независимая страна» Дипломаты династии Цин и Японии вздрогнули от заявления Тоннона]. 아주경제, 2019. URL: <https://www.ajunews.com/view/20190123173454788>. (дата обращения: 14.12.2023). (На кор.).
- 조선왕조실록 [Чосон ванчжо силлок]. URL: <https://sillok.history.go.kr/main/main.do>. (дата обращения: 14.12.2023). (На кор.).
- 한국의 대외관계와 외교사 근대편 [Дипломатическая история Кореи нового времени]. 서울: 동북아역사재단, 2018, с. 351—352. (На кор.).

한철호. 개화기(1887—1894) 주일 조선공사의 파견과 외교 활동 [Хан Чхольхо. Назначение и деятельность корейского посла в Японии (1887—1894)]. 한국문화, 2001, № . 27, с. 285—324. (На кор.).

Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) [Японский центр азиатских исторических письменных источников]. URL: <https://www.jacar.go.jp>. (дата обращения: 14.12.2023). (На яп.).

References

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Foundation № 493 “Japanese Table”. (In Russian).

Kneider, Hans-Alexander (2020). Korean Foreign Relations in Historical Perspective: Austro-Hungarian Ties with Korea. Central Europeans in Korea: Alice Schalek, Alma Karlin, Fritz Hansgirg, and Many Others. Vienna: Praesens, 13 p.

McCune, George; Harrison, John (1951). Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 1, the Initial Period, 1883—1886. University of California Press, 79 p.

Palmer, Spencer J. (1963). Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, Vol. 2, the Period of Growing influence, 1886—1895. University of California Press, 1963: 101—102.

김위현. (2009). 동농 김가진전 (Kim Wihyŏn. Tongnong Kim Gajin jŏn) [Kim Wihyŏn. Story of Tongnong Kim Gajin], *Hangminsŏ*, 144 p. (In Korean).

승정원일기 (Sŭngjŏngwŏnilgi) [Seungjeongwon ilgi]. URL: <https://sjw.history.go.kr/search/inspect/onList.do> (accessed: 14.12.2023). (In Korean).

윤한택 (2017). 근대동아시아 외교문서 해제 6: 중국편 (Yun Hany'aek. Kŭndae dongasia oegyo munsŏhaeje 6: chunggukp'yŏn) [Yun Han T'aek. Modern East Asia Diplomatic Documents, 6: China]. *Sŏnin*, 185. (In Korean).

이해인. (2019). “조선은 독립국이다” 동농 항의에 청나라·일본 외교관이 움찔했다 (Lee Haein. “Chosŏnŭn tongni-pkugida” Tongnong hangŭie ch'ŏngnara-ilbon oegyogwani umtchirhaetta) [Lee Haein. “Chosŏn is an independent country” Diplomats from the Qing Dynasty and Japan flinched at the protest from Tongnong.] *Ajgyŏngje*, URL: <https://www.ajunews.com/view/20190123173454788> (accessed: 14.12.2023). (In Korean).

조선왕조실록 (Chosŏnwangjosillok) [Annals of the Joseon Dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/main/main.do> (accessed: 14.12.2023). (In Korean).

한국의 대외관계와 외교사 근대편 (Han'gugŭi taewegwan'gyewa oegyosa kŭndaep'yŏn) [Korea's foreign relations and modern diplomatic history]. *Sŏul: tongbugayŏksajaedan*, 2018: 351—352. (In Korean).

한철호. (2001). 개화기(1887—1894) 주일 조선공사의 파견과 외교 활동 (Han Ch'ŏrho. Kaehwagi (1887—1894) chuil chosŏn'gongsaŭi p'agyŏn'gwa oegyo hwaldong) [Han Ch'ŏrho. Enlightenment period (1887—1894): Dispatch of the Chosŏn envoy to Japan and their diplomatic activities], *한국문화 (Han'gungmunhwa)*, no.27: 285—324. (In Korean).

Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). URL: <https://www.jacar.go.jp>. (accessed: 14.12.2023). (In Japanese).

Поступила в редакцию: 08.11.2023

Received: 08.11.2023

Принята к публикации: 21.11.2023

Accepted: 21.11.2023

В.А. Мурадьянц, Д.В. Мосейчук

Демографические изменения в Республике Корея и политика южнокорейского правительства в XXI в.

Аннотация. Процесс старения населения, влияющий на все сферы жизни общества, становится одной из наиболее значимых социальных трансформаций XXI в. Цель статьи — показать важность и срочность выхода Республики Корея из демографического кризиса для поддержания темпов экономического роста и сохранения корейской нации. Настоящая статья представляет собой результат анализа разнообразных причин старения южнокорейского населения, острых проблем, вызванных этим феноменом, и мер государства по улучшению демографической ситуации. Исследование фокусируется на исторических событиях, происходивших в Республике Корея начиная с 60-х годов XX в., которые привели к снижению рождаемости и увеличению продолжительности жизни в последние годы. В статье описывается деятельность правительства по регулированию демографического вопроса, особо выделяются экономические стимулы для безотлагательного осуществления мер по увеличению рождаемости. Помимо этого, подчеркивается угроза исчезновения южнокорейской нации в связи с увеличением доли иностранцев в населении РК. Отмечается необходимость улучшения условий жизни пожилых людей, развития системы здравоохранения и пенсионного обеспечения, создания рабочих мест и обеспечения гарантий трудоустройства для молодежи, пенсионеров и женщин, а также важность активного участия корейских работодателей в расширении рынка труда. Научная новизна работы состоит в использовании современной статистики и новых материалов, которые ранее не применялись для комплексного исследования феномена старения населения Республики Корея.

Ключевые слова: Республика Корея, демографический кризис, стареющее население, низкая рождаемость, продолжительность жизни, пенсионная реформа.

Авторы: Мурадьянц Варвара Александровна, студентка, Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ Минэкономразвития России), факультет экономистов-международников. ORCID: 0009-0006-6437-2294. E-mail: varyam02@yandex.ru
Мосейчук Даниил Валерьевич, преподаватель, кафедра восточных языков, Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ Минэкономразвития России). ORCID: 0009-0000-8680-0778. E-mail: mdvru@yahoo.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мурадянц В.А., Мосейчук Д.В. Демографические изменения в Республике Корея и политика южнокорейского правительства в XXI в. // *Корееведение*. 2023. № 4 (5). С. 29—41. DOI: 10.48647/ICCA.2023.83.39.004.

V.A. Muradyants, D.V. Moseichuk

Demographic Changes in the Republic of Korea and the Policy of the South Korean Government in the 21st century

Abstract. The process of population aging, which impacts all spheres of society, is emerging as one of the most significant social transformations of the 21st century. The author's objective is to underscore the importance and immediacy of South Korea overcoming the demographic crisis to sustain economic growth and preserve the Korean nation. This article presents the outcomes of an examination of various causes of population aging in South Korea, acute challenges stemming from this phenomenon, and government measures aimed at improving the demographic situation. The emphasis is placed on historical events unfolding in the Republic of Korea since the 1960s of the 20th century, leading to a critically low birth rate and increased life expectancy. The article outlines the government's initiatives to address the demographic issue and underscores economic incentives for the urgent implementation of measures to boost the birth rate. Additionally, the article highlights the threat of the diminution of the Korean nation due to the rise in the proportion of foreigners in the Korean population. The imperative to enhance living conditions for the elderly, develop healthcare and the pension system, generate employment opportunities, and ensure working conditions for young people, pensioners, and women is emphasized. The active involvement of Korean employers in expanding the labor market is also underscored. The scientific novelty of this work lies in the utilization of modern statistics and new materials not previously employed for a comprehensive examination of the phenomenon of population aging in the Republic of Korea.

Keywords: the Republic of Korea, demographic crisis, aging society, low birth rate, life expectancy, pension reform.

Authors: Varvara A. MURADYANTS, student, Russian Foreign Trade Academy, Faculty of International Economy. ORCID: 0009-0006-6437-2294. E-mail: varyam02@yandex.ru
Daniil V. MOSEICHUK, Lecturer, Dept of Oriental Languages, Russian Foreign Trade Academy. ORCID: 0009-0000-8680-0778. E-mail: mdvru@yahoo.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Muradyants V. A., Moseichuk D.V. (2023). Demograficheskie izmeneniya v Respublike Koreya i politika yuzhnokorejskogo pravitel'stva v XXI v. [Demographic Changes in the Republic of Korea and the Policy of the South Korean Government in the 21st century]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 29—41. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.83.39.004.

В Республике Корея (РК) на июль 2023 г. доля населения старше 65 лет в общей его численности составляет 18,5 %, что позволяет отнести корейское общество к пожилому в соответствии с классификацией ООН [KOSIS]. Население Южной Кореи стареет быстрыми темпами и может стать сверхвозрастным, то есть с до-

лей пожилого населения, превышающей 20 %, уже к 2025 г. Прогнозируется, что к 2070 г. РК станет страной с самым большим бременем поддержки пожилого населения в мире, доля которого будет составлять 46,4 % от общей численности населения страны, а на одного пожилого человека будет приходиться один трудоспособный гражданин¹.

Исследователи выделяют две основные причины быстрого старения населения РК: низкая рождаемость и высокая продолжительность жизни.

Низкая рождаемость

В начале 1960-х годов, когда страна вступила в эпоху ускоренной модернизации и рекордного экономического роста, общий коэффициент рождаемости составлял 6,1 рождений на женщину. Страх перенаселения планеты и вера в то, что экономический рост может быть достигнут только при более низкой рождаемости, привели к тому, что правительство РК запустило мощную «кампанию по планированию семьи», результатом которой стало резкое снижение коэффициента рождаемости до 2,8 в 1980 г. [Ланьков, 2015] и завершение 1-го демографического перехода. В середине восьмидесятых страна вышла на уровень простого воспроизводства, однако рождаемость продолжила падать даже тогда, когда правительство решило более не снижать её искусственно. В разбогатевшей к тому времени Южной Корее женщины рожали всё меньше, что было связано с улучшением их положения в обществе и большей вовлеченностью в экономику [Эм, 2019]. В результате к концу XX в. главная проблема была уже не в перенаселении, а в слишком низкой рождаемости.

В 2020 г. общая численность населения РК достигла своего пика в 51,83 млн человек, и официально страна вступила в «эпоху сокращения населения» [KOSIS]. По данным Федерального резервного банка Сент-Луиса (FRED), в 2021 г. самые низкие показатели фертильности были отмечены в Гонконге (САР) (0,772), Республике Корея (0,808) и Пуэрто-Рико (0,907). В 2022 г. данный показатель в РК продолжил падать и составил 0,78², прирост населения был отрицательным (-2,4 на 1 тыс. человек), и население страны естественным образом сократилось на максимальное за всю историю количество человек — 123 800³.

Причины снижения рождаемости, которые складывались в Южной Корее исторически, сложны и многогранны — они лежат в экономической, культур-

¹ 이지혜, '가파른 고령화' 50년 뒤 한국 '노년부양비' 세계 1위 전망 [Ли Джихе. Ожидается, что через 50 лет после «резкого старения населения» «коэффициент зависимости пожилых людей» в Корее выйдет на первое место в мире] // The Hankyoreh. URL: https://m.hani.co.kr/arti/economy/economy_general/1057564.html#cb (дата обращения: 10.05.2023). (На кор.).

² Im Eun-byel. South Korea's fertility rate drops to all-time low [Им Ынбёль. Рождаемость в Южной Корее упала до рекордно низкого уровня] // The Korea Herald. URL: <https://www.korea Herald.com/view.php?ud=20230222000565> (дата обращения: 10.08.2023).

³ 김다혜, 차지연. 3년째 줄어든 한국 인구...작년 '역대 최대' 12만명 자연 감소 [Ким Дахе, Чха Джийён. Население Кореи сократилось за 3 года... «Крупнейшая за всю историю» естественная убыль в прошлом году составила 120 000 человек] // Yonhapnews. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230222044800002> (дата обращения: 10.08.2023). (На кор.).

ной, социальной и психологической плоскостях. Среди них можно выделить следующие:

- проблема доступности жилья (36 % людей в возрасте 18—30 лет считают, что количество браков в РК уменьшается из-за долгого процесса обретения финансовой независимости [Korea Research]. В это понятие также входит наличие собственного жилья. Согласно исследованию общественной организации «Гражданская коалиция за экономическую справедливость» обычному жителю столицы требуется 25 лет, чтобы накопить на типовую квартиру площадью 99 кв. м в Сеуле¹);

- бремя родов и воспитания детей (в 2022 г. РК стала мировым лидером по относительной стоимости воспитания и содержания детей. На одного ребенка до его 18-летия необходимо затратить сумму в 7,8 раза большую, чем значение ВВП на душу населения в стране, — 244 тыс. долл.¹);

- изменения женских приоритетов в жизни (гонка за образованием, самореализацией и карьерой приводит к тому, что южнокорейцы вступают в брак позже. В РК даже появился специальный термин «поколение сампо», использующийся для обозначения поколения южнокорейской молодёжи, которое отказывается от трех вещей: свиданий, брака и рождения детей [Набиева, 2020]. Первые роды также откладываются: медианный возраст рождения первого ребенка у женщин в 2022 г. составил 32,95 года [KOSIS]);

- отсутствие гарантий занятости (14,6 % корейцев не вступают в брак по этой причине [Korea Research]);

- трудности в совмещении работы и семьи, что влечет за собой рост числа тех, кто осознанно остается одиноким².

Параллельно с этим в Южной Корее происходит постепенное утрачивание традиционной ценностной установки на то, что нужно жить со стареющими родителями и содержать их. Молодое поколение начинает исходить из того, что готовиться к старости человек должен самостоятельно, откладывая деньги и вступая в пенсионные фонды.

Иными словами, низкая рождаемость — это не отдельная проблема, а целый комплекс экономических и социальных вопросов, требующих всестороннего рассмотрения и такого же комплексного решения.

Продолжительность жизни

Демографическую ситуацию осложняет еще один фактор — быстрое увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни. В 1910 г. средняя продолжительность жизни в оккупированной Корее составляла всего лишь 24 года.

¹ Иванов И. Экономическое чудо и демографическая яма Южной Кореи // ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/16868761> (дата обращения: 10.08.2023).

² 박원희, 차지연. 국민 절반은 '결혼 안해도 된다'...안하는 이유 1위 '돈 없어서' [Пак Вонхи, Чха Чжиён. Половина населения говорит: «Мне не обязательно жениться». Причина No 1 не делать этого, «потому что у меня нет денег»] // Yonhapnews. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20221116072900002> (дата обращения: 10.08.2023). (На кор.).

В период японского колониализма за счет появления современной медицины средняя продолжительность жизни почти удвоилась и к 1945 г. составила 44 года. Стремительное развитие науки, рост уровня образования населения, распространение базовой информации о здоровье человека и гигиене, улучшение рациона питания — все это заложило основу для резкого сокращения смертности, в том числе детской и от различных болезней, и для увеличения продолжительности жизни [Ланьков, 2015]. В годы «южнокорейского экономического чуда» продолжительность жизни выросла еще больше и к 1980 г. составила 66 лет, к 1990 г. — 71 год, а в 2022 г. достигла 84,1 года (81,2 года для мужчин и 87 лет для женщин) [KOSIS].

С назревающим демографическим кризисом связано ещё одно обстоятельство — рост смешанных, межнациональных браков. На протяжении десятилетий в сельских районах Южной Кореи наблюдается гендерный дисбаланс, который возник в результате того, что женщины, родившиеся в провинциях и уездах с низкой плотностью населения и слабо развитой инфраструктурой, переезжают в крупные города в поисках работы. Преобладание мужского населения в районах провинциального уровня вынуждает корейцев обращаться в брачные агентства, которые предлагают найти для них женщину-иностранку с менее высокими, в отличие от кореянки, требованиями к образованию, финансовому и социальному статусу своего мужа. Согласно данным KOSIS, в 2022 г. доля межнациональных браков составила 11,5 % от всех браков, заключенных в стране. Примерно две трети из них — это браки корейских мужчин с иностранками из экономически менее развитых, чем РК, государств: Тайвань, Филиппин, Вьетнама, Камбоджи.

Результатом мощной иммиграции в Южную Корею стало то, что в стране отношение иностранцев к общей численности населения в 2022 г. составило 4,37 % [Министерство юстиции РК]. Среди них больше всего представителей стран Азиатско-Тихоокеанского региона: КНР, Вьетнама, Таиланда, США, Филиппин, Японии, а также Казахстана. В связи с этим остро встает вопрос об интеграции иностранцев, а также детей мультикультурных семей в южнокорейское общество и задача воспитания толерантности среди местного населения [Самсонова, 2022].

Ученый Дэвид Уэлш в 1993 г. определил моноэтническое государство как государство, в котором меньшинства составляют менее пяти процентов населения [Welsh, p. 43—60]. Если принять этот уровень за критерий отнесения общества либо к этнически однородному, либо к полиэтническому, то при увеличении доли иностранцев, проживающих в стране, в том числе за счет роста смешанных браков, в ближайшем будущем Южная Корея может перейти в разряд многонациональных государств.

Таким образом, можно заключить, что, с одной стороны, наблюдается стремительное старение населения, к которому закономерным образом привели экономические успехи страны (старение общества — это универсальный тренд для большинства стран, отличающийся лишь временем начала демографического перехода и темпами старения). С другой стороны, имеется мощная брачная миграция. В результате Южная Корея стареет и, одновременно, диверсифицирует свой этнический состав.

Последствия

Депопуляция сулит экономические потери (снижение уровня и изменение структуры потребления, сокращение рабочей силы) и тяжкое налоговое бремя для подрастающего поколения, а также бедственное положение стариков.

Старение населения оказывает негативное влияние на экономический рост, с которым находится в обратной пропорциональной зависимости. Так, при увеличении темпов старения на один процентный пункт, ВВП сокращается на 0,97 %. Предполагается, что в РК к 2050 г. темпы старения достигнут 35,15 %, что приведет к падению ВВП на 21,9 % по сравнению с 2014 г.¹ В долгосрочной перспективе это может привести к продолжительной стагнации.

Чтобы компенсировать снижение ВВП, уровень занятости должен быть повышен до 73,1 % к 2026 г., что по крайней мере на 7,8 п. п. выше, чем в 2014 г. (65,3 %), или на 2,87 млн человек².

Одним из способов увеличения занятости является создание рабочих мест для пенсионеров, так как, по прогнозам Министерства занятости и труда РК, экономически активное население в возрасте 15—64 лет будет расти до 2025 г., после чего начнет сокращаться. При этом будет наблюдаться рост работников старше 65 лет³.

Так, 30 января 2023 г. Министерством занятости и труда Республики Корея (MOEL) был обнародован 5-й базовый план политики занятости, третья часть которого направлена на создание основы для непрерывной занятости в рамках подготовки к сверхпожилому обществу. Цель продвижения — повысить уровень занятости людей предпенсионного возраста (55—64 лет). После общественных обсуждений к концу 2023 г. будет подготовлена дорожная карта по обеспечению непрерывной занятости. Планируется укрепить позиции пожилых людей на рынке труда и усилить поддержку в области повторного трудоустройства. Комитет по пожилому обществу с низким уровнем рождаемости РК также проводит полномасштабные общественные дискуссии по вопросам расширения занятости для пожилых людей и реформы системы социального обеспечения [Президентский комитет по пожилому обществу и демографической политике].

Кроме того, для стимулирования роста числа и качества рабочих мест для молодежи и пожилых людей с 2023 г. Министерство занятости и труда РК будет награждать организации как «Выдающихся работодателей Кореи» и вручать

¹ *강예진*. 고령화 심화에 따른 경제적 영향 [Чан Еджин. Экономические последствия усиления процесса старения] // Yonhapnews. URL: <https://www.yna.co.kr/view/GYH20160809000800044> (дата обращения: 10.05.2023). (На кор.).

² *강호경*. 10년 뒤 초고령사회 오면 한국 GDP 8% 하락 [Ли Сокджу. Если через 10 лет наступит сверхстареющее общество, ВВП Кореи упадет на 8 %] // 국제신문 [Кукче синмун]. URL: <http://www.kookje.co.kr/mobile/view.asp?gbn=v&code=0200&key=20160810.22004194110> (дата обращения: 10.05.2023). (На кор.).

³ *이은진*. 8년 뒤 대한민국 어찌나...15-64세 경제활동인구 320만 명 감소 [Ли Ынджин. Какой будет Корея через 8 лет? Экономически активное население в возрасте 15—64 лет сократилось на 3,2 млн человек] // Sisa Journal. URL: <https://www.sisajournal.com/news/articleView.html?idxn=232653> (дата обращения: 10.05.2023). (На кор.).

«Правительственную премию за заслуги в создании рабочих мест» отдельным физическим лицам [МОЕЛ].

Другими способами компенсации сокращения экономически активного населения служит расширение участия женщин в экономической деятельности и привлечение труда мигрантов.

Южная Корея с середины 2000-х годов прилагала усилия для более справедливого распределения обязанностей по уходу за детьми между супругами, улучшила баланс между работой и личной жизнью и предоставила больше услуг по трудоустройству, ориентированных на женщин. Республика Корея также расширила страхование занятости для самозанятых, фрилансеров и работников, занятых неполный рабочий день. Несмотря на улучшения за последнее десятилетие, РК все еще имеет один из самых больших гендерных разрывов на рынке труда среди стран ОЭСР как с точки зрения доходов, так и с точки зрения участия в рабочей силе [Gopinath, 2022].

Республика Корея — одна из немногих стран, которые за 30 лет превратились из страны-источника эмигрантов в важный центр трудовой иммиграции благодаря демократизации и либерализации трудового законодательства в 1990-е [World Bank]. Сегодня ее правительство улучшает условия пребывания трудовых и брачных мигрантов в стране, упрощает системы выдачи разных типов виз, которых более 30¹. Например, в 2021 г. Министерство занятости и труда ввело новые меры по улучшению жилищных условий работников, имеющих визу E-9, в сельском хозяйстве и рыболовстве, а с 2023 г. были расширены рамки трудовой деятельности для обладателей визы F-4, зарубежных соотечественников.

Политика правительства Республики Корея

Демографический кризис в Южной Корее назревал не одно десятилетие, и до настоящего времени некоторые главы страны, в том числе экс-президент Мун Чжэ Ин, уже предпринимали попытки решить эту проблему, которые, однако, по большей части не увенчались успехом.

По данным Национального бюро статистики, с 2017 по 2021 г., когда у власти находилось правительство Мун Чжэ Ина, годовое число рождений не восстанавливалось, каждый год побивая рекордно низкий уровень. Общий коэффициент рождаемости также снизился с 1,05 до 0,81 за тот же период, несмотря на цель правительства — вернуться на уровень 1,4².

Меры, принимавшиеся до сих пор для борьбы со снижением рождаемости, потерпели неудачу. В частности, в условиях уже устоявшейся низкой рождаемости и старения населения должны были проводиться дискуссии по структурным

¹ Типы корейских виз, которые получают иностранцы // Content Studio Feelinlove. URL: <https://www.philinlove.com/entry/list-of-visas-issued-by-South-Korea> (дата обращения: 10.05.2023).

² 정현수. '출산율 1.4명' 내건 文정부, 현실은 0.8명... '용두사미였다' [Чон Хёнсу. Правительство Муна заявило, что «коэффициент рождаемости будет 1,4», но в действительности он составляет 0,8] // MONEYTODAY. URL: <https://news.mt.co.kr/mtview.php?no=2022050610412039342> (дата обращения: 09.09.2023). (На кор.).

вопросам, таким как повышение пенсионного возраста и пенсионная реформа. Администрация экс-президента Мун Чжэ Ина активно обсуждала вопрос реформирования пенсионной системы, поскольку он входил в список основных предвыборных обещаний главы государства. На рассмотрение Национальному собранию были представлены четыре варианта реформы. Каждый предлагал сохранение или увеличение взносов в пенсионный фонд и размера пенсии от среднего уровня дохода, но ни одна из инициатив не получила продолжение¹.

Экс-президент Мун достиг определенных успехов в сфере здравоохранения и социального обеспечения. Целью политики было создание условий, в которых пожилые люди могли бы пользоваться услугами, отвечающими их индивидуальным потребностям, и ощущать себя в гармонии с сообществом в месте их проживания даже при ограниченной мобильности. Кроме того, была осуществлена поддержка центрам по борьбе с деменцией, расширено медицинское страхование [Президентский комитет по пожилому обществу и демографической политике]. Главной заслугой Мун Чжэ Ина можно считать увеличение масштабов проекта по созданию рабочих мест для пожилых людей: за пять лет президентства было создано 4,36 млн рабочих мест в государственном секторе, из которых 3,364 млн (77,2 %) были заняты людьми в возрасте 65 лет и старше [МОЕЛ].

Таким образом, политика правительства Муна в большей степени была направлена на улучшение положения пожилых людей в обществе, нежели на повышение уровня рождаемости в стране.

В настоящее время власти пытаются стимулировать рождаемость путем увеличения пособий на воспитание детей. 28 марта 2023 г. президент Юн объявил, что правительство более чем в два раза увеличит ежемесячное пособие для семей, воспитывающих детей в возрасте до одного года (с 300 тыс. до 700 тыс. вон). А в 2024 г. пособие увеличится до 1 млн вон². Правительство надеется, что увеличение выплат более чем в три раза сможет дать толчок росту рождаемости.

Помимо предоставления пособий власти расширяют сеть дошкольных учреждений, дают низкопроцентные кредиты на покупку недвижимости молодым, принимают меры по упрощению жизни работающих матерей. Государство даже финансирует различные мероприятия для знакомств в сельской местности. Чиновники также намерены создать стабильные условия для рождения детей, вводя льготы для женщин детородного возраста и исключая возможности для их дискриминации. Замужние работающие женщины в Южной Корее сталкиваются с двумя карьерными кризисами: первым — во время беременности и родов, и вторым — когда их дети идут в начальную школу. Многие из них не могут преодолеть эти кризисы и вынужденно становятся домохозяйками, полностью посвящая себя семье и детям. В связи с этим правительство старается предотвра-

¹ Пенсионная система в Корее. Часть первая // KBS World. URL: https://world.kbs.co.kr/service/program_segments_view.htm?lang=r&procode=one&bbs=othc_qna&no=43084 (дата обращения: 09.09.2023).

² *입제회*. 부모급여 신설의 타당성 제고 방안 [Лим Чжехи. Меры правительства Юна по повышению целесообразности введения новых пособий для родителей] // The Hankyoreh. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/society/rights/1061968.html> (дата обращения: 10.05.2023). (На кор.).

тить преждевременное завершение карьеры женщинами и сократить их перерывы в карьере. В качестве мер по оптимизации баланса между работой и семейной жизнью рассматривается сокращенный рабочий день, гибкий график работы и удаленная работа для работающих женщин во время беременности и воспитания детей.

Пенсионная реформа

Слабая развитость института пенсионного обеспечения в Южной Корее беспокоит граждан, так как не может гарантировать им безбедную старость. При текущих условиях молодое поколение к 2055 г. может не иметь возможности получить какой-либо пенсионный доход, даже при условии уплаты ежемесячных страховых взносов, потому что Государственный пенсионный фонд Республики Корея, согласно оценке Корейского института рынка капитала, полностью иссякнет к тому времени [КСМИ, 2023].

Президент Юн Сок Ёль планирует реформировать государственную пенсионную систему, увеличив возраст выхода на пенсию, обеспечив справедливый размер пенсии и модернизировав систему здравоохранения¹. Кроме того, будет перестроена система социальной защиты с тем, чтобы снизить уровень бедности среди пожилого населения, который является одним из самых высоких в мире. Процент пенсионеров с доходом ниже 50 % от среднего эквивалентного располагаемого дохода домохозяйства в РК составляет 43,4 %; при этом средний показатель по странам ОЭСР — 13 % [OECD].

1 сентября 2023 г. 5-й Национальный комитет по финансовому расчету пенсий провел публичные слушания по совершенствованию национальной пенсионной системы и опубликовал отчет о плане пенсионной реформы. Комитет предложил 18 сценариев улучшения политики, которые сочетают в себе три метода: увеличение страховых взносов (до 12, 15 и 18 %) с целью отложить исчерпание средств пенсионного фонда до 2063, 2071 и 2082 гг. соответственно, продление начального возраста выхода на пенсию с 65 лет (до 66—68 лет) и повышение доходности фондов (на 0,5—1 п. п.)². Однако многие эксперты, в том числе некоторые члены комитета, подвергли критике результаты фискальных расчетов. Количество представленных альтернативных сценариев иллюстрирует сложность выбора. Предложение о значительном увеличении страховых взносов также беспокоит общественность. Еще более спорным является то, что все альтернативы реформы предусматривают дополнительную нагрузку на страховые взносы, исключая при этом повышение заработной платы.

Ранее в 2021 г. начальным порогом для выхода на пенсию был назначен возраст в 62 года [Take-profit.org]. В 2022 г. возраст выхода на пенсию был уменьшен

¹ Ресурсы пенсионного фонда могут быть исчерпаны в 2055 году // KBS World. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=73878 (дата обращения: 10.05.2023).

² 김원섭. 빛나간 개혁대안과 연금개혁의 새로운 방향 [Kim Wonseop. Опротестивые альтернативы реформы и новые направления пенсионной реформы] // The Hankyoreh. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/opinion/column/1107897.html> (дата обращения: 20.09.2023). (На кор.).

до прежних 60 лет, но в официальных планах правительства стоит увеличение пенсионного возраста до 65 лет к 2033 г. Средняя ожидаемая продолжительность жизни южных корейцев в 2033 г. показывает, что после выхода на пенсию мужчины будут жить в течение 18,7 лет, а женщины — 23,8¹. Поэтому перед правительством страны остро стоит задача достойного финансового обеспечения пенсионеров.

Повышение пенсионного возраста как один из элементов пенсионной реформы в Республике Корея должно увеличить рабочую силу в стране и поддерживать экономический рост, увеличить доходы пенсионного фонда и обеспечить пенсионеров достойным доходом.

Заключение

В существующих реалиях важно понимать, что старение населения — это не только демографический процесс с экономическими последствиями, но и комплексный социальный феномен, открывающий новые возможности в различных сферах, включая сферу потребления, образа и качества жизни, образования, экономической, социальной и политической активности [Синякова, 2020]. При грамотной политике Республики Корея период экономической активности населения может быть увеличен, что, в свою очередь, ослабит финансовое давление на молодых, поддержит высокий уровень занятости и будет стимулировать экономический рост страны. Однако нерешенным пока остается вопрос финансирования пенсионных фондов РК, так как повышение ставок отчислений в них вызывает жесткое сопротивление граждан.

Наряду с трудностями обеспечения пожилых людей, в Южной Корее остро стоит проблема низкой рождаемости, которую нелегко решить. Причины позднего брака и деторождения разнятся от семьи к семье. Если одним достаточно получить финансовую господдержку, то другим нужна собственная квартира и изменения в трудовом законодательстве. Третьи же и вовсе не готовы считаться с мнением государства о том, что им следует заводить детей, и выбирают одиночную жизнь. Поэтому властям остается лишь пытаться удовлетворить наиболее частые запросы своих граждан, отличающихся по социальному статусу и мировоззрению. Также не стоит забывать, что чрезмерное привлечение иммигрантов в страну в качестве борьбы с депопуляцией может привести к социальным конфликтам между местным населением и представителями других национальностей.

Преодоление демографического кризиса, безусловно, требует кропотливой работы над разработкой социальных проектов, проведения продуманной пенсионной реформы, обсуждений с общественностью, многосторонних дискуссий с населением, органами власти и бизнесом.

¹ Для сравнения, согласно Росстату, в России период жизни после выхода на пенсию для мужчин статистически составляет 2,57 года, а для женщин — 12,7 лет. См.: Демография // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.09.2023).

Библиографический список

Ланьков А. Н. Демографические проблемы Южной Кореи // Корё Сарам — Записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/demograficheskie-problemy-yuzhnoj-korei/> (дата обращения: 10.05.2023).

Набиева К.М. Проблемы демографии Южной Кореи в XXI веке // Кореведение в России: направление и развитие, 2020. Т. 1. № 1. С. 148—151.

Самсонова В.Г. Демографическая ситуация в Республике Корея: вызовы и пути оптимизации // Восточная Азия: факты и аналитика, 2022. № 3. С. 84—92. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-84-92.

Синякова А.Ф. Домохозяйства, состоящие из одного человека, меняют структуру потребительского спроса в РК // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее, 2020. С. 267—274. DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10029.

Эм П.П. Республика Корея. Второй демографический переход: особенности и результаты // Азия и Африка сегодня, 2019. № 1. С. 38—45. DOI: 10.31857/S032150750003342-8.

2023년 ‘대한민국 일자리 으뜸기업’ 선정 및 ‘일자리창출 유공 정부포상’ 신청 안내 [Руководство по подаче заявки на получение наград «Лучшая компания Кореи за рабочие места» и «Правительственная премия за заслуги в создании рабочих мест» 2023 года] // MOEL. URL: https://www.moel.go.kr/local/seoulgwana/news/notice/noticeView.do?bbs_seq=20230300126 (дата обращения: 10.08.2023). (На кор.).

4대 분야·6대 핵심과제 선정 [Выбор 4 областей и 6 основных задач] // 대통령직속 저출산고령사회위원회 [Президентский комитет по пожилому обществу и демографической политике Кореи]. URL: <http://www.betterfuture.go.kr/front/notificationSpace/pressReleaseDetail.do?articleId=184&listLen=10&searchKeyword=&position=M#none> (дата обращения: 10.05.2023). (На кор.).

고령인구비율 [Доля пожилого населения] // KOSIS (Корейская служба статистической информации). URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1YL20631&conn_path=I2 (дата обращения 20.09.2023). (На кор.).

문재인 정부 4년·고령화 정책 주요 성과 [4 года правления Мун Чжэина·Основные достижения демографической политики] // 저출산·고령화 사회위원회. URL: <https://www.betterfuture.go.kr/front/notificationSpace/cardNewsDetail.do?articleId=289&listLen=4&searchKeyword=%EB%AC%B8%EC%9E%AC%EC%9D%B8%20%EC%A0%95%EB%B6%80&position=E> (дата обращения: 09.09.2023). (На кор.).

이소연. 2023 결혼인식조사 [Ли Соён. Опрос мнений о браке в 2023 году] // Korea Research Co., Ltd. 2023. URL: <https://hrcopinion.co.kr/archives/26871> (дата обращения: 10.08.2023). (На кор.).

출입국통계 [Иммиграционная статистика] // Министерство юстиции. 2023. URL: <https://www.moj.go.kr/moj/2412/subview.do#:~:text=%EC%97%B0%EB%8F%84%EB%B3%84%20%EC%9D%B8%EA%B5%AC%EB%8C%80%EB%B9%84%20%EC%B2%B4%EB%A5%98%EC%99%B8%EA%B5%AD%EC%9D%B8%20%ED%98%84%ED%99%A9> (дата обращения: 10.08.2023). (На кор.).

Fertility Rate // Federal Reserve Bank of St. Louis, One Federal Reserve Bank Plaza, St. Louis, MO 63102 (FRED). URL: <https://fred.stlouisfed.org/categories/33512> (дата обращения: 30.10.2023).

Gopinath, G. Gender Equality Boosts Economic Growth and Stability // IMF. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/09/27/sp092722-ggopinath-kgef-gender-korea> (дата обращения: 08.09.2023).

Net migration — Korea, Rep. // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM?end=2021&locations=KR&start=1991> (дата обращения: 10.05.2023).

Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators, Old-age income poverty // OECD. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/d76e4fad-en/index.html?itemId=/content/component/d76e4fad-en> (дата обращения: 20.09.2023).

Welsh, D. Domestic politics and ethnic conflict. In Brown, M.E. Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton University Press, 1993. Pp. 43–60.

References:

2023년 ‘대한민국 일자리 으뜸기업’ 선정 및 ‘일자리창출 유공 정부포상’ 신청 안내 (2023nyeon ‘daehanmin guk iljari eutteumgieop’ seonjeong mit ‘iljarichangchul yugong jeongbuposang’ sincheong annae). [Information on selecting the 'Korea's Best Job Company' in 2023 and applying for the 'Government Award for Job Creation']. MOEL. URL: https://www.moel.go.kr/local/seoulgwanak/news/notice/noticeView.do?bbs_seq=20230300126 (accessed: 10.08.2023). (In Korean).

4대 분야·6대 핵심과제 선정 (2022). (4dae bunya·6dae haeksimgwaje seonjeong). [Selection of 4 major areas and 6 major tasks]. The Presidential Committee on Low Birth Rates and Population Policy. URL: <http://www.betterfuture.go.kr/front/notificationSpace/pressReleaseDetail.do?articleId=184&listLen=10&searchKeyword=&position=M#none> (accessed: 10.05.2023). (In Korean).

Em P.P. (2019). Respublika Koreya. Vtoroy demograficheskiy perekhod: osobennosti i rezul'taty [The Republic of Korea. The second demographic transition: features and results], *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1: 38–45. URL: <https://asafoday.ru/s032150750003342-8-1/> (accessed: 14.09.2022). (In Russian).

Fertility Rate, Federal Reserve Bank of St. Louis, One Federal Reserve Bank Plaza, St. Louis, MO 63102 (FRED). URL: <https://fred.stlouisfed.org/categories/33512> (accessed: 30.10.2023).

Gopinath, G. (2022). Gender Equality Boosts Economic Growth and Stability. IMF. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/09/27/sp092722-ggopinath-kgf-gender-korea> (accessed: 08.09.2023).

Lan'kov, A. N. (2015). Demograficheskie problemy Yuzhnoi Korei [Demographic problems of South Korea], *Kore Saram* — Zapiski o koreitsakh. URL: <https://koryo-saram.ru/demograficheskie-problemy-yuzhnoj-korei/> (accessed: 10.05.2023). (In Russian).

Nabieva K.M. (2020). Problemy demografii Yuzhnoy Korei v XXI veke [Problems of demography of South Korea in the 21st century], *Koreevedenie v Rossii napravlenie i razvitie* [The Journal of Direction and Development of Korean Studies in Russia], Vol. 1, No. 1: 148–151. (In Russian).

Net migration — Korea, Rep. (2022). World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM?end=2021&locations=KR&start=1991> (accessed: 10.05.2023).

Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators, Old-age income poverty, OECD. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/d76e4fad-en/index.html?itemId=/content/component/d76e4fad-en> (accessed: 20.09.2023).

Samsonova V.G. (2022). Demograficheskaia situatsiia v Respublike Koreia: vyzovy i puti optimizatsii [Demographic situation in the Republic of Korea: challenges and ways of optimization], *Vostochnaia Azia: fakty i analitika*. No. 3: 84–92. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-84-92. (In Russian).

Siniakova A.F. (2020). Domokhoziaistva, sostoiashchie iz odnogo cheloveka, meniaut strukturu potrebitelskogo sprosа v RK [South Korea: Singles Change Consumer Demand], *Vostochnaia Azia: proshloe, nastoiashchee, budushchee*: 267–274. DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10029. (In Russian).

Welsh, D. (1993). Domestic politics and ethnic conflict. In Brown, M.E. Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton University Press: 43–60.

고령인구비율 (Goryeongingubiyul). [Elderly population ratio]. KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1YL20631&conn_path=I2 (accessed 20.09.2023). (In Korean).

문재인 정부 4년_고령화 정책 주요 성과 (2021). (Moon Jae-in jeongbu 4nyeon_goryeonghwa jeongchaek juyo seonggwa). [Moon Jae-in Government's Four-Year_Aging Policy Key Achievements]. The Presidential Committee on Low Birth Rates and Population Policy. URL: <https://www.betterfuture.go.kr/front/notificationSpace/cardNewsDetail.do?articleId=289&listLen=4&searchKeyword=%EB%AC%B8%EC%9E%AC%EC%9D%B8%20%EC%A0%95%EB%B6%80&position=E> (accessed: 09.09.2023). (In Korean).

이소연. 2023 결혼인식조사 (*Li Soen. 2023 gyeolhoninsikjosa*). [*Li Soen. 2023 Marriage Recognition Survey*]. Korea Research Co., Ltd, 2023. URL: <https://hrcopinon.co.kr/archives/26871> (accessed: 10.08.2023). (In Korean).

출입국통계 (Chulipguktonggye). [Immigration statistics]. Ministry of Justice, 2023. URL: <https://www.moj.go.kr/moj/2412/subview.do#:~:text=%EC%97%B0%EB%8F%84%EB%B3%84%20%EC%9D%B8%EA%B5%AC%EB%8C%80%EB%B9%84%20%EC%B2%B4%EB%A5%98%EC%99%B8%EA%B5%AD%EC%9D%B8%20%ED%98%84%ED%99%A9> (accessed: 10.08.2023). (In Korean).

Поступила в редакцию: 31.10.2023
Принята к публикации: 29.11.2023

Received: 31.10.2023
Accepted: 29.11.2023

Н.З. Мосаки

Политика Республики Корея в Иракском Курдистане

Аннотация. Настоящая статья посвящена политике Республики Корея, утверждающей себя в качестве «средней державы» в мировой политике, в Иракском Курдистане после свержения баасистского режима в Ираке после 2003 г. Показана история вовлечения Южной Кореи в Иракский Курдистан через воинский контингент, находившийся там в 2004—2008 гг. и положивший начало курдско-корейским отношениям. Проанализирована деятельность корейских дипломатов в Курдистане. Для Курдистана прямые дипломатические связи с Кореей представляли собой попытку его властей по суверенизации своего края, в том числе через самостоятельную международно-нефтяную политику и заключение договоров напрямую с иностранными, в том числе южнокорейскими, компаниями. Однако участие корейских компаний в разработке курдистанских месторождений принесло им лишь убытки. Неудача с экспансией корейских нефтяных компаний в Курдистан и более реалистичное отношение к его экономическому потенциалу на первый план со стороны Кореи выдвинули гуманитарную и культурную дипломатию. В работе подробно представлена культурная деятельность Южной Кореи в Курдистане, где сформирован один из наиболее положительных образов этой страны за рубежом. Показано отражение восприятия Кореи в курдистанских средствах массовой информации. Курдистан является важным направлением, где Корея реализует одну из главных своих национальных идей — обретение международного авторитета и выход за пределы Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Республика Корея, Ирак, Иракский Курдистан, «средняя держава», «Зейтун», культурная дипломатия, гуманитарная помощь.

Автор: Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. ORCID: 0000-0001-8268-006X. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мосаки Н.З. Политика Республики Корея в Иракском Курдистане // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 42—65. DOI: 10.48647/ICCA.2023.84.92.005.

N.Z. Mossaki

The Policy of the Republic of Korea in Iraqi Kurdistan

Abstract. This article explores the policy of the Republic of Korea, positioning itself as a “middle power” in global politics, specifically in relation to Iraqi Kurdistan following the overthrow of the Baathist regime in Iraq after 2003. The history of South Korea’s

involvement in Iraqi Kurdistan through the military contingent stationed there from 2004 to 2008 is presented. This military presence marked the beginning of Kurdish-Korean relations. The diplomatic endeavors of Korean representatives in Kurdistan are scrutinized, highlighting the region's pursuit of direct diplomatic relations with Korea as a means to assert its sovereignty. This includes initiatives such as an independent international oil policy and the negotiation of agreements directly with foreign nations. Nevertheless, the involvement of Korean enterprises in Kurdistan's oil fields resulted in financial setbacks. Subsequently, there has been a shift towards prioritizing humanitarian and cultural diplomacy. The article provides a comprehensive analysis of South Korea's cultural activities in Kurdistan, where one of the most positive images of this country abroad is shaped. The article also analyzes how Korea is perceived in Kurdistan's media. Kurdistan emerges as a significant arena where Korea is actualizing one of its core national objectives — the attainment of international authority and global expansion beyond Northeast Asia.

Keywords: the Republic of Korea, Iraq, Iraqi Kurdistan, “middle power”, “Zaytun”, cultural diplomacy, humanitarian assistance.

Author: Nodar Z. MOSSAKI, PhD (history), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the RAS. ORCID: 0000-0001-8268-006X. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Mossaki N.Z. (2023). Politika Respubliki Koreya v Irakskom Kurdistane [The Policy of the Republic of Korea in Iraqi Kurdistan]. *Korevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 42—65. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.84.92.005.

Иракский Курдистан, занимающий важное стратегическое положение и обладающий весьма высоким уровнем самостоятельности в составе Иракской Республики, играет важную роль в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ). Наряду с этим многократное увеличение доходов местного бюджета в Ираке после свержения баасистского режима благодаря экспорту нефти привлекает внимание не только сверхдержав, традиционно имеющих интересы на БСВ, но и так называемых средних держав (middle power), а также стран Восточной Азии, традиционно заинтересованных в рынках БСВ для экспорта своей продукции и услуг и расширяющих их международные связи благодаря росту своего политического веса в международной политике. Наиболее активную роль из стран Восточной и Юго-Восточной Азии в Иракском Курдистане играет, понятное дело, Китайская Народная Республика [Мосаки, 2016], однако в этом контексте можно выделить ещё и Японию с Южной Кореей, которые, благодаря экономическим, а также в некоторой степени и политическим мотивам, тоже вовлекаются во взаимоотношения с Иракским Курдистаном.

Настоящая статья посвящена политике Южной Кореи в отношении Иракского Курдистана¹.

¹ Автор выражает благодарность двум анонимным рецензентам за полезные замечания и рекомендации.

Введение

Традиционно интерес исследователей, изучавших внешнюю политику Республики Корея (РК), концентрировался на отношениях с Соединёнными Штатами, странами-соседями (Северо-Восточная Азия) и государствами окружающего региона (Восточная и Юго-Восточная Азия), а также в целом на месте Южной Кореи в международной политике. Тем более, что возросшая экономическая мощь, в значительной степени основанная на внешнеэкономических связях (объёмах экспорта), содействовала впоследствии расширению масштабов дипломатического влияния этой страны за рубежом, превратив её к 90-м годам XX в. в «среднюю державу», или «державу средней силы». Республика Корея является редким примером, когда страна, будучи получателем международной помощи, стала крупным донором [Neo & Roehrig, 2014; Snyder, 2018].

В отечественной и зарубежной литературе имеется немало количество работ как в целом о «средних державах», так и о Южной Корее как «средней державе». Так, сравнительному анализу концептуальных подходов в изучении «держав среднего уровня» в международных отношениях посвящена статья В.В. Вершининой [Вершинина, 2020]. Концепции «средней силы» во внешней политике Республики Корея, точнее — подробный разбор корейской версии этой концепции, представлен в работе А.В. Воронцова с соавторами [Воронцов и др., 2020]. Теория и практика политики «средней державы» этой страны, заключённые в идее «приведения в соответствие с экономическими достижениями внешнеполитического влияния», рассмотрены в исследовании В.А. Родионова и В.Р. Бритовой [Родионов, Бритова, 2021, с. 60]. Ряд интересных положений имеется в статье В.А. Аваткова и В.Я. Агафоновой о сравнительном анализе внешней политики Турции и Республики Корея [Аватков, Агафонова, 2023], в которой, в частности, обоснованно подчёркивается более независимый от Запада курс Турции, а также ограниченность возможностей Южной Кореи в окружающем её регионе, где «превалируют» другие державы, в связи с чем она «стремится распространить своё влияние за пределами региона с помощью инструмента “мягкой силы”» [Аватков, Агафонова, 2023, с. 10, 25]. Вместе с тем, хотя меньшая внешнеполитическая независимость Южной Кореи, по сравнению с Турцией, очевидна, трудно однозначно утверждать о большем учёте руководством Турции собственных национальных интересов, однако дальнейшее развитие этой темы выходит за рамки настоящей статьи. По-видимому, небезосновательно мнение об успешности региональной стратегии Южной Кореи как «средней державы» в сотрудничестве и координации с Соединёнными Штатами с постепенным повышением своей роли, а также во взаимодействии с местными силами в соответствующих регионах [Choi, 2009; Ko, 2006], что, собственно, и наблюдалось в стране, политике которой и посвящена настоящая статья.

Очевидно, каждая «средняя держава» имеет свои особенности и функции достижения этого статуса, в случае с Южной Кореей — это экономическое сотрудничество, модель развития, помощь и т. д. [Karim, 2018]

Зарубежными исследователями изучены различные аспекты внешней политики Республики Корея в региональном разрезе [Bridges, 2014]. В частности, про-

анализирована её так называемая новая южная политика (NSP-K), представленная руководством страны в 2017 г. (а также усовершенствованный вариант NSP-K+ от 2020 г.) и направленная на укрепление отношений с Южной и Юго-Восточной Азией, уменьшение зависимости от США в рамках диверсификации своей внешней политики, осуществление более «сбалансированной дипломатии» и стремление к «стратегической автономии», утверждение себя в качестве «средней державы» [John 2023; Yun, Galas, 2023; Kamaruddin, Deivasagayam, 2023], в том числе с использованием «мягкой силы» [Yang, Hsiao, 2023].

Особенности политики РК в отношении Центральной Азии приведены в статье О.С. Пугачевой [Пугачева, 2023].

В целом следует отметить, что Ближний и Средний Восток находятся на периферии внешней политики Южной Кореи [Волошак и др., 2023], хотя со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, особенно с ОАЭ и Саудовской Аравией, у неё имеются масштабные экономические связи.

Имеется ряд работ, посвящённых различным аспектам взаимодействия Южной Кореи со странами БСВ, среди которых можно выделить «The Republic of Korea and the Middle East: Economics, Diplomacy, and Security» [Levkowitz, 2010]. Правда, одной из первых статей о проникновении этой страны на Ближний Восток являлась статья Диснея о южнокорейских рабочих в этом регионе и деятельности южнокорейских строительных фирм, которые первоначально привлекались на подряды, полученные на БСВ японскими компаниями [Disney, 1977, p. 24]. При этом следует помнить, что связи Южной Кореи со странами БСВ в период холодной войны во многом были обусловлены противоборством между двумя системами.

Хотя экономическая значимость БСВ для Южной Кореи стала увеличиваться с 70-х до конца 90-х годов XX в., этот регион был, можно сказать, вне внимания южнокорейской дипломатии и наблюдалось лишь примитивное экономическое взаимодействие между Республикой Корея, с одной стороны, и странами Ближнего и Среднего Востока — с другой: приобретение энергоресурсов и выполнение различных проектов. В XXI в. веке ситуация стала меняться — как с точки зрения масштабного роста экономических связей, так и относительно военного вовлечения Южной Кореи в этот регион [Levkowitz 2010, p. 1]. Южнокорейская оборонная промышленность активно завоёвывает и рынки вооружений на БСВ, что важно для продвижения внутренних амбициозных военных программ и получения большой финансовой выгоды [Azad, 2023].

Из проблем Ближнего и Среднего Востока южнокорейская общественность наиболее знакома, неудивительно, с арабо-израильским конфликтом [Zelcer-Lavid & Evron, 2021].

В 2022 г. была издана весьма содержательная монография о политике Южной Кореи на Ближнем и Среднем Востоке, в которой рассмотрены отношения с Ираном, Саудовской Аравией, ОАЭ и Ираком, в том числе с Иракским Курдистаном [Jeong, 2022]. В ней, в частности, правомерно подчёркивается стратегическое партнёрство с Ираном, начатое ещё в 70-х годах XX в. и продолженное в XXI в. в области торговли энергоносителями и в сфере строительства, а также использование территории этой страны в качестве своеобразного хаба для реэк-

порта южнокорейских товаров и тесных взаимоотношений с Тегераном для вовлечения в ряд вопросов. Однако роль Ирана во взаимодействии Южной Кореи с Иракским Курдистаном преувеличена. Политика Республики Корея в отношении Иракского Курдистана рассмотрена в статье о ее ближневосточном курсе во время президентства Ли Мён Бака [Azad, 2013, p. 557—559]. Непосредственно сведения о взаимоотношениях Иракского Курдистана с РК представлены в различных сообщениях, репортажах и других материалах курдистанских СМИ — телеканалов Rûdaw, Kurdistan24, а также в меньшей степени Kurdsat и др., широко использованные в настоящей работе.

Политика Южной Кореи в Иракском Курдистане

Хотя южнокорейские компании начали действовать в Ираке в конце 1970-х годов, когда компания Hyundai Engineering & Construction получила контракт на осуществление проекта очистных сооружений на юге страны в Басре, дипломатические отношения между этим государством и РК были установлены лишь в 1989 г.¹ Однако вскоре, после агрессии против Кувейта в 1990 г., в отношении Ирака были введены международные санкции, серьёзно ограничившие экономические связи этой страны. Фактически отношения Ирака с Южной Кореей были прекращены.

С 1995 г. в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» Ирак получил возможность продавать нефть в обмен на предметы первой необходимости, в связи с чем в страну стали поступать и южнокорейские товары: текстильная продукция, электрические батареи, резиновые шины, медицинские изделия, грузовые автомобили и др. Поставки иракской нефти в Южную Корею возобновились с 1998 г. Объём экспорта южнокорейских товаров в Ирак до начала XXI в. не превышал нескольких миллионов долларов в год, в то время как иракский нефтяной экспорт в РК существенно превышал импорт и составлял несколько десятков миллионов долларов.

Поворотным пунктом в развитии иракско-корейских связей стало свержение Соединёнными Штатами в 2003 г. режима Саддама Хусейна и размещение в Иракском Курдистане (к северу от столицы региона — г. Эрбиль) с сентября 2004 г. по декабрь 2008 г. в составе многонациональных сил под руководством США южнокорейского контингента под названием «Зейтун» (по-курдски Tîra Zeûtûne [подразделение «Олива»] от слова Zeûtûn, что по-арабски и по-курдски означает «Олива»). В разные периоды его численность составляла от 500 до почти 4 тыс. человек, уступая лишь американцам и британцам. Значительную его часть составляли не просто и не только военнослужащие, но и инженеры, врачи

¹ Следует отметить, что между Ираком и КНДР дипотношения были установлены в 1968 г. после прихода к власти баасистов и достигли своего зенита к началу 70-х годов XX в., однако в 1980 г. были прекращены, так как Северная Корея поддержала Иран в войне с Ираком. Дипломатические отношения были восстановлены лишь в 2008 г. [Szalontai & Jinil, 2023; Azad, 2018, p. 390—392; Song, 2016, p. 75—76]. Однако, несмотря на поддержку Ирана в начале 1980-х годов, КНДР всё же старалась маневрировать между двумя странами, что весьма подробно раскрыто в недавно опубликованной содержательной статье [Szalontai & Jinil, 2023].

и другие гражданские специалисты, сыгравшие немалую роль в восстановлении инфраструктуры курдского региона Ирака, пострадавшего после первой войны в заливе и более чем 20-летнего эмбарго Саддама Хусейна против курдов. Отправка южнокорейского военного контингента произошла после просьбы Соединённых Штатов в феврале 2004 г. в адрес руководства Республики Корея в связи с тяжёлым положением в Ираке и необходимостью привлечения союзников для решения различных проблем, возникших после смены власти в стране.

Хотя формально южнокорейский контингент находился в Ираке, высокий уровень автономизации Иракского Курдистана и фактически отсутствие какого-либо контроля над этим регионом со стороны Багдада положили начало южнокорейско-курдским контактам без какой-либо иракской составляющей.

Следует отметить, что отправка вооружённых сил в Ирак вначале не воспринималась в южнокорейском обществе единодушно в качестве необходимого решения [Lee, 2006] в связи с неоднозначным восприятием иракской кампании США. Причиной этого являлась тяжёлая военно-политическая обстановка в Ираке, сложившаяся после свержения Саддама Хусейна, и, исходя из этого, серьёзные угрозы со стороны экстремистских организаций в адрес иностранных военнослужащих и специалистов, в том числе казнь южнокорейского гражданина (переводчика в корейской фирме в Ираке) одной из исламистских группировок, действовавших в Ираке, в июне 2004 г. Однако решение руководства страны участвовать в проамериканской коалиции, безусловно, позволило Южной Корее значительно увеличить свой политический вес на Ближнем Востоке, а также своё восприятие в качестве международной силы. При этом в целом опасения корейского общества оказались напрасными, что, конечно же, было обусловлено, в первую очередь, безопасностью курдского региона. Расквартирование корейских военнослужащих в безопасном Курдистане фактически предотвратило их соприкосновение с серьёзными «иракскими рисками», имевшимися в то время, и позволило сосредоточиться на наиболее сильных сторонах корейской политики — оказании различных видов помощи. Корейский контингент осуществлял сооружение и ремонт различных объектов инфраструктуры (дорог, больниц, школ, линий электропередач и т. д.), обучал местное население различным техническим навыкам, в том числе корейцами был создан Центр профессионального обучения (что-то наподобие профессионально-технического училища), где жители Иракского Курдистана проходили различные курсы продолжительностью несколько недель, связанные с обслуживанием различной техники. Южнокорейцы оказывали местному населению медпомощь (лишь за первые два года пребывания контингента она была оказана около 40 тыс. человек, а всего ее получили почти 100 тыс. человек); на базе контингента было создано медучреждение с 38 койками, где осуществлялось обучение местных докторов и младшего медперсонала, а также мобильная клиника, которая оказывала медпомощь в удаленных районах,

«Зейтун» за время нахождения в Курдистане вместе с Южнокорейским агентством международного сотрудничества (КОИСА), открывшим представительство в Эрбиле в 2004 г., и корейскими компаниями построил 61 школу, 15 медицинских центров, в том числе больницу с одноимённым названием, предоставляя также оборудование и медикаменты для них, а также библиотеку стои-

мостью 4,3 млн долл., где проводятся культурные мероприятия. Среди крупных проектов следует отметить строительство известной южнокорейской компанией POSCO электростанции Хабат, которая производит почти 10 % курдистанской электроэнергии. Всего подразделением «Зейтун» и KOICA было реализовано около 250 объектов на общую сумму в несколько десятков миллионов долларов¹.

«Зейтун», кроме экономических проектов, внёс большой вклад в развитие южнокорейско-курдских культурных связей и знакомство курдов с Южной Кореей. Южнокорейский контингент имел свой сайт (zaytun.mil.kr), который в настоящее время не действует, издавал газету *The Zaytun*, вначале выходившую с текстами параллельно на английском и корейском языках, а после — на английском и курдском языках, являвшуюся важным источником деятельности этого военного контингента в Курдистане.

Следует отметить, что первоначально почти все южнокорейские культурные мероприятия проводились южнокорейскими военнослужащими на военной базе «Зейтун», которую посещали самые высокопоставленные лица курдской администрации, включая премьер-министра, министров, губернаторов и т. д., воспринимавшие Республику Корея через деятельность южнокорейских военных. Там были организованы фестивали корейско-курдской дружбы. В июне 2006 г. известная южнокорейская труппа бродячего театра «Намсаданг» представила спектакль, на котором присутствовали министры культуры и образования Курдистана, а также другие высокопоставленные лица. Южнокорейские военные проводили соревнования по тхэквондо, обучали курдов разным навыкам и т. д.

Деятельность «Зейтун» сразу же была воспринята местным населением Курдистана с восхищением². Более того, впоследствии генконсул Республики Корея в Курдистане заявлял даже, что курды приветствовали корейский контингент как «дар с небес»³, и часто повторял слова бывшего президента Курдистана Масуда Барзани, перефразировавшего известную курдскую поговорку «У курдов нет друзей, кроме гор», горько заявляющую об одиночестве курдов в мире, следующим образом: «У курдов нет друзей, кроме гор и Кореи»⁴.

Южнокорейские представители всячески подчеркивали, что их миссия заключается в оказании поддержки в восстановлении Ирака, указывая на пример помощи их стране коалицией под командованием США после разрушительной

¹ Подробный отчёт Министерства планирования Курдистана о проектах KOICA в этом регионе см. по: Kurdistan Regional Government — Iraq, General Directorate of Development Cooperation and Coordination. *Contributions of the Republic of South Korea to Kurdistan Region from 2004 to the end of 2010*. Erbil: Kurdistan Regional Government; 2010.

² Об итогах деятельности «Зейтун» в Курдистане, кроме газеты *The Zaytun* и различных многочисленных сообщений в курдских СМИ, см. также: Hyung-eun K. Lessons learned on both sides as Zaytun heads home. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=289907426>. 12.2008 (здесь и далее дата обращения: 17.10.2023).

³ Choi Kwang-Jin [South Korea's Consul General in the Kurdistan Region]. Searching for a new roadmap for Korea and the Kurdistan Region in the coronavirus pandemic. URL: <https://www.rudaw.net/english/opinion/22092020> (дата обращения: 22.09.2020).

⁴ Zhelwan Z. Wali. 'Kurds have no friends but the mountains and Korea': Korean consul. URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/160920201>; URL: <https://www.rudaw.net/english/opinion/22092020> (дата обращения: 16.09.2020).

войны на Корейском полуострове в 50-х годах XX в. Деятельность южнокорейцев приносила значительную пользу местному населению и выгодно отличалась в этом смысле от американцев, вовлечённых в основном лишь в военно-политические вопросы и относившихся несколько снисходительно к действиям, направленным на реализацию конкретных проектов по удовлетворению нужд местного населения.

О важности южнокорейского контингента в Ираке для Соединённых Штатов свидетельствовало его посещение министром обороны США Д. Рамсфельдом во время визита в эту страну в октябре 2004 г. Базу в Эрбиле посещал и президент Южной Кореи Но Му Хён: 8 декабря того же года он сделал там остановку на пути домой после возвращения из Европы (из Парижа он вылетел в Кувейт, а оттуда уже в Иракский Курдистан).

После завершения миссии «Зейтун» Южная Корея, создав себе весьма положительный имидж в глазах населения Иракского Курдистана, возможно один из наиболее позитивных как в части восприятия местным населением, так и в целом, имея в виду образ РК в мире, продолжала оказывать различного рода помощь этому региону.

Именно деятельность Южной Кореи в Ираке, точнее — в Иракском Курдистане, ознаменовала начало становления РК как важной международно-политической силы за пределами непосредственно «своего региона», повысив её авторитет на международной арене. Это позволило Южной Корее превратить военные операции в перспективы для бизнеса, предоставив при этом возможность позиционировать себя доброжелательным защитником и гуманистом, укрепить свой статус «средней державы» [Kim & Moon, 2022].

Тесное взаимодействие с властями Курдистана и утверждение Южной Кореи в качестве устойчивой «гуманитарной державы» в этом крае не могло не привести к её экономическому вовлечению, что традиционно является одним из приоритетов этой страны. Импорт южнокорейских товаров разного вида, имеющих глобальную известность (техника, автомобили и т. д.), в Курдистане не нуждался в дипломатическом содействии. Он проходил в основном через ОАЭ, являющиеся крупнейшим торговым хабом на Ближнем и Среднем Востоке, однако участие Южной Кореи в проектах, решение по которым зависело от курдистанских властей, основывалось на гуманитарно-дипломатических успехах этой страны в Курдистане. В последнем начали действовать различные южнокорейские компании, в том числе с 2007 г. государственная Корейская национальная нефтяная компания (KNOC).

Активно развивались дипломатические связи между Южной Кореей и Курдистаном. Центральные власти Багдада не были консолидированы, уровень самостоятельности Курдистана после свержения баасистского режима в Ираке был высочайшим. Иракские власти фактически не контролировали Курдистан, как и некоторые другие районы и провинции, особенно в местах преимущественного проживания суннитов. Передвижение в Багдаде для дипломатов также являлось весьма проблемным с точки зрения безопасности, в то время как Курдистан представлял собой «островок безопасности» в Ираке и позиционировал себя в качестве «другого Ирака». Для Курдистана прямые дипломатические связи с

Южной Кореей представляли собой попытку его властей по суверенизации своего края. Впервые южнокорейский посол в Ираке посетил Курдистан 5 июня 2006 г., побывав на военной базе своей страны, а также встретившись с тогдашним президентом края Масудом Барзани.

После свержения баасистского режима Иракский Курдистан пытался осуществлять самостоятельную международно-нефтяную политику, заключая договоры напрямую с иностранными, в том числе южнокорейскими компаниями, минуя разрешения центральных властей Ирака, что, естественно, вызывало недовольство Багдада, исключавшего сотрудничавшие с курдскими властями фирмы из некурдистанских иракских проектов.

В ноябре 2007 г. консорциум корейских компаний под руководством КНОС подписал с властями Курдистана соглашение о разделе продукции по добыче нефти на месторождении Базиан с запасами 500 млн баррелей. Напрямую с Иракским Курдистаном взаимодействовала и компания SK Energy Co, в связи с чем иракские власти с января 2008 г. даже прекратили экспорт нефти в её адрес и не допустили южнокорейский бизнес до участия в ряде тендеров.

В середине февраля 2008 г. Южную Корею посетил премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани, который был принят Ли Мён Баком, президентство которого открыло новую главу в отношениях между Сеулом и Эрбилем [Azad, 2013, р. 558]. Н. Барзани пообещал корейскому руководству контракты для корейских компаний на сумму более 10 млрд долл. Подписание этих соглашений, не признававшихся Багдадом законными, Н. Барзани считал «конституционным правом Курдистана». Во время своей поездки глава правительства Курдистана, обещая урегулировать противоречия с Багдадом, подписал с группой корейских компаний под руководством КНОС предварительное соглашение на разработку этим консорциумом четырёх курдистанских месторождений с запасами от 1 до 2 млрд баррелей нефти. На встрече с Н. Барзани президент Южной Кореи просил руководство Курдистана содействовать дальнейшему вовлечению южнокорейских компаний в курдский регион в область нефтедобычи, на что премьер-министр Курдистана заявлял о заинтересованности Курдистана в опыте корейцев.

Это нефтяное соглашение было подписано в Эрбиле в июне 2008 г., более того, южнокорейцы получили дополнительно несколько месторождений — всего на 7,2 млрд баррелей, взамен обязуясь реализовать проекты на сумму почти 11 млрд долл., в том числе построить объекты электроэнергетической инфраструктуры, водоочистные сооружения, автомагистрали и школы. Южнокорейские СМИ называли это соглашение огромной, но рискованной сделкой, однако в связи с малыми шансами на получение доступа к иракской нефти на южных месторождениях Ирака, где господствовали мировые гиганты, южнокорейцы пытались закрепиться в Курдистане¹. Однако столь политизированное вовлече-

¹ Kim M. Iraq's Kurds sign oil deals with S. Korea firms // Reuters. URL: <https://jp.reuters.com/article/korea-iraq/update-2-iraqs-kurds-sign-oil-deals-with-s-korea-firms-idUSSEO28961220080625> 25.06.2008 (дата обращения: 19.11.23).

Seoul Signs Huge but Risky Oil Deal in Iraq // Korea times. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2023/10/129_26484.html (дата обращения: 19.11.23).

ние оказалось неустойчивым и нефтяное сотрудничество Курдистана и Южной Кореи не получило продолжения, более успешными там оказались различные южнокорейские проекты в области строительства [Azad, 2013, p. 558].

В конце сентября 2008 г. премьер Н. Барзани ещё раз посетил Южную Корею, был принят президентом Ли Мён Баком, различными министрами и представителями КОИСА.

В конце декабря 2010 г. бывшему премьер-министру Курдистана (тогда — заместителю главы правящей в крае Демократической партии Курдистана, ныне — президенту Курдистана) Нечирвану Барзани президентом Южной Кореи был вручен орден «За заслуги на дипломатической службе» степени Кванхва (Gwanghwa) за вклад в развитие отношений с Республикой Корея¹, что крайне высоко было оценено в Курдистане, лидеры которого весьма редко получают госнаграды от руководства других стран, тем более, учитывая позитивный образ Южной Кореи во всех смыслах.

Правда, следует отметить, что МИД Республики Корея перепутал Нечирвана Барзани с его дядей — лидером ДПК и президентом Курдистана в 2005—2017 гг. Так, на сайте внешнеполитического ведомства, во вкладке отношений с Ираком, приведены сведения о взаимных визитах представителей двух стран, где, в частности, указано, что в феврале и сентябре 2008 г. Южную Корею посетил «глава Курдского регионального правительства Ирака Масуд Барзани» (в РК ездил премьер-министр Нечирван Барзани, а не президент Масуд Барзани), а в декабре 2010 г. — «бывший премьер-министр регионального правительства Курдистана Нечирван», то есть с правильным указанием должности, но неверным написанием имени и без фамилии², хотя, понятно, кто имелся в виду. Всё это свидетельствует, безусловно, о некоторой невнимательности южнокорейского дипломатического ведомства по отношению к Ираку и Иракскому Курдистану.

В 2008 г. Республика Корея для оперативного взаимодействия с курдской администрацией и проведения мероприятия в курдском крае создала в Эрбиле офис своего посольства в Ираке, который с 2010 г. стал выдавать визы, что облегчило их получение в связи с трудностями поездок из Курдистана в Багдад из-за сложной обстановки с безопасностью в иракской столице.

В феврале 2009 г. с госвизитом в Южной Корее побывал президент Ирака Джалал Талабани, являющийся видным лидером курдского освободительного движения и главой одной из правящих партий в Курдистане. Однако его переговоры были связаны непосредственно со взаимоотношениями Ирака и РК, несколько сгладив недовольство премьер-министра Нури аль-Малики³ визитом Нечирвана Барзани в Сеул, хотя Талабани и не преминул дать высокую оценку

¹ Xelatkirina Nêçîrvan Barzanî li Koreya Başûr [Награждение Нечирвана Барзани в Южной Корее] // Телеканал KTV (Kurdistan TV). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jTEqoQQIO3E>. (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

² The Ministry of Foreign Affairs of the Korean Republic. Official site. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/nation/m_4902/view.do?seq=185 (дата обращения: 19.11.23).

³ В Ираке президент выполняет церемониальные функции, вся власть сосредоточена в руках премьер-министра.

деятельности корейского контингента в Эрбиле, назвав Южную Корею «искренним партнёром».

В 2016 г. офис южнокорейского посольства после получения разрешения от МИД Ирака был преобразован в консульство, став одним из важнейших диппредставительств в Курдистане. Незадолго до этого, в августе 2016 г., Южную Корею посетил глава департамента внешних сношений правительства Курдистана Фалах Мустафа, который был принят заместителем министра иностранных дел, а также провёл переговоры с руководством КОИСА и представителями южнокорейских деловых кругов. По имеющимся сведениям, так называемый министр иностранных дел Курдистана в рамках активизации «внешнеполитической» деятельности своего правительства по убеждению влиятельных зарубежных государств в том, что Ирак представляет собой failed state и для региональной безопасности было бы предпочтительней отделение Курдистана, зондировал в Сеуле почву на сей счёт. Багдад тогда не контролировал, не считая Курдистана, значительные территории на западе страны, в то время как Курдистан расширил зону своей администрации на нефтеносную провинцию Киркук и ряд других прилегающих районов. Однако южнокорейские власти, понимая особое положение Курдистана в Иракской Республике, избегали принимать участие в международно-политических действиях вокруг этого края, сделав упор на «мягкую силу» и гуманитарное проникновение.

Южнокорейские дипломаты в Ираке ведут активную деятельность в Курдистане. Послы РК, как до создания консульства в Эрбиле, так и после, регулярно (примерно каждые 3—4 месяца) посещали и посещают Курдистан, встречаясь с руководством региона.

Лидеры Курдистана весьма часто принимают генерального консула Южной Кореи. Причём ввиду того, что в Курдистане фактически два центра силы — под контролем Демократической партии Курдистана в Эрбиле (две провинции — Эрбиль и Дохук) и Патриотического союза Курдистана в Сулеймании, — южнокорейцы, учитывая местные неформальные реалии, поддерживают связи с обоими. Стал традицией приём властями Курдистана южнокорейского консула как по прибытии, так и при завершении его каденции, а также во время пребывания. Кроме того, посол Южной Кореи, как правило, посещает Курдистан при формировании нового правительства в регионе. Каждая встреча южнокорейских дипломатов с курдистанскими представителями включает в себя ставшие уже дежурными, но, тем не менее, вполне искренние заявления курдских властей о высокой оценке роли РК в восстановлении инфраструктуры в Иракском Курдистане, важности культурных связей между курдами и корейцами и желании далее углубить отношения и похожие ответные заверения¹.

¹ Для примера, несколько сообщений на сайтах правительства и президента Курдистана, а также ведущих телеканалов. См.: Têkeliyên Kurdistan û Koreya Başûr li ser bingehêk saxlem. [Отношения Курдистана и Южной Кореи строятся на здоровой основе] // Официальный сайт восьмого регионального правительства Курдистана. URL: http://www.gov.krd/a/d.aspx?s=0100_00&l=16&a=51514 (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

Южнокорейские дипломаты поддерживают контакты с представителями курдистанского бизнеса, вузами и другими организациями. Делегации южнокорейских дипломатов нередко включают представителей различных компаний. Встречи южнокорейских дипломатов с властями Курдистана включают не только формальные дипломатические рандеву с политическим руководством, но и с руководителями министерств и ведомств по различным вопросам. Кроме южнокорейских дипломатов в Ираке, эту страну, и в том числе Курдистан, посещают делегации непосредственно из Республики Корея.

Курдистанские СМИ содержат весьма большое количество материалов об этих встречах. Кроме того, южнокорейские дипломаты весьма тесно общаются и с главами администраций провинций, а также министерств и ведомств Курдистана. Автором не проводился подсчёт упоминаний в СМИ Иракского Курдистана консульств или консулов, однако, исходя из многолетних наблюдений, представляется, что Южная Корея в этом смысле выделяется среди нескольких десятков зарубежных дипломатов в Курдистане.

Следует отметить, что южнокорейское консульство в Эрбиле ведёт весьма содержательную страничку в социальной сети Facebook¹, на которой представлена вся деятельность диппредставительства².

В связи с проблемой Исламское государство (ИГ или ИГИЛ, запрещенная в Российской Федерации террористическая организация) в Ираке, ставшей одной из наиболее серьёзных угроз для этой страны, южнокорейское правительство с

Serok Barzanî pêşwaziya Balyozê Koreya Başûr li Iraqê kir [Президент Барзани принял посла Кореи в Ираке]. URL: <http://www.presidency.krd/kurdil/nprint.aspx?id=p4Her/9hud4> (дата обращения: 24.09.2014). (На курд. яз.).

См. также сообщения СМИ: Koreya Başûr dixwaze pêwendiyên li gel Kurdistanê bihêztir bike [Южная Корея желает усилить свои связи с Курдистаном]. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/080420218> (дата обращения: 08.04.2021). (На курд. яз.). Nêçîrvan Barzanî û Konsulê Koreya Başûr tekeziyê li ser bihêzkirina pêwendiyên dikin [Нечирван Барзани и консул Южной Кореи подчёркивают необходимость укрепления отношений]. URL: <https://www.kurdistan24.net/kmr/story/60549-N%C3%AA%C3%A7%C3%AErvan-Barzan%C3%AE-%C3%BB-Konsul%C3%AA-Koreya-Ba%C5%9F%C3%BBr-tekeziy%C3%AA-li-ser-bih%C3%AAzkirina-p%C3%AAwendiy%C3%AA-dikin> (дата обращения: 25.09.2022). (На курд. яз.). Serok Nêçîrvan Barzanî pêşwaziya Konsolê nû yê Koreya Başûr kir [Президент Нечирван Барзани принял консула Южной Кореи]. URL: <https://presidency.gov.krd/kmr/serok-necirvan-barzani-peswaziya-konsole-nu-ye-koreya-basur-kir/> (дата обращения: 25.09.2022). (На курд. яз.). Mesrûr Barzanî spasiya Koreya Başûr kir [Масрур Барзани поблагодарил Южную Корею]. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2911202210> (дата обращения: 29.11.2022). (На курд. яз.). Mesrûr Barzanî pêşwazî li Balyozê Koreya li Iraqê kir [Масрур Барзани принял посла Кореи в Ираке]. URL: <https://www.kurdistan24.net/kmr/story/61655-Mesr%C3%BBr-Barzan%C3%AE-p%C3%AA%C5%9Fwaz%C3%AE-li-Balyoz%C3%AA-Koreya-li-Iraq%C3%AA-kir> (дата обращения: 29.11.2022). (На курд. яз.). Serok Barzanî pêşwazî li Konsulê Giştî yê Koreya Başûr kir [Лидер Барзани принял генерального консула Кореи]. URL: <https://www.kurdistan24.net/kmr/story/61989-Serok-Barzan%C3%AE-p%C3%A%C5%9Fwaz%C3%AE-li-Konsul%C3%AA-Gi%C5%9Ft%C3%AE-y%C3%AA-Koreya-Ba%C5%9F%C3%BBr-kir> (дата обращения: 20.12.2022). (На курд. яз.).

¹ Запрещена в РФ; соцсеть принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

² Korean Consulate in Erbil // Официальная страница консульства Республики Корея в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/Korea.Erbil> (дата обращения: 19.11.23).

2014 г. начало оказывать военную помощь иракским и курдистанским властям. 24 сентября 2014 г., в период, когда ИГИЛ захватил обширные территории, прилегающие к Курдистану, посол Южной Кореи в Ираке пообещал поддержку курдским вооружённым формированиям¹. 30 ноября он ещё раз посетил Эрбиль и провёл переговоры с курдистанским министром по делам пешмерга (обороны) Курдистана по вопросу военного сотрудничества между Иракским Курдистаном и РК. Вскоре в курдских СМИ появились сообщения о поставке Южной Кореей вооружений правительству Ирака, в том числе Курдистану, для борьбы против ИГ². РК предоставляла Курдистану и гуманитарную помощь в связи с большим количеством временно перемещённых лиц в Курдистане, бежавших из районов, захваченных «Исламским государством». В конце сентября 2015 г. посол Южной Кореи в Ираке посетил Курдистан для переговоров по этому вопросу. В июле 2018 г. РК заявила о выделении Курдистану в качестве гуманитарной помощи 10 млн долл. и вскоре передала МВД Курдистана медикаменты для беженцев. Помощь беженцам Южная Корея неоднократно выделяла и позже³. В июне 2022 г. КОИСА выделило 6 млн долл. езидским беженцам из Синджара, дома которых были разрушены ИГИЛ.

Южнокорейские власти регулярно предоставляют Курдистану медицинскую помощь. Дипломаты РК время от времени передают курдским властям медикаменты на сотни тысяч долларов⁴.

Большую роль в симпатиях курдов к корейцам играет и эмпатия южнокорейцев в отношении чувствительных для курдов тем. Так, в связи с 25-летием Анфалья⁵, парламент Южной Кореи в июне 2013 г. принял резолюцию о признании Анфалья геноцидом (со стороны иракских властей под руководством Саддама Хусейна в отношении курдов). Республика Корея стала четвертой страной после Швеции, Норвегии и Великобритании, которая сделала это. Об этом решении посол Южной Кореи в Ираке Хейон Мейонг Ким сообщил лично министру по делам мучеников Курдистана. А в декабре 2021 г. во время визита в район Гармиан — один из наиболее пострадавших от Анфалья — консул Южной Кореи возложил цветы в память о жертвах Анфалья.

Активно действует в Курдистане КОИСА. Указанная организация осуществляет различные проекты, связанные как с сооружением инфраструктуры, так и с

¹ Serok Barzanî pêşwaziya Balyozê Koreya Başûr li Iraqê kir...

² Çêk û Koreya Başûr balafirên şer didin [Чехия и Южная Корея предоставляют военные самолёты] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/middleeast/iraq/060920152>. (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

³ Koryaya Başûr alikariyê bi koçberên li Herêma Kurdistanê ne re dike [Южная Корея оказывает помощь беженцам в Курдистане] // Kurdistan24. URL: https://www.kurdistan24.net/ku/news/b10f4b0e-d626-4e72-aec9-adcae5effea?fbclid=IwAR1tdXp15dQ3Kq0-UbMWO1NJgTvpHdEf8f19tgz4Oam5wIjTl0_wsPlgA74 (На курд. яз.) (дата обращения: 19.11.23).

⁴ См., например, сообщение о передаче 12 декабря 2017 г. послом Кореи в Ираке лекарств Курдистану стоимостью 300 тыс. долл.: Koreya Başûr alikariyên pizîşkî ji Kurdistanê re dişîne [Южная Корея направляет в Курдистан медицинскую помощь] // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/kurmanci/sa7a/12122017> (дата обращения: 12.12.2017). (На курд. яз.).

⁵ Кампания по массовому уничтожению курдов в Ираке в 1987—1988 гг., в том числе с применением химического оружия, жертвами которой стали более 100 тыс. человек.

повышением эффективности госуправления¹. В апреле 2018 г. КОИСА выделила Курдистану 6 млн долл. для модернизации системы госзакупок², также южнокорейцы участвовали в финансировании переподготовки курдистанских госслужащих, проводя для них различные обучающие семинары.

Следует отметить, что кроме оказания помощи курдской администрации Ирака напрямую Южная Корея выделяла средства для фонда Программы развития ООН, реализующей различные проекты на территориях, освобождённых от ИГИЛ. Сумма взноса Республики Корея в 2015—2021 гг. составила 27 млн долл.

Однако деятельность южнокорейских компаний в Курдистане столкнулась с различными сложностями. Многомиллиардные многообещающие контракты, заключённые на волне ажиотажа, оказались не такими выгодными. К этому добавились проблемы в области военно-политической обстановки из-за фактора ИГИЛ, а также усиления контроля центральных властей Ирака над Курдистаном после проведённого там в 2017 г. референдума о независимости.

Так, KNOC в 2016 г. вышла из проекта «Южный Сангау», где имела 50-процентную долю после подписания с правительством Курдистана в 2008 г. соглашения о разделе продукции, затратив около 200 млн долл. на геологоразведку, посчитав месторождение бесперспективным³. До этого KNOC отказалась от ряда проектов в 2012 и 2014 гг. Следует добавить, что в Южной Корее даже произошёл скандал из-за публикаций в 2015 г. в газете *The Korean Times* публикаций о возможном незаконном взаимодействии между KNOC и региональным правительством Курдистана, но корейским судом какие-либо нарушения не были установлены.

Однако с центральными властями Ирака с 2012 до весны 2017 г. экономическое сотрудничество Южной Кореи в связи с проблемами безопасности и вовсе было свёрнуто⁴. Летом 2019 г. Багдад и Эрбиль посетила южнокорейская делегация, возглавляемая советником президента Республики Корея по внешнеполитическим вопросам Хан Бён Ду, целью которой являлось углубление экономических связей, нарушенных в связи с ухудшением ситуации с безопасностью⁵. Однако, как заявлял южнокорейский консул в конце 2021 г., активность южнокорейского бизнеса в Курдистане так и не восстановилась. По его данным, до 2014 г. в Курдистане действовало более 200 южнокорейских бизнесменов, в то

¹ PM Barzani hails South Korean aid in improving governance // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/121220173> (дата обращения: 11.12.23).

² Korea to give KRG \$6 million for modernizing procurement systems // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/010520182> (дата обращения: 11.23.23).

³ Mark Watts. South Korean group pulls out of Iraqi Kurdistan oil block // Meed. URL: <https://www.meed.com/south-korean-group-pulls-out-of-iraqi-kurdistan-oil-block/> (дата обращения: 19.11.23).

Jung Min-hee. KNOC Pulls Out of Iraq's Sangaw South Oil Field Project // Business Korea. URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=15631> (дата обращения: 19.11.23).

⁴ Шмельёва Т.А. К вопросу о сотрудничестве Республики Корея и стран Ближнего Востока // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=57839> (дата обращения: 19.11.23).

⁵ Serokê Herêma Kurdistanê bo Koreya Başûr hate vexwandin [Президент Региона Курдистан приглашён в Южную Корею] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/030720196> (дата обращения: 19.11.23).

время как спустя семь лет на территории страны остались лишь две компании¹. Сведений об объемах торговли между Курдистаном и РК не имеется, хотя объём иракско-корейской торговли составляет около 9 млрд долл., около 80 % которого составляет экспорт Ирака в Южную Корею (почти полностью сырая нефть и нефтепродукты), а 20 % — импорт (различного вида техника, в первую очередь автомобили — легковые и грузовые, запчасти к ним, также электрооборудование, вооружения и т. д.).

В Курдистане в настоящее время действуют крупнейшие южнокорейские компании — LG, Hyundai, Kia Motors, однако потребление продукции этих фирм, понятно, происходило бы и без тесных отношений РК с Курдистаном и потенциал южнокорейско-курдистанского экономического сотрудничества далеко не исчерпан. Учитывая, что «укрепление торговли между Курдистаном и Южной Кореей является главным приоритетом» корейских дипломатов в Курдистане², а также принимая во внимание относительную стабилизацию военно-политической обстановки в Ираке, следует ожидать увеличения масштабов этого сотрудничества. Однако этот вопрос следует всё же рассматривать в связке с южнокорейско-иракскими экономическими отношениями. Усиление и консолидация центральных властей в Багдаде, относительная нормализация и стабилизация обстановки в арабской части Ирака, установление стратегического контроля над внешнеэкономической деятельностью Курдистана, в том числе над экспортом нефти, зависимость Эрбиля от трансфертов из иракского бюджета и в целом некоторое уменьшение самостоятельности Курдистана вынуждают Южную Корею в большей степени учитывать позицию Багдада. В экономическом отношении взаимодействие с иракскими властями, выделяющими Курдистану менее 13 % бюджета страны, выглядит заманчивее. Ирак, очевидно, является более крупным экономическим партнёром.

Необходимость восстановления инфраструктуры и создания различных новых сооружений, наряду с наличием значительных объёмов расходов бюджета (более 150 млрд долл. в 2023 г.), создаёт серьёзные предпосылки для иракско-южнокорейского экономического сотрудничества. В середине 2023 г. после шестилетнего перерыва возобновил работу совместный комитет Ирака и Южной Кореи, созданный в 1984 г. и возглавляемый, соответственно, министрами торговли (Ирак) и земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта (РК). Незадолго до этого корейский министр Вон Хи Рён посетил Багдад в рамках своей поездки по ряду стран Персидского залива (он также побывал в Саудовской Аравии и Катаре), целью которой было содействие южнокорейским строительным компаниям в получении новых контрактов. Эту поездку южнокорейская пресса назвала «дипломатией продаж»³. Иракские власти предполагали также, в частности, вернуть

¹ Mohammed D. S. 'Kurdistan Region has so much potential and room to grow': Korea CG // Kurdistan24. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/26598-%27Kurdistan-Region-has-so-much-potential-and-room-to-grow%27:-Korea-CG> (дата обращения: 19.11.23).

² Kurdistan Region, South Korea relationship 'very special:' Consul // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/english/interview/24012023>. (дата обращения: 24.01.23).

³ Lee Kyung-min. Middle East 'sales diplomacy' picks up speed // The Korea Times. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2023/11/129_344348.html (дата обращения: 27.01.23).

южнокорейскую компанию Hanwha Engineering & Construction Co. к работе над гигантским проектом строительства нового города Бисмая с населением 600 тыс. жителей (10 км к юго-востоку от Багдада), приостановленной в связи с отсутствием оплаты, а также привлечь другие фирмы к различным проектам сооружения иной инфраструктуры¹. Правда, позднее, в ноябре 2023 г., иракские власти всё же приняли работы, распорядившись оплатить их². В этом же году иракские власти обсуждали с южнокорейскими компаниями различные крупные проекты, такие как сооружение и ремонт водоочистных сооружений в Басре (именно с подобного проекта, как уже отмечалось, началось экономическое сотрудничество Ирака с Южной Кореей), реконструкция нефтеперерабатывающего завода в Кербеле, разработка газового месторождения в пров. Анбар, строительство промышленного городка в Хаббании и т. д. Необходимо также учитывать, что Ирак является пятым крупнейшим экспортёром нефти в Южную Корею (в 2022 г. — после Саудовской Аравии, США, Кувейта и ОАЭ). В сентябре 2023 г. во время проведения 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН премьер-министр Ирака аль-Судани и президент Южной Кореи Юн Сок Ёль провели переговоры, в ходе которых глава иракского правительства пригласил южнокорейские компании участвовать в стратегическом проекте «Путь развития», предусматривавшего строительство транспортного коридора, который соединит Персидский залив с турецким Средиземноморьем. Таким образом, факторы, способствующие дальнейшему развитию экономического сотрудничества между Ираком и Южной Кореей, видны налицо: у Ирака, являющегося весьма платежеспособной страной, имеется необходимость в крупномасштабном строительстве по всей стране, а РК заинтересована в выполнении различных проектов в Ираке как с экономической точки зрения, так и для повышения своего международного авторитета.

Гуманитарная и культурная дипломатия Южной Кореи в Курдистане

Неудача с экспансией южнокорейских нефтяных компаний в Курдистан и более реалистичное отношение к его экономическому потенциалу выдвинули гуманитарную и культурную дипломатию РК на первый план.

Южная Корея уделяет большое внимание осуществлению различных культурных мероприятий в Курдистане: проводит выставки южнокорейских фотографий³, фестивали корейского кино, праздники Республики Корея, фестивали от

¹ Oh-Sang Yoo. S.Korea-Iraq Joint Committee resumes operations after six years. Korean companies are hoping to participate in large-scale projects such as the reconstruction of Iraq and the Bismayah New City // The Korea Economic Daily. URL: <https://www.kedglobal.com/business-politics/newsView/ked202306200012> (дата обращения: 20.06.23).

Ik-Hwan Kim. Hanwha E&C abandons Bismayah project in Iraq; \$581 mn loss expected // The Korea Economic Daily. URL: <https://www.kedglobal.com/construction/newsView/ked20221009000> (дата обращения: 19.11.23).

² John Lee. Iraqi Govt Approves Completion of 30,000 Housing Units // Iraq Business News. URL: <https://www.iraq-businessnews.com/2023/11/14/iraqi-govt-approves-completion-of-30000-housing-units/> (дата обращения: 19.11.23).

³ Kurdistan bi çavikê kamereya fotografê Koreya Başûr [Курдистан глазами южнокорейского фотографа] // Rojevakurd. URL: <https://rojvakurd.com/kurdistan-bi-cavike-kamereya-fotografe-kor-eua-basur/> (На курд. яз.). (дата образования: 19.11.23).

созданной в 2016 г. организации «друзья Кореи», которая, среди прочего, отправляет курдских студентов на обучение в Южную Корею¹, фестивали корейской культуры², концерты корейской музыки, показы корейской одежды, поэтические собрания³. Проводятся конкурсы на знание корейской культуры⁴ и языка, количество знатоков которого в Курдистане невелико, но устойчиво растёт. Мероприятия проводятся не только в столице Курдистана, г. Эрбиль, но и в Сулеймании, так как Курдистан, по сути, раздроблен на два региона. В апреле 2013 г. в Эрбиле был открыт Корейский культурный центр. Понимая ограниченность своих возможностей по созданию какого-либо образовательного либо исследовательского учреждения в Курдистане, Южная Корея в 2023 г. договорилась с Американским университетом Сулеймании о создании там программы по корееведению с соответствующим грантом⁵. Эти усилия Южной Кореи, в значительной степени основанные на развитии деятельности общественной дипломатии, вписываются в её новую стратегию по повышению своего международного статуса [Бритова, 2023].

Большое значение для увеличения симпатий курдов к Южной Корее имеют и личные характеристики корейских дипломатов. Хотя в целом, как известно, южнокорейскому дипкорпусу присуща сдержанность, назначенный в 2019 г. консулом в Эрбиле Чой Кванг-Джин благодаря своей открытости, сильно выделяющейся на фоне представителей других стран в Курдистане, очевидно, в немалой степени способствовал ещё большему улучшению образа Республики Корея в этом крае. В сентябре 2020 г. на крупнейшем курдском телеканале Rûdaw было представлено обширное с ним интервью, в ходе которого южнокорейский консул, одетый в курдскую одежду, высоко оценивал развитие Курдистана, говорил о своей любви к нему и к курдам, рассказывал о Южной Корее, корейских блюдах, читал стихи, пел⁶. Вскоре ещё одно обширное выступление южнокорейского консула вышло в эфир на другом крупнейшем телеканале Курдиста-

¹ Komeleya Dostên Koreyê li Hewlêrê 2yemîn festîvala xwe saz kir [Общество «Друзей Кореи» в Эрбиле организовало сво 2-й фестиваль] // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/ap/021220189>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.12.23).

² См., например, репортажи телеканала Rûdaw об одном из таких фестивалей: URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=290073040242146>. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1395200564671064>. См. также репортаж о группе корейских танцев: <https://www.facebook.com/watch/?v=555203303331457>. (На курд. яз.).

Konsulê Koreya Başûr: Çiya û gundên Kurdan ji bajarên wan xweştir in [Консул Южной Кореи: горы и сёла Курдистан лучше городов]. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/interview/25072023>. (На курд. яз.).

³ Poetic diplomacy: Korea, Kurdistan strengthen ties through culture // Rudaw. URL: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/250420193> (дата обращения: 19.11.23).

⁴ Pêşbirka behredariya Koreyê li Herêma Kurdistanê birêve diçe [В Курдистане проходит конкурс корейского мастерства] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/1609202011>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁵ Korean Studies Scholarship (AKS-2023-INC-2230005) // American Institute of Iraq, Sulaimani. URL: <https://ais.edu.krd/?q=korean-studies-scholarship> (дата обращения: 19.11.23).

⁶ Konsulê Koreya Başûr: Kurdistan ber bi xala rast ve diçe [Консул Южной Кореи: Курдистан движется в правильном направлении] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/1209202012>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

на — Kurdistan24, где он представил сравнительный анализ различных аспектов Курдистана и Южной Кореи¹, подчёркивая их сходство. На различных корейских праздниках в Курдистане им регулярно исполнялись песни на курдском языке. Чой Кванг-Джин опубликовал в Курдистане сборник стихов, предисловие к которому написал президент Нечирван Барзани. Южнокорейский дипломат называл Курдистан своим «вторым домом», часто носил курдскую одежду, причём хорошо разбираясь в её региональных стилях², эффектно фотографируясь в ней на фоне курдистанских достопримечательностей³, говорил о близости корейской и курдской культур⁴, своем восхищении курдским языком⁵, историей курдов и Курдистаном⁶. В преддверии завершения своей трехлетней дипломатической миссии он заявлял, что время службы в Курдистане стало самым счастливым периодом его жизни и он никогда не забудет Эрбиль⁷. Понимая роль СМИ в формировании и поддержании положительного образа, южнокорейский консул имел весьма тёплые отношения с курдистанскими СМИ. Так, перед отъездом из Курдистана он посетил не только лидеров региона⁸, но и отдельно поблагодарил крупнейший курдистанский телеканал⁹, ранее вручив ему ещё и грамоту МИД Южной Кореи¹⁰, очевидно полученную при его содействии. В рамках прощания с Курдистаном корейский консул спел песню о внутренне

¹ Официальная страница Kurdistan24 в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1016854238838272>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

² Konsulê Koreya Başûr: Kurdistan ber bi xala rast ve diçe...

Zhelwan Z. Wali. 'Kurds have no friends but the mountains and Korea': Korean consul...

³ A Korean diplomat's love affair with Kurdish clothing, poetry // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/english/culture/06092020> (дата обращения: 19.11.23).

⁴ Serok Barzanî û Konsulê Koryaya Başûr tekeziyê li kûrkirina pêwendiyên dîkin [Президент Барзани и консул Южной Кореи подчеркивают углубление отношений] // Kurdistan24. URL: <https://www.24.krd/kmr/story/56669-Serok-Barzan%C3%AE-%C3%BB-Konsul%C3%AA-Koryaya-Ba%C5%9F%C3%BBr-tekeziy%C3%AA-li-k%C3%BBkirina-p%C3%AAwendiyen-dikin> (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁵ A Korean diplomat's love affair with Kurdish clothing, poetry....

⁶ Mohammed D.S. 'Kurdistan Region has so much potential and room to grow'...

⁷ Konsulê Koreya Başûr: Dê Hewlêr her tim di dilê min de bimîne [Консул Южной Кореи: моё сердце навсегда останется в Эрбиле] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2301202220>. 23.01.2022. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁸ Serok Barzanî û Konsulê Koryaya Başûr tekeziyê li kûrkirina pêwendiyên dîkin...;

Mesrûr Barzanî rola Konsulê Koryaya Başûr di pêşvebirina pêwendiyên de bilind dinirxîne [Масрур Барзани высоко оценивает роль консула Южной Кореи в развитии отношений] // Kurdistan 24. URL: <https://www.24.krd/kmr/story/56670-Mesr%C3%BBr-Barzan%C3%AE-rola-Konsul%C3%AA-Koryaya-Ba%C5%9F%C3%BBr-di-p%C3%AA%C5%9Fvebirina-p%C3%AAwendiyen-de-bilind-dinirx%C3%AEne>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁹ Serokê Herêma Kurdistanê û Konsolê Koreya Başûr civiyan [Встретились президент Региона Курдистан и консул Южной Кореи] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2501202211>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

⁹ Koreya Başûr spasiya Tora Medyaûî ya Rûdawê kir [Южная Корея выразила благодарность медиахолдингу Rûdaw]. // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/2301202220>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

¹⁰ Wezaretê Derve ya Koreya Başûr Tora Medyaûî ya Rûdawê xelat kir [МИД Южной Кореи наградила медиахолдингу Rûdaw] // Rudaw. URL: <https://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/1404202115>. (На курд. яз.). (дата обращения: 19.11.23).

перемещённых лицах (беженцах), находящихся в лагерях Курдистана¹, которые являются одной из важных гуманитарных и экономических проблем в этом регионе, что, безусловно, способствовало ещё большим симпатиям курдов к нему лично и его стране.

Сменивший Чой Кванг-Джина в качестве консула Чо Киджунг, хотя несколько уступал своему предшественнику в вовлеченности в общественную жизнь Курдистана, однако всё же был заметен более других своих коллег зарубежных консулов и неоднократно выступал на курдских телеканалах².

Фактически Южная Корея участвует во всех проблемах в Курдистане, как связанных непосредственно с этим краем, так и глобального характера. Так, после начала пандемии КОИСА передало мнздраву Курдистана 400 тыс. долл. для создания лабораторий по коронавирусу³.

В Южной Корее, где ранее никогда не было курдов, в настоящее время их численность составляет около 1 тыс., включая студентов. Наличие пусть и столь немногочисленной диаспоры, очевидно, также будет содействовать увеличению объёмов общения между курдами и корейцами. Не случайно южнокорейские дипломаты в деле курдско-корейского взаимодействия отводят особую роль курдам, изучающим и изучившим корейский язык. Появились и корейцы, владеющие курдским языком, что ранее невозможно было представить.

Вместо заключения

Понятно, что роль Южной Кореи невозможно сравнить с ролью Соединённых Штатов, фактически спасших в 1992 г. иракских курдов от истребления Саддамом Хусейном и являющихся гарантом обеспечения определённого уровня самостоятельности этого региона в рамках иракского государства, а культурное влияние Южной Кореи мало по сравнению с культурным влиянием США благодаря очень широкому распространению в Ираке английского языка и лёгкому доступу к американской культуре, распространённой по всему миру. Однако очевидно, что за последние почти два десятилетия Республика Корея провела огромнейшую работу в Курдистане, получив один из наиболее положительных образов своей страны за рубежом. Хотя период взаимоотношений южнокорейцев с курдами весьма непродолжителен по историческим меркам и сильно уступает связям курдов с крупными внешними державами, даже учитывая существенно меньшее знание языка и отсутствие диаспоры, «мягкая сила» Южной

¹ Konsulê Koreya Başûr bi xwendina straneke Kurdî xatir xwest [Консул Южной Кореи попросился, спев песню] // Kurdistan24. URL: <https://www.24.krd/kmr/story/56702-Konsul%C3%AA-Koreya-Va%C5%9F%C3%BBr-bi-xwendina-straneke-Kurd%C3%AE-xatir-xwest>. (На курд. яз.). (Дата обращения: 19.11.23).

² См., например: Kurds speaking Korean 'enormously' contributes to boosting Seoul-Erbil relations: Consul. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UOq2PzYdREo>. (На курд. и англ. яз.). (Дата обращения: 25.07.2023).

Konsulê Koreya Başûr: Çiya û gundên Kurdan ji bajarên wan xweştir in...

³ Pêşbirka behredariya Koreyê li Herêma Kurdistanê birêve diçe...

Кореи более чем заметна. В немалой степени это обусловлено деятельностью корейских дипломатов.

Кроме того, масштабы «средней державы» Южной Кореи, которые имеют больше ограничений по сравнению с возможностями сверхдержав, в то же время предоставляют подобного рода странам преимущества. Если в отношении политики мировых держав у курдов время от времени возникает недовольство или фрустрация (нередко можно услышать и утверждения о предательстве), исходя из Realpolitik, очевидно, не сконцентрированной на безусловной поддержке курдов этими державами, имеющих определённые обязательства перед странами, не заинтересованными в создании курдского государства, то Южная Корея, не играющая важную роль в крупных сложных международных вопросах, не вызывает у курдов завышенных ожиданий, а соответственно, и разочарования. Действия Республики Корея, основанные на помощи и содействии развитию, априори только положительны. В этом смысле слова одного из лидеров Курдистана Нечирвана Барзани о том, что «Республика Корея всегда доказывала, что является другом народа Курдистана» и «мы уважаем и ценим вашу дружбу и поддержку Курдистана»¹ естественны и искренни.

Понимая весьма высокий уровень симпатий к южнокорейцам со стороны курдов, южнокорейские дипломаты, действующие в Курдистане, очевидно, в свою очередь, проникаются теплыми чувствами к курдам, и разного рода похвала в их адрес основана не только лишь на дипломатическом этикете, тем более учитывая ситуацию в прилегающих районах остальной части Ирака. В этом смысле заявления южнокорейского консула об «очень особых» отношениях между Курдистаном и Кореей (насколько это возможно, учитывая, что Курдистан не является государством) не являются преувеличением², и Курдистан является одним из важнейших направлений, где Южная Корея реализует одну из главных своих национальных идей — обретение международного авторитета и выход за пределы Северо-Восточной Азии [Бритова, 2023, с. 68].

Библиографический список

Аватков В.А., Агафонова Я.В. Республика Корея и Турецкая Республика: сопоставительный анализ «братства по духу» // Регионоведение, 2023. Т. 31, № 1. С. 10—29. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029.

Бритова В.Р. Повышение международного статуса Республики Корея при президенте Мун Чжэ Ине (2017—2022 гг.) // Корееведение, 2023. № 1 (2). С. 67—76. DOI: 10.48647/ICCA.2023.52.21.006.

Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика, 2020. № 3. С. 25—40. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034.

¹ Выступлением премьер-министра Курдистана 12 декабря 2017 г. на открытии нового здания Курдистанского института государственного управления, профинансированного корейским правительством. Транслировалось на телеканале Rûdaw.

² Kurdistan Region, South Korea relationship...

Волощак В.И., Безотосова А.Р., Никоненкова Н.И. Внешняя политика Республики Корея после президентских выборов 2022 г. // Известия Восточного института, 2023. № 1. С. 156—166. DOI: 10.24866/2542-1611/2023-1/156-166.

Воронцов А., Понька Т., Варнаховский Э. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея: теория и практика // Международные процессы, 2020. № 1. С. 89—105. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.5.

Мосаки Н.З. Эволюция политики КНР в отношении Иракского Курдистана // Проблемы Дальнего Востока, 2016. № 1. С. 40—53.

Пугачева О.С. Эволюция и перспективы центральноазиатской политики Республики Корея. Восток (Oriens), 2023. № 4. С. 127—139. DOI: 10.31857/S086919080025931-1.

Родионов В.А., Бритова В.Р. Республика Корея как «средняя держава»: теория и практика // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2021. № 3 (43). С. 53—62. DOI: DOI 10.31554/2222-9175-2021-43-53-62.

Azad Sh. Evolving toward normalcy amid anomaly: North Korea's Middle East policy since the demise of Kim Il-Sung // Asian Affairs, 2018. Vol. 49, No. 3. Pp. 383—401. DOI: 10.1080/03068374.2018.1487686.

Azad Sh. South Korea's Expanding Arms Trade with the Middle East: From Workers to Weapons // The RUSI Journal, 2023. Vol. 168, Issue 3. Pp. 32—45. DOI: 10.1080/03071847.2023.2218892.

Bridges B. From ASPAC to EAS: South Korea and Southeast Asia // Asian Affairs: An American Review, 2014. Vol. 41, No. 2. Pp. 33—55. DOI: 10.1080/00927678.2014.910422.

Choi Y. J. South Korea's Regional Strategy and Middle Power Activism // The Journal of East Asian Affairs, 2009. Vol. 23, No. 1. Pp. 47—67.

Disney N. South Korean Workers in the Middle East // MERIP Reports, 1977. No. 61. Pp. 22—24+26.

Jeong H. W. South Korea's middle power diplomacy in the Middle East: development, political and diplomatic Trajectories. N.Y.: Routledge, 2022. 204 p.

Heo U., Roehrig T. South Korea's rise: economic development, power and foreign relations. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 228 p.

Kamaruddin N., Deivasagayam A. D. The NSP-K and NSP-K Plus: Elevating South Korea's Middle Power Presence Among Asean Member Countries // Asian Affairs, 2023. Vol. 54. Pp. 286—304. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213114.

Karim M. F. Middle power, status-seeking and role conceptions: the cases of Indonesia and South Korea // Australian Journal of International Affairs, 2018. Vol. 72, No. 4. Pp. 343—363. DOI: 10.1080/10357718.2018.1443428.

Kim N., Moon S. Transnational militarism and ethnic nationalism: South Korean involvements in the Vietnam and Iraq wars // Critical Military Studies, 2022. Vol. 8, No. 4. Pp. 409—427. DOI: 10.1080/23337486.2021.1875110.

Ko S.-B. South Korea's search for an independent foreign policy // Journal of Contemporary Asia, 2006. Vol. 36, No. 2. Pp. 258—273. DOI: 10.1080/00472330680000151.

Lee G. G. South Korea's Faustian Attitude: The Republic of Korea's Decision to Send Troops to Iraq Revisited // Cambridge Review of International Affairs, 2006. Vol. 19, No. 3. Pp. 481—493. DOI: 10.1080/09557570600869523.

Levkowitz A. The Republic of Korea and the Middle East: Economics, Diplomacy, and Security. Korea Economic Institute Academic Paper Series, 2010. Vol. 5. No 6. 9 p.

Oh S. I. Overseas Energy Investment of Korea and Japan: How did Two East Asian Resources-Rare Industrial Giants Respond to Energy Security Challenges. Palgrave Macmillan Singapore, 2023. 291 p. DOI: 10.1007/978-981-99-0285-9.

Snyder S. A. South Korea at the crossroads: autonomy and alliance in an era of rival powers. New York: Columbia University Press, 2018. 355 p.

Song N. North Korea's Middle East Diplomacy and the Arab Spring // Israel Journal of Foreign Affairs, 2016. Vol. 10, No. 1. Pp. 75—89. DOI: 10.1080/23739770.2016.1181921.

Szalontai B., Jinil Y. Maneuvering between Baghdad and Tehran: North Korea's Relations with Iraq and Iran during the Cold War // Journal of Cold War Studies, 2023. Vol. 25, No. 2. Pp. 179—247. DOI: 10.1162/jcws_a_01119.

Yang A. H., Hsiao H.-H. M. Navigating the Politics of Soft Power: Taiwan and Korea's Regional Approach in Comparison // Asian Affairs, 2023. Vol. 54, No. 2. Pp. 342—353. DOI: 10.1080/03068374.2023.2216594.

Yun S., Galas J. V. The Evolution of South Korea's New Southern Policy (NSP-K): The Moon and Yoon Administrations // Asian Affairs, 2023. Vol. 54, No. 2. Pp. 250—263. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213113.

Zelcer-Lavid M., Evron Y. East-West Asia relations: the Israeli-Palestinian conflict and civil society in South Korea and Japan // Israel Affairs, 2021. Vol. 27, No. 1. Pp. 181—201. DOI: 10.1080/13537121.2021.1864857.

References

Avatkov V. A., Agafonova Ya. V. (2023). Respublika Koreya i Turetskaya Respublika: sopostavitel'nyj analiz "bratstva po dukhu" [The Republic of Korea and the Republic of Turkiye: A Comparative Analysis of the "Brotherhood in Spirit"], *Russian Journal of Regional Studies*, Vol. 31, No. 1: 10—29. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.010-029. (In Russian).

Britova V. R. (2023). Povyshenie mezhdunarodnogo statusa Respubliki Koreya pri prezidente Mun Chzhe Ine (2017—2022) [Promoting the international position of the Republic of Korea under president Moon Jae in (2017—2022)], *Koreevedenie [Koreanology]*, Vol. 1, No. 2: 67—76. DOI: 10.48647/ICCA.2023.52.21.006. (In Russian).

Mossaki N. Z. (2016). Evolutsiya politiki KNR v otnoshenii Irakskogo Kurdistana [Evolution of Chinese policy toward Iraqi Kurdistan], *Problemy al'nego Vostoka*, 1: 40—53. (In Russian).

Mossaki N. (2016). China's Changing Sentiments toward Iraqi Kurdistan, *Far Eastern Affairs*, Vol. 44, No. 1: 67—84.

Pugacheva O.S. (2023). Evolyutsiya i perspektivy tsentral'noaziatskoj politiki Respubliki Koreya [Evolution and Prospects of the Central Asian Policy of the Republic of Korea], *Vostok (Oriens)*, No. 4: 127—139. DOI: 10.31857/S086919080025931-1. (In Russian).

Rodionov V.A., Britova V.R. (2021). Respublika Koreya kak "srednyaya derzhava": teoriya i praktika [The Republic of Korea as a "Middle Power": Theory and Practice], *Vestnik BNC SO RAN*, No. 3 (43): 53—62. DOI: DOI 10.31554/2222-9175-2021-43-53-62. (In Russian).

Azad Sh. (2018). Evolving toward normalcy amid anomaly: North Korea's Middle East policy since the demise of Kim Il-Sung, *Asian Affairs*, Vol. 49, No. 3: 383—401. DOI: 10.1080/03068374.2018.1487686.

Azad Sh. (2023). South Korea's Expanding Arms Trade with the Middle East: From Workers to Weapons, *The RUSI Journal*, Vol. 168, No. 3: 32—45. DOI: 10.1080/03071847.2023.2218892.

Bridges B. (2014). From ASPAC to EAS: South Korea and Southeast Asia, *Asian Affairs: An American Review*, Vol. 41, No. 2: 33—55. DOI: 10.1080/00927678.2014.910422.

Choi Y. J. (2009). South Korea's Regional Strategy and Middle Power Activism, *The Journal of East Asian Affairs*, Vol. 23, No. 1: 47—67.

Disney N. (1977). South Korean Workers in the Middle East, *MERIP Reports*, No. 61: 22—24+26.

Jeong H. W. (2022). South Korea's middle power diplomacy in the Middle East: development, political and diplomatic Trajectories. *N.Y.: Routledge*, 204 p.

Heo U., Roehrig T. (2014). South Korea's rise: economic development, power and foreign relations. *Cambridge, Cambridge University Press*, 228 p.

Kamaruddin N., Deivasagayam A. D. (2023). The NSP-K and NSP-K Plus: Elevating South Korea's Middle Power Presence Among Asean Member Countries, *Asian Affairs*, Vol. 54, No. 2: 286—304. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213114.

Karim M. F. (2018). Middle power, status-seeking and role conceptions: the cases of Indonesia and South Korea, *Australian Journal of International Affairs*, Vol. 72, No. 4: 343—363. DOI: 10.1080/10357718.2018.1443428.

Kim N., Moon S. (2022). Transnational militarism and ethnic nationalism: South Korean involvements in the Vietnam and Iraq wars, *Critical Military Studies*, Vol. 8, No. 4: 409—427. DOI: 10.1080/23337486.2021.1875110.

Ko S.B. (2006). South Korea's search for an independent foreign policy, *Journal of Contemporary Asia*, Vol. 36, No. 2: 258—273. DOI: 10.1080/00472330680000151.

Lee G. G. (2006). South Korea's Faustian Attitude: The Republic of Korea's Decision to Send Troops to Iraq Revisited, *Cambridge Review of International Affairs*, Vol. 19, No. 3: 481—493. DOI: 10.1080/09557570600869523.

Levkowitz A. (2010). The Republic of Korea and the Middle East: Economics, Diplomacy, and Security. Korea Economic Institute Academic Paper Series. Vol. 5. No. 6, 9 p.

Oh S.I. (2023). Overseas Energy Investment of Korea and Japan: How did Two East Asian Resources-Rare Industrial Giants Respond to Energy Security Challenges. *Palgrave Macmillan Singapore*, 291 p. DOI: 10.1007/978-981-99-0285-9.

Snyder S.A. (2018). South Korea at the crossroads: autonomy and alliance in an era of rival powers. *New York: Columbia University Press*, 355 p.

Song N. (2016). North Korea's Middle East Diplomacy and the Arab Spring, *Israel Journal of Foreign Affairs*, Vol. 10, No. 1: 75—89. DOI: 10.1080/23739770.2016.1181921.

Szalontai B., Jinil Y. (2023). Maneuvering between Baghdad and Tehran: North Korea's Relations with Iraq and Iran during the Cold War, *Journal of Cold War Studies*, Vol. 25, No. 2: 179—247. DOI: 10.1162/jcws_a_01119.

Vershinina V. V. (2020). “Derzhavy srednego urovnya” v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: sravnitel'nyj analiz kontseptual'nykh podkhodov [Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches], *Comparative Politics Russia*, No. 3: 25—40. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034. (In Russian).

Voloshchak V.I., Bezotosova A.R., Nikonenkova N.I. (2023). Vneshnyaya politika Respubliki Koreya posle prezidentskikh vyborov 2022 g. [South Korea's Foreign Policy after 2022 Presidential Elections], *Oriental Institute Journal*, No. 1: 156—166. DOI: org/10.24866/2542-1611/2023-1/156-166. (In Russian).

Vorontsov A., Ponka T., Varpahovskis E. (2020). Kontseptsiya “srednej sily” (middle power) vo vneshnej politike Respubliki Koreya: teoriya i praktika [Middlepowermanship in Korean Foreign Policy], *Mezhdunarodnye protsessy (Intertrends)*, No. 1: 89—105. (In Russian).

Yang A. H., Hsiao H.-H. M. (2023). Navigating the Politics of Soft Power: Taiwan and Korea's Regional Approach in Comparison, *Asian Affairs*, Vol.54, No. 2: 342–353. DOI: 10.1080/03068374.2023.2216594.

Yun S., Galas J. V. (2023). The Evolution of South Korea's New Southern Policy (NSP-K): The Moon and Yoon Administrations, *Asian Affairs*, Vol. 54, No. 2: 250–263. DOI: 10.1080/03068374.2023.2213113.

Zelcer-Lavid M. & Evron Y. (2021). East-West Asia relations: the Israeli-Palestinian conflict and civil society in South Korea and Japan, *Israel Affairs*, Vol. 27, No. 1: 181–201. DOI: 10.1080/13537121.2021.1864857.

Поступила в редакцию: 20.10.2023

Принята к публикации: 19.11.2023

Received: 20.10.2023

Accepted: 19.11.2023

К.В. Бабаев

Стратегический треугольник Россия—США—КНР и будущее Северо-Восточной Азии

Аннотация. Статья кратко анализирует текущую политическую ситуацию, сложившуюся в Северо-Восточной Азии, где пересекаются интересы всех трёх военно-политических сверхдержав современного мира — России, Китая и США. Особый упор сделан на меняющейся ситуации вокруг Корейского полуострова, проблема которого в последние годы усугубилась растущим противостоянием между Россией и КНР, с одной стороны, и США и их союзниками, с другой. Анализируется также внутривосточная обстановка в Южной Корее после того, как страна оказалась перед экзистенциальным выбором между своим крупнейшим экономическим партнёром (КНР) и военно-политическим союзником (США). В статье делаются выводы о предстоящих дальнейших сдвигах международной обстановки в регионе и возрастающей роли России в указанных процессах.

Ключевые слова: Корейский полуостров, корейская проблема, безопасность в Северо-Восточной Азии, стратегический треугольник, китайско-американские отношения, российско-китайские отношения, внешняя политика.

Автор: Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, профессор, директор, Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0001-5731-8667. E-mail: kbabaev@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бабаев К.В. Стратегический треугольник Россия—США—КНР и будущее Северо-Восточной Азии // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 66—78. DOI: 10.48647/ICCA.2023.27.21.006.

К. V. Babaev

Strategic Triangle Russia—USA—China and the Future of Northeast Asia

Abstract. The article briefly analyzes the current political situation in Northeast Asia, where the interests of all three military and political superpowers of the modern world — Russia, China, and the USA — intersect. A particular emphasis is placed on the changing situation around the Korean Peninsula, the problem of which in recent

years has been aggravated by the growing confrontation between Russia and China on one side and the United States and its allies on the other. The internal political situation in South Korea is also analyzed after the country faced an existential choice between its largest economic partner (PRC) and the political ally (USA). The article draws conclusions about upcoming further shifts in the international situation in the region and the growing role of Russia in the aforementioned processes.

Keywords: Korean peninsula, Korean issue, security in Northeast Asia, strategic triangle, China-US relations, Russia-US relations, foreign policy.

Author: Kirill V. BABAEV, DSc (Philology), Professor, Director, Institute of China and Contemporary Asia. ORCID: 0000-0001-5731-8667. E-mail: kbabaev@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Babaev K.V. (2023). Strategicheskij treugol'nik Rossiya—SShA—KNR i budushhee Severo-Vostochnoj Azii [Strategic Triangle Russia—USA—China and the Future of Northeast Asia]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 66—78. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.27.21.006.

В 2022 г. мир вступил в период, чаще всего называемый временем глобальной турбулентности. Система международных отношений, функционировавшая с момента распада Советского Союза, фактически перестала существовать, а новая система только начинает выстраиваться. Тенденции развития международных отношений, набирающие силу в последние годы, могут постепенно привести к превращению этой силы в основной инструмент разрешения противоречий, что уже дважды в предыдущем столетии приводило мир к глобальному конфликту.

Одним из двух потенциальных эпицентров возникновения глобального конфликта является регион Северо-Восточной Азии (СВА), включающий Японию, Китай, Корейский полуостров и российский Дальний Восток. Именно здесь соприкасаются ключевые интересы трёх крупнейших ядерных держав мира: России, КНР и США, — отношения между которыми сегодня всё более оформляются как противостояние двух первых последней. Это делает весьма актуальной необходимость пристального внимания научного сообщества к событиям и процессам, происходящим в СВА, к позициям трёх стран и их союзников и клиентов, а также к деятельности международных объединений в этом регионе.

Настоящая работа обобщает итоги ряда научных конференций и дискуссий, проведённых с политологами и экономистами ведущих университетов КНР и Южной Кореи летом—осенью 2023 г., и имеет целью проанализировать текущее состояние и возможные направления развития международных отношений в стратегическом треугольнике РФ—КНР—США в СВА в контексте корейского вопроса.

Основой текущей геополитической ситуации можно считать три процесса, набирающих силу в современном мире в последние несколько лет.

1. Рост недовольства существующим миропорядком, который воспринимается многими государствами «глобального Юга» как стремление США диктовать миру свою волю. «Порядок, основанный на правилах», продвигаемый Вашингтоном, воспринимается как мировой порядок, который должен быть основан на

американских правилах, а международные организации, которые должны были бы выполнять функции беспристрастных арбитров, — как структуры, оправдывающие политику Запада и действующие в рамках стратегии двойных стандартов. Такова точка зрения многих государств развивающегося мира.

Если ранее (в 1990—2000-е годы) такой миропорядок в целом устраивал развивающиеся страны, то сегодня ситуация существенным образом изменилась. *Во-первых*, это объясняется ростом удельного веса стран развивающегося мира в мировом хозяйстве. Их доля в мировом ВВП за последние 40 лет выросла в полтора раза¹, а такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, превратились из региональных лидеров в глобальных игроков, претендующих на важное место в решении общемировых вопросов. *Во-вторых*, если до 2010-х годов США обеспечивали соблюдение устанавливаемых ими правил при помощи в основном экономической помощи и редких точечных «операций возмездия» против ослушавшихся стран, то в последнее десятилетие основным инструментом удержания Вашингтоном своего глобального лидерства стали экономические и финансовые санкции. Применяемые теперь не только против небольших стран, но и против крупнейших ядерных держав — оппонентов США России и Китая, санкции привели к усилению тревожного состояния во всём развивающемся мире. Страны Африки, Азии, Латинской Америки на примере России и Китая увидели, как мировые финансовые институты (МВФ, Всемирный банк), ключевые элементы глобальной финансовой системы (система SWIFT), мировые резервные валюты (доллар и евро), международные организации системы ООН используются Вашингтоном в качестве инструментов давления на оппонентов США. Под риском санкционного давления оказался весь незападный мир, и это не может не вызывать недовольства у всех его игроков. Фактически США и их союзники своими руками создали то «мировое большинство», которое, даже не занимая антиамериканских позиций в мировой политике, тем не менее, ищет возможности выйти из системы глобального американского доминирования.

В качестве противодействия указанному тренду Запад инициировал два встречных процесса.

2. Рост деглобализации в современном мире. Этот процесс называют также кластеризацией, декаплингом (между Китаем и США, между Западом и Россией), френдшорингом², однако суть его одна: распад единого политического, экономического и информационного пространства и возвращение к системе блоков — в политике, экономике, науке и образовании, в спорте и культуре.

По всей вероятности, этот процесс уже невозможно остановить, и движут им не экономические, а всецело политические устремления великих держав, стремящихся выстраивать свои международные отношения прежде всего с дружественными, «политически благонадёжными» государствами. Эта тенденция особенно отчетливо видна в политике стран Европейского союза, утратившей свою

¹ Догнать и перегнать: как развивающиеся страны усиливают свои позиции на мировой арене // HSE daily. URL: <https://daily.hse.ru/post/926> (дата обращения: 19.11.2023).

² Что такое френдшоринг и чем он опасен для мировой экономики // РБК. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/641035069a794771e10203ac> (дата обращения: 19.11.2023).

прагматичность и формируемой почти исключительно на основе эмоциональных представлений типа «свой — чужой». Страны, готовые проявить лояльность политическим взглядам Европы, допускаются до инвестиционных проектов, крупных коммерческих сделок, распределения финансовой помощи; любые иные государства — нет. Наглядным примером такого подхода стало заявление руководства Финляндии об отказе направлять гуманитарную помощь в страны, поддерживающие действия России на Украине¹.

Взаимные претензии, опасения, обвинения и прямые запреты со стороны национальных правительств постепенно приводят к перенаправлению инвестиционных потоков, замедлению делового сотрудничества и любого рода политических, экономических и гуманитарных связей между государствами, оказавшимися в различных политических лагерях. Разделение стран на «дружественные» и «недружественные» приводит к быстрой кластеризации мировой экономики и международного сотрудничества в целом. И хотя инициатором этой политики является Запад и его союзники в АТР (Япония, Австралия, Новая Зеландия), ответные меры зеркального характера предпринимают и оппонировавшие им Россия и Китай, справедливо опасаящиеся политических и экономических рисков в случае продолжения сотрудничества.

Точкой невозврата в процессе деглобализации станет интенсивно обсуждаемое, но пока не принятое решение о конфискации государственных активов России в странах Запада. Их заморозка после начала украинского конфликта уже привела к тому, что развивающиеся страны принялись динамично сокращать вложения в ценные бумаги США и стран Евросоюза, в результате чего 2022 г. стал худшим за всю историю существования облигаций американского казначейства², а международные вложения в них после трёхлетнего роста впервые стали быстро сокращаться³. В случае, если США или страны Европы пойдут на изъятие российских валютных резервов или процентов за их размещение, это нанесёт не прямой, но крайне мощный удар по репутации как обеих лидирующих мировых валют, так и всего мирового финансового рынка в глазах развивающегося мира. Тем не менее всё говорит о том, что в Европе решение в той или иной форме будет принято: слишком велика идеологическая составляющая в текущей международной политике стран ЕС.

Принцип «кто не с нами, тот против нас» начинает торжествовать в политике стран Запада, что ставит весь развивающийся мир перед непростым выбором, который большинство стран Юга делать не желают. В результате можно прогнозировать рост напряжения: опасная тенденция деглобализации и раскола плане-

¹ Back Russia's war in Ukraine and lose aid, Finland tells African states // The times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/finland-cut-aid-countries-support-russia-ukraine-war-sp9lshv9t> (дата обращения: 19.11.2023).

² 2022 was the worst-ever year for U.S. bonds. How to position your portfolio for 2023 // CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2023/01/07/2022-was-the-worst-ever-year-for-us-bonds-how-to-position-for-2023.html> (дата обращения: 19.11.2023).

³ Rest of the World: International Portfolio Investment Holdings of Long-term Securities by Country // Board of Governors of the Federal Reserve System. URL: <https://www.federalreserve.gov/releases/efa/efa-project-international-portfolio-investment.htm> (дата обращения: 19.11.2023).

ты на противостоящие блоки будет продолжать нарастать, причём уже сегодня её эффект выглядит глубже, чем даже в эпоху холодной войны, когда экономическое сотрудничество между странами Запада и социалистическим лагерем успешно развивалось, несмотря на периодические кризисы.

3. В последние два десятилетия стало возможно говорить о полноценном возвращении войны в политику в качестве допустимого инструмента внешней политики великих держав. Вооруженный конфликт как способ решения задач, декларируемых в качестве «национальной обороны», де-факто перестал быть табуирован, и великие державы чаще обращаются к силе либо начинают более серьёзно рассматривать такие возможности, полагая, что силой можно разрешить существующие кризисы отношений.

Застрельщиком этого тренда в мировой политике вновь стали Соединённые Штаты, всё более рассматривающие вооружённую интервенцию как орудие удержания своего глобального лидерства и борьбы с идеологическими оппонентами. Вооружённые операции против Югославии (1999), Афганистана (2011—2021), Ирака (с 2003 г.), Ливии (2011), Сирии (с 2014 г.) и других стран совершались без согласования с правительствами указанных государств и показали, что готовность Вашингтона к дипломатическому урегулированию противоречий с оппонентами постоянно снижается. США и страны Запада принимают активное, пусть и опосредованное, участие в российско-украинском конфликте, и в ряде случаев рассматривают для себя размещение собственных войск на украинской территории¹, что может привести к прямому вовлечению стран НАТО в конфликт. О необходимости готовиться к военной операции на Тайване не раз объявляло руководство КНР², а США заявляли, хоть и весьма осторожно, о зеркальной готовности Вашингтона вступить в этом случае в вооружённое противостояние с Китаем³.

В этих условиях вероятность возникновения глобального конфликта существенно повышается. Три указанных тенденции, набирая обороты, способны привести мир к точке, когда избежать прямого военного столкновения будет крайне сложно. С географической точки зрения наиболее взрывоопасными регионами являются Восточная Европа (в случае прямого вовлечения стран НАТО в конфликт на Украине) и СВА, где имеется сразу несколько потенциальных горячих точек.

В качестве таковых следует отметить:

1. Корейский полуостров, вот уже три четверти века остающийся зоной нерегулированного конфликта между двумя корейскими государствами. Все попытки достичь позитивного результата, в том числе при помощи великих держав,

¹ Grant Shapps to ramp up support for Volodymyr Zelensky // The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2023/09/30/grant-shapps-to-send-uk-troops-to-ukraine/> (дата обращения: 19.11.2023).

² Xi Jinping Says He Is Preparing China for War // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/xi-jinping-says-he-preparing-china-war> (дата обращения: 19.11.2023).

³ Biden tells 60 Minutes U.S. troops would defend Taiwan, but White House says this is not official U.S. policy // CNB news. URL: <https://www.cbsnews.com/news/president-joe-biden-taiwan-60-minutes-2022-09-18/> (дата обращения: 19.11.2023).

терпели неудачу, а периоды потепления перемежались новым охлаждением. В сегодняшних реалиях Корейский полуостров вновь можно рассматривать как один из вероятных очагов начала вооружённого конфликта, в который могут быть вовлечены, согласно своим международным обязательствам, и Китай, и США, а также с меньшей степенью вероятности Япония и Россия.

2. Остров Тайвань, территория которого признаётся большей частью мирового сообщества как часть КНР, но не подконтрольна правительству Китая. В последние годы, в то время как Пекин активизировал усилия по поиску путей мирного воссоединения острова с материковой частью страны, США и некоторые другие страны Запада, напротив, предпринимают активные шаги для воспрепятствования такому объединению и де-факто выстраивают взаимодействие с Тайванем как независимым государством, постепенно толкая остров к военному сближению с Западом. В Вашингтоне и европейских столицах звучат призывы признать независимость Тайваня^{1 2}. Эта политика вызывает крайне негативную реакцию КНР, который, как уже отмечено выше, рассматривает возможность военного решения тайваньского вопроса. В свою очередь, Вашингтон наращивает военные поставки и формирование оборонительного потенциала острова.

3. В качестве третьего потенциально взрывоопасного региона СВА можно назвать китайские границы в Южно-Китайском море (ЮКМ), где обостряются споры за ряд небольших архипелагов, права на которые предъявляет как КНР, так и его соседи — Вьетнам, Малайзия, Филиппины. Территориальные споры в ЮКМ используются Соединёнными Штатами как рычаг для сближения со странами АСЕАН, не довольными жёсткой позицией Китая и его деятельностью по освоению островов в ЮКМ. В частности, на волне противостояния с КНР Филиппины в 2022 г. при новом президенте Маркосе взяли курс на военно-политическое сотрудничество с США.

В настоящей работе мы рассмотрим только первую из этих трёх проблем — корейскую.

Анализ перспектив конфликтного или неконфликтного будущего следует начинать с определения целей трёх основных центров силы³ в регионе СВА: России, США и Китая, — отношения между которыми и формируют стратегический треугольник, от взаимоотношений в котором будет зависеть будущее как региона, так и всего мира.

Цели политики Соединённых Штатов, с одной стороны, и Китая и России — с другой, особенно цели их борьбы за влияние в СВА, разнятся.

¹ Pompeo urges Washington to recognize Taiwan as sovereign nation // Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Pompeo-urges-Washington-to-recognize-Taiwan-as-sovereign-nation> (дата обращения: 19.11.2023).

² UK parliament calls Taiwan 'independent country' as Cleverly visits China // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/uk-parliament-calls-taiwan-independent-country-report-says-james-c-leverly-visit-china/> (дата обращения: 19.11.2023).

³ Россия—США—Китай: порядкоформирующий треугольник. Заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем Татьяна Шаклеина — о мире с тремя центрами сил // Новости МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rossiya-ssha-kitay-poryadkoformiruyushiy-shchiy-treugolnik/> (дата обращения: 07.09.23).

Цель США мы можем обозначить как сохранение политической гегемонии, завоёванной после распада социалистического блока. Данная цель ранее прикрывалась идеологическими соображениями (борьбой за демократию, права человека и политические свободы, свободу торговли), хотя в последние годы лозунги стали уступать место открытому провозглашению курса на сдерживание России и Китая [Teixeira, 2019]. В частности, США с 2018 г., после выхода из проекта Транстихоокеанского партнёрства, уже не упоминают о свободной торговле как своей задаче в АТР.

Цели России — сохранение и гарантирование своих жизненных интересов на пространстве бывшего СССР и внеблоковый статус пограничных с нею государств СВА: Японии, КНДР, Китая, Монголии, а также Южной Кореи. В качестве целей нашей страны также можно назвать достижение мирного договора с Японией с подтверждением статуса Курильских островов, а также демилитаризацию Корейского полуострова.

Цели Китая — модернизация страны в передовую державу современного мира и рост международного влияния, в том числе в регионе СВА, а также устранение угроз со стороны США, чья доктрина сдерживания основывается на создании цепочки военно-политических союзов по периметру китайских границ, включая Японию, Южную Корею, Тайвань, Филиппины, а, возможно, также Вьетнам и Индию.

Таким образом, можно констатировать, прежде всего, что цели России и Китая, *во-первых*, во многом совпадают, *во-вторых*, входят в противоречие с задачами США, что делает их естественными партнёрами по координации деятельности в СВА. Кроме того, ни Пекин, ни Россия не ставят своей целью сдерживание США само по себе: обеим державам скорее приходится противодействовать курсу США [Лукин, 2023].

Партнёрству РФ и КНР способствует и то, что странам в начале столетия удалось достичь прорывного результата по полному урегулированию пограничных вопросов. Россия стала единственной из стран — соседей Китая, кому удалось снять все пограничные противоречия с ним, что создало почву для наращивания сотрудничества по всем направлениям.

Россия и Китай заняли единую позицию по большинству вопросов международной повестки на площадках Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, Группы двадцати и других международных форматов. Обе державы продолжают придерживаться принципов учёта интересов безопасности всех стран, неприемлемости санкционного давления и вмешательства во внутренние дела других государств, инклюзивности международной безопасности, изложенных в Совместном заявлении от 4 февраля 2022 г. Все эти вопросы в 2022 г. стали важными и чувствительными для всего мира, и на сегодняшний день между Россией и Китаем по ним существует практически полный консенсус [Бабаев, КОРТУНОВ и др., 2023]. Этот идейный консенсус служит естественной базой для формирования успешного долгосрочного партнёрства: обе страны одинаково видят будущее человечества.

На сегодняшний день Россия является для Китая фактически единственным крупным партнёром, без которого КНР останется один на один с коалицией, возглавляемой США¹.

На фоне усиления противостояния с Вашингтоном отношения между Москвой и Пекином неизбежно будут укрепляться, — однако усиливаться будут и попытки США внести раскол между ними, причем по нескольким направлениям. С одной стороны, США пытаются создать у всего мира впечатление о Китае как об опасном партнёре, союз с которым не несёт ничего хорошего², с другой — России стремятся создать проблемы так, чтобы она не могла содействовать Китаю в конфронтации с США. В этом заключается одна из геостратегических целей провокации украинского конфликта.

Перейдём теперь к региональному измерению проблемы, обратив особое внимание на Корейский полуостров, где граница между КНДР и «западным» (США—ЕС—Япония—Республика Корея—Австралия) блоком пролегла по 38-й параллели.

С точки зрения институционального оформления союза западный блок продвинулся существенно дальше, чем восточный, сделав важный шаг в виде недавнего тройственного саммита в Кэмп-Дэвиде³. Срочное создание военно-политической структуры между тремя странами в западном блоке обуславливали усилением партнёрства РФ, КНР и КНДР. Так, в южнокорейской прессе циркулирует тезис, что «конфронтация между свободным миром и авторитарными диктатурами обостряется по мере того, как Северная Корея, Китай и Россия открыто демонстрируют свою солидарность»⁴. Поэтому саммит в Кэмп-Дэвиде должен был «выработать меры не только по укреплению стратегии расширенного сдерживания США против угроз безопасности со стороны Северной Кореи, но и по борьбе с укрепляющимся единством трех автократических стран, обладающих ядерным оружием». Западные аналитики дошли до того, что назвали сближение Пекина, Пхеньяна и Москвы «треугольником смерти»⁵, хотя между тремя указанными столицами никакого блока на сегодняшний день не существует.

США, Японии и Республики Корея не является прямым аналогом НАТО в Атлантике, но новый век влечёт за собой новые форматы. Нет нужды вписывать

¹ Кирилл Бабаев. «Китай в глобальном конфликте занял сторону России» // Новые Известия. URL: <https://newizv.ru/news/2023-03-18/kirill-babaev-kitay-v-globalnom-konflikte-zanyal-storonu-rossii-401192> (дата обращения: 19.11.2023).

² Асмолов К. В. Какая Россия нужна Китаю // Русский журнал, 26.03.2007. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kakaya-Rossiya-nuzhna-Kitayu> (дата обращения: 07.09.23).

³ См. подробнее: Full text of 'Camp David Principles' agreed by leaders of S. Korea, U.S., Japan // Yonhap news. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230819000400315?section=news>; Full text of joint statement of leaders of S. Korea, U.S., Japan «The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States» // Yonhap news,. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230819000300315?section=news> (дата обращения: 07.09.23).

⁴ Oh Seok-min. NK-China-Russia intimacy. S. Korea, US, Japan should discuss stronger extended deterrence at Camp David summit // Editorial from Korea Herald on August 01, 2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230801000500320?section=news> (дата обращения: 07.09.23).

⁵ Giuliani, Federico. Il triangolo della morte asiatico che minaccia gli Usa // InsideOver, 20 .04 2023. URL: <https://it.insideover.com/difesa/il-triangolo-della-morte-asiatico-che-minaccia-gli-usa.html> (дата обращения: 07.09.23).

обязательства по взаимной обороне, если ключевым фактором союза являются двусторонние связи между США и каждой из двух азиатских стран, а они уже закрепились в других документах, например в Договоре о взаимной обороне¹, который США и Южная Корея заключили между собой в 1953 г.

Действительно, по комплексу исторических причин слабым звеном в западном блоке в СВА является линия Южная Корея — Япония, прежде всего из-за исторических и внутривосточных причин. Большинство жителей Южной Кореи продолжает видеть в Японии исторического противника, однако администрация президента Юн Сок Ёля сделала серьезный разворот в сторону усиления южнокорейско-японского сотрудничества и построения постоянного треугольника США—РК—Япония.

Обе азиатские страны сегодня заинтересованы в наращивании своего военного потенциала. Япония заложила в свой военный бюджет 2024 г. рекордную сумму, эквивалентную 54 млрд долл.², и открывает новые военные базы на удаленных островах³. В Южной Корее всё настойчивее звучат требования различных политиков о разработке собственного ядерного потенциала в ответ на ядерную программу КНДР⁴. Ни США, ни Япония, ни Южная Корея на сегодняшний день не выдвигают никаких инициатив в области урегулирования разногласий с «восточными» соседями.

Восточный блок при этом пока никак не формализован. Однако в текущей ситуации России, КНР и КНДР необходимо также укреплять свою координацию. Важными особенностями взаимодействия между тремя странами является, *во-первых*, наличие между ними сухопутных границ; *во-вторых*, общая память и отсутствие исторических претензий друг к другу и, наконец, отсутствие единого гегемона. Россия и Китай не смогут принимать долгосрочные решения по корейскому вопросу без взаимного согласования, в отрыве друг от друга. В отличие от ситуации в западном блоке, Россия и КНР воспринимаются как относительно равные партнеры без необходимости жертвовать национальными интересами в угоду «старшему брату», ибо только четкие правила сотрудничества на справедливых условиях могут способствовать миру и стабильности на Корейском полуострове.

Помимо этого, чрезвычайно важным фактором является и то, что все три страны являются ядерными державами: Россия и КНР члены «ядерного клуба»,

¹ Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea; October 1, 1953. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения: 07.09.23).

² 来年度の防衛予算、過去最大7.7兆円を要求 防衛省が方針 [Министерство обороны требует, чтобы оборонный бюджет следующего финансового года составил 7,7 триллиона иен, что является самым высоким показателем за всю историю] // Asahi. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASR8P7L3R8PULFA00T.html> (дата обращения: 19.11.2023).

³ Япония открыла новую военную базу на отдаленном острове Исигаки // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17279839> (дата обращения: 19.11.2023).

⁴ South Korea should build nuclear weapons to defend against North, says Seoul's mayor // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/asia/east-asia/article/3213305/south-korea-should-build-nuclear-weapons-protect-against-north-says-seouls-mayor?utm_source=rss_feed (дата обращения: 19.11.2023).

КНДР де-факто обладает ядерным оружием, хотя в качестве члена «клуба» не признана. Всё это существенным образом отличает отношения в «восточной» тройке от кэмп-дэвидских союзников.

До недавнего времени связи между Россией и КНДР были весьма слабы: их торговый оборот составлял несколько десятков миллионов долларов в год, железнодорожное сообщение функционировало нерегулярно, а политические контакты были недостаточно интенсивны. Однако после пандемийного периода, когда границы КНДР были закрыты почти три года, особенно важное значение получило возобновление взаимных визитов.

В конце июля 2023 г. состоялся визит в Северную Корею военно-правительственной делегации во главе с министром обороны РФ Сергеем Шойгу, которая приняла участие в торжественных мероприятиях в Пхеньяне, посвященных 70-летию окончания Корейской войны. За ним последовал шестидневный визит лидера КНДР в Россию 12—18 сентября и его встреча с президентом РФ. Эти визиты стали важными вехами в истории отношений двух государств. Во время переговоров лидер КНДР особо отметил то, что у наших стран «очень много вопросов для развития отношений, включая политику, экономику и культуру, — для того чтобы это помогло улучшению благосостояния наших народов»¹. В октябре 2023 г. состоялся визит главы российского МИД Сергея Лаврова в Пхеньян для обсуждения итогов дальневосточного саммита. Всё это говорит о том, что Россия приняла решение расширять двусторонние связи с КНДР сразу по нескольким направлениям.

В Южной Корее чрезвычайно активно обсуждают последние новости о расширении контактов между Россией и КНДР. Местные политологи при этом высказывают мнение, что визит Ким Чен Ына в Россию и в целом активизация российской политики в отношении КНДР бьют по интересам Китая в регионе, подрывая его монополию на взаимодействие с Северной Кореей. Однако можно видеть, что это не так. В сентябре 2023 г. Сергей Лавров заявил, что и Москва, и Пекин откажутся от санкций против КНДР, так как последние более не отвечают обстановке². Это заявление важно именно потому, что речь идёт о скоординированной политике РФ и КНР. В Москве считают, что санкции, наложенные на КНДР Советом Безопасности ООН с 2006 по 2017 г., в изменившихся геополитических условиях утратили своё значение.

Наряду с возобновлением активного сотрудничества с Россией Северная Корея последовательно укрепляет свои отношения и с Китаем. Они во многом базируются на экономической целесообразности: Китай является основным торговым партнёром КНДР. С 2018 г. дружба двух стран позиционируется как непрерывный процесс, не зависящий от сиюминутной конъюнктуры, скрепленный кровью во время Корейской войны 1950—1953 гг. и основанный на социалисти-

¹ Российско-корейские переговоры // Официальный сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72265> (дата обращения: 19.11.2023).

² Лавров заявил об отказе России и Китая от санкций против КНДР // Радио Свобода (СМИ, выполняющее функции иноагента). URL: <https://www.svoboda.org/a/lavrov-rasskazal-ob-otkaze-rossii-i-kitaya-ot-sanktsiy-protiv-kndr/32590705.html> (дата обращения: 19.11.2023).

ческой идеологии, исповедуемой братскими партиями. Демонстрацией такого подхода является постоянный обмен поздравительными телеграммами и письмами между лидерами двух стран и серия мероприятий двух стран, посвященных 70-летию завершения Корейской войны. Отметим и то, что нынешний руководитель международного отдела ЦК Трудовой партии Кореи Ким Сон Нам — специалист по изучению Китая.

И Россия, и Китай ставят на Корейском полуострове единые цели. *Во-первых*, это увязывание ядерной проблемы Корейского полуострова с проблемой войск США в Южной Корее. Это приводит нас к единственно возможному выводу: в ближайшие годы, пока в стратегическом треугольнике Россия—США—КНР не будет достигнуто геостратегическое согласие, денуклеаризация Корейского полуострова невозможна.

Во-вторых, Россия заинтересована в существовании КНДР не только в качестве предграничной буферной зоны, но и в качестве стратегического партнёра в условиях присоединения Южной Кореи к антироссийскому блоку [Асмолов, Захарова, 2023]. РФ и КНДР выступают единым фронтом против политики США навязать всему миру порядок, в который включен тренд на демонизацию, изоляцию, а в перспективе — ликвидацию КНДР как государственного образования.

В свою очередь, с 2022 г. РФ и КНР начали более активное противостояние санкционному давлению США на КНДР или иным попыткам использовать эту площадку для осуждения Пхеньяна. Так, 26 мая 2022 г. Россия и Китай наложили вето на очередной проект санкционной резолюции США¹, и с тех пор любые попытки провести через СБ ООН дополнительные санкции заканчивались тем, что дело даже не доходило до голосования.

В августе 2023 г. Москва и Пекин аналогичным образом отреагировали на обсуждение в СБ ООН проблемы прав человека в КНДР. Российская сторона справедливо указала, что Совет Безопасности не уполномочен заниматься правозащитными вопросами².

Расхождений в «восточном» треугольнике в СВА при этом хватает. Например, в отличие от КНДР, Китай не выражал прямой поддержки действий России на Украине, так как не хочет быть обвинён в двойных стандартах и намерен сохранить свободу рук для мирного посредничества. КНР, с одной стороны, и Россия и КНДР — с другой, занимают различные позиции по отношению к вопросу открытия транспортного пути для китайских судов через р. Туманган (Туманную, Тумзынцян) в Японское море. Что же касается политики КНДР в сфере безопасности, то она и вовсе во многом диктуется собственными соображениями, и рекомендациям Москвы и Пекина по этому поводу в Пхеньяне следуют далеко не всегда.

¹ Вето в Совете Безопасности — СССР/Российская Федерация // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto-ussr_russia; РФ и Китай наложили вето в СБ ООН на резолюцию о санкциях против КНДР. Известия, 26 мая 2022 г. URL: <https://iz.ru/1340667/2022-05-26/rf-i-kitai-nalozhili-veto-v-sb-oon-na-rezoliutciiu-o-sanktciiakh-protiv-kndr> (дата обращения: 07.09.23).

² Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по КНДР. URL: https://russiaun.ru/ru/news/unsc_2508232 (дата обращения: 07.09.23).

Интересна в этом контексте и точка зрения китайских ученых. Например, известный китайский политолог Чжао Хуашэн обращает внимание на то, что китайско-российский союз будет подразумевать восприятие США как открытого врага, и хотя союз позволяет ослабить общую угрозу, обозначение великой державы в качестве врага само по себе создает огромное стратегическое давление. Поэтому большим стратегическим успехом для Китая будет «не позволить партнёру превратиться во врага», ибо КНР «отвергает менталитет холодной войны и «игру с нулевой суммой»¹.

Существование двух блоков в регионе СВА увеличивает региональную напряженность и в перспективе может доформиться взаимными обязательствами военно-политического характера. Первым к этому подошёл западный блок, дав почву разговорам о формировании «азиатского НАТО»². Усиление давления США на своих союзников в СВА с точки зрения соблюдения и введения санкций против России и Китая, более жёсткая риторика в отношении КНДР, проведение трёхсторонних встреч на высшем уровне — всё это будет неизбежно вызывать реакцию со стороны Москвы и Пекина. Следовательно, их стремление усилить координацию между собой и с КНДР будет нарастать. Отсюда можно сделать ещё один неутешительный вывод: любой инцидент на Корейском полуострове или в территориальных водах двух корейских государств может потенциально перерасти в конфликт между державами стратегического треугольника.

Взаимодействие центров силы США—КНР—РФ в регионе СВА является главенствующим трендом, оказывающим влияние на будущее всего мира. Однако ключом к сохранению безопасности в регионе — и в этом согласны и российские, и китайские, и даже южнокорейские учёные — является позиция США. В случае, если Вашингтон возьмёт курс на достижение стратегической договорённости с Россией и КНР по корейской проблеме (что вполне можно сделать «в отрыве» от украинской проблемы) и выразит готовность сесть за стол переговоров, Москва и Пекин наверняка проявят аналогичную добрую волю. Более того, в таком развитии событий заинтересованы и Токио, и Сеул, нисколько не желающие быть втянутыми в противостояние со своим ведущим экономическим партнёром — КНР.

В противном же случае эскалация политической ситуации в регионе неизбежна и чревата началом вооружённого противостояния — пусть и из-за случайного повода, например падения северокорейской ракеты на территорию РК. И даже если противостояние не перейдёт в горячую фазу, продолжение экономического конфликта влечёт за собой существенные потери — прежде всего для экономик Южной Кореи и Японии, но также и для китайской экономики и в целом для всего мирового хозяйства.

Остаётся надеяться, что именно Вашингтон сможет найти в себе силы осознать, что дальнейшее углубление противостояния смертельно опасно, и только переговоры могут быть выходом из сегодняшней напряжённой ситуации.

¹ Чжао Хуашэн «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019; 10 (2): 69—85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017.

² Never Say Never to an Asian NATO // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/09/06/asian-nato-security-alliance-china-us-quad-aukus-japan-australia-taiwan-military-biden/> (дата обращения: 19.11.2023).

Библиографический список

Асмолов К.В., Захарова Л.В. Решительность и аккуратность // Россия в глобальной политике, 2023. Т. 21. № 4. С. 203—224.

Лукин А.В. Американско-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность // Россия в глобальной политике, 2023. Т. 21. № 1. С. 118—137.

Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / 2023 [К.В. Бабаев, А.В. Кортуннов, Фэн Юйцзюнь, Гао Цзисян и др.; под ред. Е.О. Карпинской, А.П. Александрова, П.В. Бакулиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 88 с. С. 6. ISBN: 978-5-6048843-6-2.

Teixeira, Victor. The United States' China Containment Strategy and the South China Sea Dispute. Central European Journal of International and Security Studies 13, 2019. No. 3. Pp. 166—193.

References

Asmolov, K. V., & Zaharova, L. V. (2023). Reshitel'nost' i akkuratnost'. Otnosheniya Rossii i gosudarstv Korejskogo poluostrova v novuyu epohu [Decisiveness and accuracy. Relations between Russia and the states of the Korean Peninsula in a new era], *Rossiia v global'noj politike*, Vol. 21, No. 4: 203—224.

Lukin, A. V. (2023). Amerikano-kitajskoe sopernichestvo v ATR: deklaracii i real'nost' [American-Chinese rivalry in the Asia-Pacific region: declarations and reality], *Rossiia v global'noj politike*, Vol. 21, No. 1: 118—137.

Russian-Chinese dialogue: model 2023: report No. 87 / 2023 [K.V. Babaev, A.V. Kortunov, Feng Yujun, Gao Jixiang and others; edited by E.O. Karpinskaya, A.P. Alexandrova, P.V. Bakulina and others]; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RSMD, 2023, 88 p. ISBN: 978-5-6048843-6-2.

Teixeira, Victor. (2019). The United States' China Containment Strategy and the South China Sea Dispute. Central European Journal of International and Security Studies 13, No. 3: 166—193.

Поступила в редакцию: 11.10.2023

Received: 11.10.2023

Принята к публикации: 31.10.2023

Accepted: 31.10.2023

К.О. Новиков

Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: вызовы и перспективы

Аннотация. В настоящей работе анализируется современный этап южнокорейско-японских отношений при президенте Юн Сок Ёле. Автор рассматривает двусторонние отношения на момент прихода к власти в РК Юн Сок Ёля и его политику в отношении Японии. В работе поднимается вопрос о перспективах настоящего двустороннего сотрудничества, а также препятствиях, которые могут возникнуть в реализации этой политики. Автор утверждает, что, несмотря на активизацию сотрудничества при президенте Юн Сок Ёле и прогресс в развитии двусторонних отношений, ряд нерешенных политических и исторических проблем может подорвать перспективы развития этих отношений. В частности, проблемы исторической памяти, а также ряд нерешенных экономических вопросов могут стать дестабилизирующими факторами для будущих двусторонних отношений. Следует признать, что правительство Юн Сок Ёля не старается решить эти проблемы, а лишь исключает их из повестки двусторонних отношений, что в конечном итоге замораживает конфликт и может привести к сложностям в будущем.

Ключевые слова: Южная Корея, Япония, двусторонние отношения.

Автор: Новиков Кирилл Олегович, аспирант, Институт Китая и Современной Азии РАН, преподаватель, Лицей, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0009-0009-2968-8893.
E-mail: fairad@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Новиков К. О. Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: вызовы и перспективы // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 79—91.
DOI: 10.48647/ICCA.2023.49.39.007.

К.О. Novikov

Yoon Suk Yeol's Policy towards Japan: Challenges and Prospects

Abstract. In this paper, the author analyzes the current stage of South Korean-Japanese relations under the leadership of President Yoon Suk Yeol. The author examines his policy towards Japan, raising questions about the prospects for further bilateral cooperation and identifying potential obstacles to the implementation of this policy. The paper contends that, despite the intensification of cooperation under President Yoon Suk Yeol and progress in the development of bilateral relations, several unresolved political and historical issues may undermine the prospects for their continued growth. Specifically, challenges related to historical memory and several outstanding economic issues have the potential to act as destabilizing factors in future bilateral relations. In turn, the government of Yoon Suk Yeol appears to refrain from actively addressing these prob-

lems, opting instead to exclude them from the bilateral relations agenda. This approach, while seemingly avoiding immediate conflict, may result in a freeze of the issues, posing potential difficulties for the future.

Keywords: South Korea, Japan, bilateral relations.

Author: Kirill O. NOVIKOV, PhD student, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS, teacher, Higher School of Economics Lyceum.
ORCID: 0009-0009-2968-8893. E-mail: fairad@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Novikov K.O. (2023). Politika Yun Sok Yolya v otnoshenii Yaponii: vy'zovy` i perspektivy` [Yoon Suk Yeol's Policy towards Japan: Challenges and Prospects. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 79—91. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.49.39.007.

Отношения Республики Корея (РК) и Японии в постколониальный период носили двойственный характер. Две страны, являясь ближайшими соседями и обладающие схожими интересами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, зачастую находились в состоянии конфликта из-за проблем уже минувшего прошлого. После демократизации Южной Кореи и избрания первого президента Шестой республики Ро Дэ У тренд на увеличение влияния исторической памяти на отношения РК и Японии только усиливался. Пришедший к власти в РК в 2022 г. Юн Сок Ёль нормализовал отношения двух стран и попытался закрыть вопрос, связанный с насильственно мобилизованными рабочими в колониальную эпоху. Однако активная внешняя политика Юна в отношении Японии вызывает критику его действий со стороны оппозиции и общественного мнения Южной Кореи. В связи с этим возникает необходимость в комплексном изучении политики Юн Сок Ёля, выявление перспектив этой политики и вызовов, которые стоят на ее пути.

Исследовательская проблема. Историческое развитие отношений Республики Корея и Японии показало, что, какими бы успешными ни казались попытки двух стран перешагнуть историческое прошлое ради взаимовыгодного сотрудничества, полное урегулирование всех вопросов, связанных с исторической памятью, по сей день остается нереалистичной задачей. Так, несмотря на окончательный характер соглашения 1965 г., нормализующего отношения между Южной Кореей и Японией и полностью закрывающего все вопросы исторического прошлого, уже с 1990-х годов вопрос исторической памяти вновь оказался на повестке двусторонних отношений [Treaty on Basic Relations]. Провальным оказалось соглашение от 2015 г. [Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion], заключенное между Сеулом и Токио, которые таким образом стремились закрыть вопрос *вианбу* — корейских женщин, насильственно мобилизованных Японской империей в прифронтовые бордели во время Второй мировой войны. Наконец, резкое ухудшение отношений между Сеулом и Токио в 2019 г. на фоне решения корейского Верховного суда о выплате компенсаций японскими компаниями насильственно мобилизованным в воен-

ное время корейским рабочим и переход этой проблемы в политическую плоскость [Кистанов В.О., 2019]. Анализируя эти события, необходимо ответить на вопросы: как Юн Сок Ёль выстраивает свою политику в отношении Японии и способны ли двусторонние отношения избежать уже повторявшиеся в их истории кризисы в связи с проблемами исторической памяти?

В данном контексте стоит отметить и значительную роль исторической памяти в двусторонних отношениях. Алейда Ассман, немецкий историк и культуролог, выделяет три различных уровня измерения памяти — нейронный, социальный и культурный (соответствует понятию коллективной памяти) [Ассман А., 2014]. *Первый* уровень, на котором конструируется память, является нейронным, или биологическим, то есть предпосылкой для памяти служит непосредственно конкретный человек. На *втором* уровне, память индивидуальная смешивается с памятью социальной и тем самым вбирает в себя воспоминания других людей, однако она по-прежнему ограничена поколениями. Наконец, *третий* уровень памяти — культурный, является типом памяти, выходящим за рамки поколений и требующим опоры в виде символов или символических медиаторов, которые закрепляют воспоминания для будущих поколений. Память о колониальном прошлом в Южной Корее также прошла путь от индивидуальной и социальной к культурной, где такие сюжеты, как *вианбу*, или насильственно мобилизованные рабочие, стали теми символическими медиаторами. При этом влияние государства на эти процессы значительно. Государство зачастую использует коллективную память, превращая определенные исторические нарративы в миф, с помощью которого элиты могут достигать своих целей во внутренней и внешней политике страны.

Период руководства бывшего южнокорейского президента Мун Чжэ Ина был отмечен серьезным ухудшением корейско-японских отношений. Это прежде всего было связано с проблемами исторического прошлого, которые не только осложняли взаимодействие двух стран на политическом уровне, но и оказывали негативное влияние на экономическое и военное сотрудничество.

В 2018 г. Верховный суд Южной Кореи обязал ряд японских компаний выплатить компенсации корейским рабочим, которые были насильственно мобилизованы во время Второй мировой войны, а уже в 2019 г. после отказа этих компаний от выплат одобрил арест активов, принадлежащих японским фирмам [Кистанов В.О., 2019].

Соглашение 2015 г., заключенное при Пак Кын Хе и решавшее проблему *вианбу*, также становилось причиной разногласия сторон, так как Сеул постепенно отказывался от его реализации [Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В., с. 139].

На фоне общего ухудшения отношений, утверждая, что Южная Корея нарушает санкций ООН против Северной Кореи, в 2019 г. Япония исключила РК из так называемого белого списка, тем самым сильно усложнив импорт корейскими предприятиями необходимых материалов для собственного производства полупроводников и дисплеев — одной из ведущих отраслей Республики Кореи [Полупроводниковая война...]. Несмотря на официальную позицию Японии, данное решение можно трактовать и в контексте конфликта стран по вопросам истори-

ческой памяти, где Токио, не сумев вернуть Сеул за стол переговоров, решил использовать экономический рычаг для давления на РК.

Наконец, общее ухудшение отношений коснулось и сферы безопасности. Так, в 2019 г. Мун Чжэ Ин долгое время отказывался продлевать соглашение об обмене военной информации с Японией и сделал это лишь под сильным давлением своего тихоокеанского партнера США [Korea's Dispute ...].

Можно констатировать, что к моменту избрания в 2022 г. нового президента РК Юн Сок Ёль политическое сотрудничество между странами фактически было сведено на нет. В самой Южной Корее общественность также не питала теплых чувств по отношению к Японии. Согласно опросу общественного мнения 2022 г., порядка 53 % респондентов имели негативное восприятие Японии, а 65 % отметили, что отношения двух стран находятся на низком уровне [Will improved...].

Юн Сок Ёль в своей политике в отношении Японии выбрал курс, решительно отличающийся от курса своего предшественника. Общие представления о приоритетах его политики можно проследить по Стратегии для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) 2022 г. [Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region] *Во-первых*, согласно этой стратегии Южная Корея все больше отступает от позиции нейтралитета в противостоянии США и КНР, склоняясь в сторону своего политического, а не экономического партнера. Характерным является изменение ее подхода в тайваньском вопросе. Заявляется, что РК подтверждает свою приверженность миру и стабильности в Тайваньском проливе и напрямую связывает стабильность и мир на Корейском полуострове с таковыми на Тайване. *Во-вторых*, Южная Корея ставит своей целью нормализацию отношений с Японией для укрепления сотрудничества между государствами-единомышленниками в регионе. Однако для нормализации отношений необходимо было закрыть ряд спорных вопросов.

6 марта 2023 г. правительство РК объявило о плане решения вопроса насильственно мобилизованных рабочих. Сеул отказался от своих требований по принудительным компенсациям рабочим со стороны японских компаний и обязался создать специальный фонд для выплат потерпевшим, который будет финансироваться Южной Кореей. Участие японских компаний в финансировании этого фонда объявлялось добровольным [South Korea announces plan to resolve row over Japan forced labour]. Подобной, по сути, односторонней уступкой Юн Сок Ёль рассчитывал создать условия для возобновления двусторонних отношений.

В середине марта 2023 г. Юн Сок Ёль совершил свой первый официальный визит в Японию, где лично встретился с японским премьер-министром Фумио Кисидой. В рамках этого визита Сеул и Токио закрыли ряд спорных вопросов, существовавших между двумя странами. Так, стороны выразили приверженность плану РК по преодолению проблемы насильственно призванных рабочих путем создания фонда, финансируемого РК. Это, в свою очередь, послужило толчком для восстановления отношений в сфере экономики и безопасности. Япония вернула Южную Корею в свой «белый список», а РК отзывала свою жалобу на Японию в ВТО [Asmolov, 2023]. Также оба лидера согласились с необходимостью скорейшего возобновления между Японией и РК диалога по вопросам безопас-

ности и стратегического диалога между ними на уровне заместителей министров [Japan-ROK Summit Meeting, 16.03.2023]. Таким образом, стороны нормализовали свои отношения в сфере безопасности в рамках соглашения GSOMIA (Соглашение об обмене военной информацией).

В духе этой политики можно рассматривать и речь Юн Сок Ёля, которую он произнес по случаю Дня Первоапрельского движения за независимость [Президент Юн Сок Ёль...]. В этой речи, помимо упоминания о растущей значимости трехстороннего сотрудничества между РК, Японией и США для преодоления кризисов безопасности, связанных прежде всего с КНДР, дается и оценка отношениям Южной Кореи и Японии. Так, Юн Сок Ёль заявляет, что к настоящему времени Япония из военного агрессора превратилась в партнера Южной Кореи, с которым Сеул разделяет общие ценности и сотрудничает в сфере экономики, безопасности и на международной арене. В своей речи президент РК не упомянул ни проблему насильственно призванных рабочих, ни проблему «женщин для комфорта», делая акцент лишь на будущем сотрудничестве двух стран. Подобная риторика явно контрастирует не только с политикой, проводимой ранее Мун Чжэ Ином, но и с политикой других предшественников, которые так или иначе упоминали о наличии японской ответственности за события колониального периода.

Вскоре после этой речи, 7 мая 2023 г., японский премьер-министр нанес ответный визит в Южную Корею, что позволило политикам говорить о возобновлении «челночной дипломатии» [Japan-ROK Summit Meeting, 07.05.2023]. Учитывая довольно односторонние шаги Юн Сок Ёля в вопросах исторической памяти, многие в Сеуле ожидали услышать от Фумио Кисиды слова извинения за колониальный период, однако тот ограничился лишь ссылкой на декларацию от 1998 г., в которой бывший премьер-министр Кейдзо Обучи выражал глубокое сожаление по поводу колониального прошлого двух стран [Japanese Prime Minister Kishida's...]. Другим жестом, который можно рассматривать в рамках ответных шагов Японии по примирению с историческим прошлым, можно назвать посещение японским премьером национального кладбища в Сеуле, где лидеры отдали дань уважения мемориалам, которые в том числе посвящены борцам за независимость Кореи в период колониального правления Японии [Japan leader expresses...].

Несмотря на то что 2023 г. еще не закончился, можно констатировать, что этот год стал годом активизации сотрудничества между странами. Помимо уже упомянутых саммитов, лидеры стран также встречались 21 мая в Японии, куда по случаю саммита G7 прибыл Юн Сок Ёль [Japan-ROK Summit Meeting, 21.05.2023], а также участвовали в ряде трехсторонних саммитов с США.

Тренд на сближение Сеула и Токио нельзя рассматривать в отрыве от политики Вашингтона в регионе. Так, в Индо-Тихоокеанской стратегии США 2022 г. ИТР называется одним из центральных регионов в политике Вашингтона, и отмечается, что, помимо укрепления двусторонних отношений со странами-партнерами в регионе, Соединенные Штаты будут работать над активизацией сотрудничества с РК и Японией в трехстороннем формате [Indo-Pacific Strategy of the United States]. Несмотря на то, что на официальном уровне основной целью это-

го трехстороннего сотрудничества заявляется противостояние угрозам со стороны КНДР, в условиях поляризации мира и противостояния США и КНР, укрепление трехстороннего альянса видится как еще один шаг по сдерживанию КНР.

Сама идея формирования альянса на трехсторонней основе не нова для США, однако в углублении сотрудничества помехой всегда становились напряженные отношения между РК и Японией. Именно поэтому Вашингтон позитивно воспринимал шаги лидеров двух стран по восстановлению отношений [Asmolov, 2023].

В 2022—2023 гг. между странами прошел ряд трехсторонних переговоров. Так, стороны встречались на саммите НАТО в Мадриде в 2022 г., а также на полях конференции АСЕАН в ноябре того же года [Лидеры РК, США...]. Важным этапом в активизации сотрудничества стал саммит в Кэмп-Дэвиде, который состоялся 18 августа 2023 г. [Воронцов А.В., 2023] Важно отметить, что предлогом для усиления трехстороннего сотрудничества являлась военная угроза КНДР, однако, как доказывает их встреча в Кэмп-Дэвиде, стороны заинтересованы не только в денуклеаризации Северной Кореи.

Так, в «Принципах Кэмп-Дэвида», опубликованных по итогам саммита, есть параграф о приверженности стран полной денуклеаризации КНДР, однако стороны отмечают, что выступают против любых односторонних попыток изменить статус-кво с помощью силы или принуждения в регионе, в том числе в Тайваньском проливе [Camp David Principles]. В данной формулировке отражается явный выпад в сторону КНР, что свидетельствует о более сильном втягивании РК в антикитайский блок США. Можно констатировать, что Южная Корея, которая традиционно старалась лавировать и не выбирать сторону в противостоянии США и КНР, по всей видимости, вынуждена отходить от своей политики нейтральности.

Совместное заявление РК, Японии и США, которое называется «Дух Кэмп-Дэвида», также свидетельствует об углублении трехстороннего сотрудничества [The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States]. Так, стороны договорились о ежегодных трехсторонних встречах между лидерами стран, министрами иностранных дел, министрами обороны и министрами финансов. Наконец, страны намерены запустить ежегодный трехсторонний Индо-Тихоокеанский диалог для координации шагов по реализации индо-тихоокеанских подходов. Все это говорит о стремлении к более глубокой институционализации трехстороннего формата.

В другом документе, также подписанном по итогу саммита «Приверженность консультациям», стороны также обязались организовать трехсторонние консультации для координации единого ответа на региональные вызовы, провокации и угрозы, которые затрагивают их коллективные интересы и безопасность [Commitment to Consult].

Учитывая, что сотрудничество в трехстороннем формате невозможно без адекватных отношений между Сеулом и Токио, именно потепление отношений этих двух стран повысило шансы дальнейшего развития трехстороннего альянса.

Несмотря на определенный прогресс в двухсторонних отношениях, существует ряд вызовов для японской политики Юн Сок Ёля.

Прежде всего, столь прояпонская политика президента РК не находит поддержки в самой Южной Корее. Не только оппозиция, но и корейская общественность были возмущены планом правительства РК по решению проблемы насильственно мобилизованных рабочих. Один из лидеров оппозиции и главный оппонент Юн Сок Ёля на президентских выборах 2022 г. Ли Чжэ Мён оценил саммит как самый позорный и ужаснейший инцидент в истории корейской дипломатии [Asmolov, 2023]. По последним опросам общественного мнения, на июль 2023 г. негативно работу президента оценивали 53 % корейцев [Yoon's approval...].

В силу особенностей политической системы Южной Кореи, когда президент может избираться только на один пятилетний срок, Юн Сок Ёль может не заботиться о вопросах своего переизбрания. Критика своего правительства пока никак не повлияла на настоящий курс корейского президента, однако вероятность регресса политики в отношении Японии вполне возможна и имеет прецеденты. Характерным примером можно назвать период руководства Ли Мён Бака, который в начале своего президентского срока активно развивал отношения с Японией, за что даже был прозван японофильским политиком. Тем не менее из-за протестов оппозиции и негативного общественного мнения в отношении Японии в 2012 г. он так и не смог подписать соглашение GSOMIA и, в конце концов, даже посетил спорные острова Токто, чем окончательно заморозил двусторонние отношения на период своего президентства [Park Young-June, 2016].

Даже при условии сохранения настоящего курса вплоть до 2027 г., вопрос его преемственности находится в еще более подвешенном состоянии. Избранный в 2027 г. президент может денонсировать все подписанные между двумя странами соглашения, тем самым нивелировав достижения Юн Сок Ёля. Так, непопулярное у общественности и оппозиции соглашение 2015 г., заключенное Пак Кын Хе по *вианбу*, где стороны «окончательно и необратимо» решали проблему «женщин для комфорта», было денонсировано уже при следующем президенте Мун Чжэ Ине [Дьячков И.В., 2019].

Особенно опасными для двусторонних отношений остаются проблемы исторической памяти. Попытки Юн Сок Ёля по примирению с Японией путем односторонних уступок со своей стороны, которые в глазах общественности и оппозиции могут выглядеть предательством национальных интересов, решают проблему лишь в краткосрочной перспективе.

Сотрудничество стран в настоящий момент держится на спорном соглашении о насильственно мобилизованных рабочих и игнорировании ряда других противоречий в вопросах исторической памяти. Проблема суверенитета над островами Токто, а также проблема «женщин для комфорта» находится за скобками двусторонних отношений, что создает риск для актуализации этих проблем в будущем. Наконец, как показал пример Мун Чжэ Ина, который в своей внешней и внутренней политике использовал относительно свежую идею насильственно мобилизованных рабочих, можно фактически политизировать любой другой сюжет из истории двусторонних отношений колониального периода: насильственная политика Японии по смене имён, вывоз из Кореи корейских материалов культурного наследия, погромы корейцев после землетрясения в Канто в 1923 г.

Помимо проблем исторической памяти, преградой для более глубокого сотрудничества являются и экономические интересы двух стран. Помимо того, что страны конкурируют друг с другом в сфере высокотехнологичных производств, между ними существуют и более конкретные экономические противоречия. Проблема суверенитета Токто, помимо политического, имеет и экономическое измерение. Официальное признание островов Токто одной из сторон повлечет за собой серьезное изменение морских границ двух стран, что может сказаться не только на промысловой отрасли, но и на отрасли разработок природных ресурсов.

Также между странами существует латентный конфликт по поводу корейско-японского соглашения о совместной разработке континентального шельфа, вступившего в силу в 1978 г. и заканчивающегося в 2028 г. [Соглашения о совместном освоении...]. Данное соглашение распространяется на так называемый участок № 7, находящийся в Восточно-Китайском море южнее корейского о. Чеджу. Согласно этому документу, стороны обязывались совместно разрабатывать участок в поисках залежей нефти и газа, однако в 1980-х годах в силу экономической нецелесообразности исследования были прекращены. В то же время, согласно исследованиям, проведенным в 2000-х годах, на участке есть залежи природных ресурсов, однако в силу двустороннего соглашения Южная Корея не может самостоятельно приступить к разработке этих ресурсов [Судьба 7-й зоны...]. Проблема заключается в том, что согласно морской конвенции 1982 г., также подписанной Республикой Корея, исключительные экономические зоны страны должны располагаться в пределах 200 морских миль от исходной линии. Это, в свою очередь, ограничивает претензии Сеула на участок № 7 в силу удаленности последнего от территории Южной Кореи, и права на разведку и разработку ресурсов зоны также получает Китай и Япония [United Nations Convention on the Law of the Sea]. В 1970 г. правительство Пак Чон Хи включило территорию участка № 7 в свою юрисдикцию на основании норм, связанных с использованием континентального шельфа [Закон № 2184]. Таким образом, к моменту завершения соглашения о совместной разработке континентального шельфа Южная Корея может лишиться большей части привилегий в этой зоне. Часть ее политической элиты обеспокоена потерей этого потенциально богатого ресурсами участка моря, учитывая сильную зависимость РК от энергоносителей и отсутствие таковых на своей территории, поэтому все чаще озвучиваются требования решительных мер от действующих властей [Депутат Национального...]. Несмотря на то, что пока эта проблема не находится на повестке двусторонних отношений, с приближением 2028 г. спор вокруг статуса этого участка будет только разгораться.

Таким образом, несмотря на явную интенсификацию двустороннего сотрудничества в настоящий период, говорить о его обязательном развитии в будущем не представляется возможным. На данный момент стороны не смогли заложить тот устойчивый фундамент, на котором они смогут построить стабильные и прочные отношения между своими странами в силу как разногласий, касающихся исторической памяти, так и проблем экономического сотрудничества.

Можно констатировать, что японская политика Юн Сок Ёля оказала позитивное влияние на двусторонние отношения Токио и Сеула. Президент смог пойти на непопулярное в РК соглашение с Японией по поводу насильственно мобилизованных рабочих, что обеспечило дальнейшую нормализацию отношений в экономической и политической сферах. Однако, за скобками остался ряд других сложных исторических проблем, которые в любой момент могут подорвать все достигнутые сторонами достижения. Другим вызовом для двусторонних отношений является ряд экономических проблем, которые также могут стать препятствием для развития сотрудничества. Стороны должны приложить немало усилий для преодоления этих сложностей ради укрепления отношений между двумя странами.

Библиографический список

Асман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика // Новое литературное обозрение, 2014. 325 с.

Воронцов А.В. Реинкарнация треугольника США—Япония—Южная Корея. URL: <https://dzen.ru/a/ZOXC1hkKvyBqDgOO> (дата обращения: 24.08.2023).

Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования, 2019. № 4. С. 72—87.

Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-mezhdu-yaponiey-i-yuzhnoy-koreey-problemy-tendentsii-perspektivy?ysclid=lqdo0hhlos252466066> (дата обращения: 29.08.2023).

Лидеры РК, США и Японии обсудили вопросы сотрудничества // One Korea. URL: <http://onekorea.ru/2022/11/17/lidery-rk-ssha-i-yaponii-obsudili-voprosy-sotrudnichestva/?ysclid=llm19jpkn505157694> (дата обращения: 24.08.2023).

Полупроводниковая война Японии и Южной Кореи // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poluprovodnikovaya-tehnologicheskaya-voyna-yaponii-i-yuzhnoy-korei/?sphrase_id=126652462&ysclid=lqdoj4o3z8576438669 (дата обращения: 24.08.2023).

대한민국과일본국간의양국에인접한대륙붕의남부구역의공동개발에관한협[조약제645호] [Соглашения о совместном освоении южного района континентального шельфа, прилегающего к обеим странам, между Республикой Корея и Японией [Договор № 645]] // Arhieves.go.kr. URL: <https://www.archives.go.kr/theme/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=N&archiveEventId=0028098603#11> (дата обращения: 24.08.2023).

해저광물자원개발(법률제2184호). 1970년 1월 1일 Arhieves.go.kr [Закон № 2184 о Разработке минеральных ресурсов морского дна. 01.01.1970]. URL: <https://www.archives.go.kr/theme/next/gazette/viewGazetteDetail.do?gazetteEventId=0028034793&actionType=> (дата обращения: 24.08.2023).

윤 대통령 “불행한 과거 되새기고, 미래 변혁 위한 일 생각해야” [Президент Юн Сок Ёль: «Мы должны задуматься о том, что нужно для будущего процветания, а не о печальном прошлом» // KBS. URL: <https://youtu.be/zwvfMFGqo7o> (дата обращения: 24.08.2023).

한일 대륙붕 제7광구 운명은... 정치권 “대륙 세위야” [Судьба 7-й зоны Корейско-Японского континентального шельфа... Политики призывают принять меры] // 월간조선 [Ежемесячный Чосон]. URL: http://monthly.chosun.com/client/mdaily/daily_view.asp?idx=17476&Newsnumb=20230417476 (дата обращения: 25.08.2023).

임종성 의원, '7평구, 해양 관할권 분쟁 어떻게 대응할 것인가' 토론회 주최 [Депутат Национального собрания Им Чонсон: «Необходимо провести дебаты о том, как реагировать на проблему юрисдикции над 7-й зоной Корейско-Японского континентального шельфа»] // 뉴스위크 [Ньюсвоок]. URL: <http://www.newsworker.co.kr/news/articleView.html?idxno=200567> (дата обращения: 25.08.2023).

Asmlov K. Yoon Suk-yeol's Visit to Japan. URL: <https://journalneo.org/2023/04/04/yoon-suk-yeols-visit-tojapan/?ysclid=liwcpnkn4l458525143/> (дата обращения: 26.08.2023).

Camp David Principles // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/camp-david-principles/> (дата обращения: 24.08.2023).

Commitment to Consult // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/commitment-to-consult/> (дата обращения: 24.08.2023).

Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wpcontent/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region // The White House. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133/ (дата обращения: 24.08.2023).

Japan-ROK Summit Meeting // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asiapaci/korea/index.html/> (дата обращения: 24.08.2023).

Japan-ROK Summit Meeting // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page1e_000663.html (дата обращения: 24.08.2023).

Japan-ROK Summit Meeting. // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page1e_000700.html (дата обращения: 24.08.2023).

Japanese Prime Minister Kishida's Visit to South Korea: 3 Points to Watch // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2023/05/japanese-prime-minister-kishidas-visit-to-south-korea-3-points-to-watch/> (дата обращения: 24.08.2023).

Japan leader expresses sympathy for Korean colonial victims // AP. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f25c6fe4-64e8450a-064fab06-74722d776562/https/apnews.com/article/south-korea-japan-yoon-kishida-history-135badc84df0b545f44edcb2b86921fe (дата обращения: 24.08.2023).

Park Young-June. South Korea's Diplomacy and the Evolution of Korea-Japan Security Relations, 1965—2015 // Seoul Journal of Japanese Studies. 2016. Vol 2, No. 1. URL: http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/97040/1/06_PARK%20Young-June.pdf (дата обращения: 24.08.2023).

South Korea announces plan to resolve row over Japan forced labour // Aljazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/3/6/s-korea-announces-plan-to-resolve-row-over-japan-forced-labour/> (дата обращения: 24.08.2023).

Scott A. Snyder. South Korea at the crossroads. Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers // Council on Foreign Relations book, Columbia University Press New York, 2018. 372 p.

Troy Stangarone. Korea's Dispute With Japan Spills Into National Security // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2019/08/koreas-dispute-with-japan-spills-into-national-security/> (дата обращения: 24.08.2023).

The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (дата обращения: 24.08.2023).

United Nations Convention on the Law of the Sea // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&tmp=mtdsg3&clang=_en (дата обращения: 24.08.2023).

Will improved public sentiment in Japan and South Korea lead to better relations between the two countries? // Genron, September. URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5605.html (дата обращения: 24.08.2023).

Yoon's approval rating at 38.4 percent, survey shows // Korea Joongang Daily. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2023/07/05/national/politics/approval-rating-President-Yoon-Suk-Yeol/20230705095947747.html> (дата обращения: 24.08.2023).

References

Asmolv K. Yoon Suk-yeol's Visit to Japan, *New Eastern Outlook*. URL: <https://journalneo.org/2023/04/04/yoonsukyeolsvisittojapan/?ysclid=liwcpnkn4l458525143/> (accessed: 26.08.2023).

Asman A. (2014). Dlinnaya tyen' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: memorial culture and historical politics], *Novoye lityerturnoye obozreniye*, 2014. 325 p.

Camp David Principles. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/camp-david-principles/> (accessed: 24.08.2023).

Commitment to Consult. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/commitment-to-consult/> (accessed: 24.08.2023).

Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wpcontent/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 24.08.2023).

Dyachkov I. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problemye «zhenshchin dlya utyesheniya» v sovremennykh yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh [Historical memory and politics: the problem of “comfort women” in modern South Korean-Japanese relations], *Yaponskiye isslyedovaniya*, No. 4: 72—87.

Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region. The White House. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133/ (accessed: 24.08.2023).

Japan-ROK Summit Meeting. MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asiapaci/korea/index.html/> (accessed: 24.08.2023).

Japan-ROK Summit Meeting. MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page1e_000663.html (accessed: 24.08.2023).

Japan-ROK Summit Meeting. MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page1e_000700.html (accessed: 24.08.2023).

Japanese Prime Minister Kishida's Visit to South Korea: 3 Points to Watch, *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2023/05/japanese-prime-minister-kishidas-visit-to-south-korea-3-points-to-watch/> (accessed: 24.08.2023).

Japan leader expresses sympathy for Korean colonial victims, *AP*. URL: https://translated.turbo.pages.org/proxy_u/en-ru.ru.f25c6fe4-64e8450a-064fab06-74722d776562/https/apnews.com/article/south-korea-japan-yoon-kishida-history-135badc84df0b545f44edcb2b86921fe (accessed: 24.08.2023).

Kistanov V. (2019). Otnosheniya mezhdru Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemye, tyendyentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: problems, trends, prospects], *Yaponskiye isslyedovaniya*, No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-mezhdru-yaponiyey-i-yuzhnoy-koreyey-problemye-tendentsii-perspektivy?ysclid=lqebk5ndim863568891> (accessed: 29.08.2023).

Park Young-June (2016). South Korea's Diplomacy and the Evolution of Korea-Japan Security Relations, 1965—2015, *Seoul Journal of Japanese Studies*, Vol. 2, No. 1. URL: http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/97040/1/06_PARK%20Young-June/pdf/ (accessed: 24.08.2023).

South Korea announces plan to resolve row over Japan forced labour, *Aljazeera*. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/3/6/s-korea-announces-plan-to-resolve-row-over-japan-forced-labour/> (accessed: 24.08.2023).

Scott A. Snyder (2018). South Korea at the crossroads. Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers, *Council on Foreign Relations book*, Columbia University Press New York, 372 p.

Troy Stangarone. Korea's Dispute With Japan Spills Into National Security, *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2019/08/koreas-dispute-with-japan-spills-into-national-security/> (accessed: 24.08.2023).

The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (accessed: 24.08.2023).

Lidyery RK, SShA i Yaponii obsudili voprosy sotrudnichestva [The leaders of South Korea, the USA and Japan discussed issues of cooperation], *One Korea*. URL: <http://onekorea.ru/2022/11/17/lidery-rk-ssha-i-yaponii-obsudili-voprosy-sotrudnichestva/?ysclid=llm19jpkn505157694> (accessed: 24.08.2023). (In Russian).

Poluprovodnikovaya vojna Yaponii i Yuzhnoy Korei [The semiconductor war of Japan and South Korea]. Russian Council for International Affairs. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poluprovodnikovaya-tehnologicheskaya-voyna-yaponii-i-yuzhnoy-korei/?ysclid=llt9dwcmcw445442539> (accessed: 24.08.2023). (In Russian).

United Nations Convention on the Law of the Sea, *United Nations Treaty Collection*. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mt_dsg3&clang=_en (accessed: 24.08.2023).

Yoon's approval rating at 38.4 percent, survey shows, *Korea Joongang Daily*. URL: <https://koreajoo ngangdaily.joins.com/2023/07/05/national/politics/approval-rating-President-Yoon-Suk-Yeol/20230705095947747.html> (accessed: 24.08.2023).

Vorontsov A. Reinkarnatsiya treugol'nika SShA — Yaponiya — Yuzhnaya Koreya [Reincarnation of the triangle USA — Japan — South Korea]. URL: <https://dzen.ru/a/ZOXCiHkKvyBqDgOO> (accessed: 24.08.2023). (In Russian).

Will improved public sentiment in Japan and South Korea lead to better relations between the two countries? *Genron*. URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5605.html (accessed: 24.08.2023).

대한민국과일본국간의양국에인접한대륙붕의남부구역의공동개발에관한협[조약제645호] (daehanmingukgwa ilbon gugganui yangguge injeophan daeryukbungui nambuguyeogui gongdonggaebare gwanhanhyeop [joyakje 645ho]). [Convention on Joint Development of the Southern District of the Continental Shelf adjacent to both countries between the Republic of Korea and Japan [Treaty No. 645]]. URL: <https://www.archives.go.kr/theme/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=N&archiveEventId=0028098603#11> (accessed: 24.08.2023).

해저광물자원개발 (법률제2184호). 1970 년 1월 1일 (haejeogwangmuljawongaebal (beopryulje2184ho). 1970 nyeon 1wol 1il). [Seabed Mineral Resources Development (Act No. 2184). January 1, 1970], Arhieves.go.kr. URL: <https://www.archives.go.kr/theme/next/gazette/viewGazetteDetail.do?gazetteEventId=0028034793&actionType=> (accessed: 24.08.2023).

윤 대통령 “불행한 과거 되새기고, 미래 번영 위한 일 생각해야” (yun daetongryeong “bulhaenghan gwageo doesaegigo, mirae beonyeong wihan il saenggakhaeya”). [President Yoon Suk Yeol: “We should think about what is needed for future prosperity, not about the sad past”, KBS. URL: <https://youtu.be/zwvfMFGqo7o> (accessed: 24.08.2023).

한일 대륙붕 제7광구 운명은... 정치권 “대책 세워야” (hanil daeryukbung je7gwangu unmyeongeun... jeongchigwon “daechaek sewoya”). [The fate of the 7th zone of the Korean-Japanese Continental

Shelf], 월간조선 (wolganjoseon). [Monthly Joseon]. URL: http://monthly.chosun.com/client/mdaily/daily_view.asp?idx=17476&Newsnumb=20230417476 (accessed: 25.08.2023).

임종성 의원, ‘7광구, 해양 관할권 분쟁 어떻게 대응할 것인가’ 토론회 주최 (imjongseong uiwon, ‘7gwanggu, haeyang gwanhalgwon bunjaeng eotteohge daceunghal geosinga’ toronhoe juchoe). [Deputy of the National Assembly Im Jeong Son “it is necessary to hold a debate on how to respond to the problem of jurisdiction over the 7th zone of the Korean-Japanese continental shelf”], 뉴스워커 (nyuseuwokeo). [Newswork]. URL: <http://www.newsworker.co.kr/news/articleView.html?idxno=200567> (accessed: 25.08.2023).

Поступила в редакцию: 02.11.2023

Принята к публикации: 21.11.2023

Received: 02.11.2023

Accepted: 21.11.2023

Научное издание

Корееведение
№ 4(5), 2023

Редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Редактор английских текстов	Шкаатов Данил Евгеньевич
Технические редакторы:	Проткова Елизавета Васильевна, Федюнина Марина Андреевна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич
Источник иллюстрации для обложки:	Freepik

Дата публикации электронной версии	Декабрь 2023 г.
Подписано в печать	27.12.2023
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН.
E-mail: cks@iccaras.ru

Scientific edition

Koreanology
No. 4(5), 2023

Editor:	Ivanova N.
Editor (English articles):	Shkatov D.
Technical editors:	Protkova E., Fedyunina M.
Layout:	Tarasov S.
Source of picture on the cover:	Freepik

Date of issue:	December, 2023
Posted in Press	
Circulation	100 copy

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cks@iccaras.ru